Е.В. Ватутина, М.Э. Рут
Екатеринбург

Номинации событий: классификация номинативных признаков

Хотя ономасиология как самостоятельная наука в России заявила о себе еще в 70-е гг., ее аппарат и сейчас формируется весьма медленными темпами, остаются на начальной стадии разработки многие проблемы теории номинации. В частности после всеохватывающей, но конспективно представленной В.Г. Гаком «типологии типологий» номинации многие выдвинутые исследователем положения остаются так и не развитыми.

К подобным «нетронутым», но заслуживающим внимания номинативным фактам относятся так называемые «событийные (ситуативные)» номинации [см. Гак 1977: 230–293]. Согласно В.Г. Гаку, они противопоставлены элементным как обозначающие не предмет действительности, а определенную микроситуацию [Там же: 257]. Представляется, что номинация ситуаций – неотъемлемая составляющая номинативной деятельности, и обращение к этому типу номинаций позволит существенно обогатить наши представления о механизмах вербализации человеческого знания, которое не исчерпывается только постижением специфики предметов действительности в их статике, но также оценивает и характеризует их взаимоотношения и действия с ними.

Событийная (ситуативная) номинация, по определению В.Г. Гака, «в качестве номината имеет микроситуацию, т.е. событие, факт, объединяющий ряд элементов. Она имеет внешнюю форму предложения, в связи с чем к ней приложим термин *пропозитивная номинация*» [Гак 1977: 238]. Как видно из этого определения, для исследователя термины *событийная* и *ситуативная* номинация выступают как равнозначные, т. е. В.Г. Гак уравнивает понятия «микроситуация» и «событие». Между тем в толковых словарях значения данных слов определяются по-разному, ср.: «событие – то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [Ожегов, Шведова 2003: 740], а «ситуация –

совокупность обстоятельств, положение, обстановка» [Там же: 731]. Другими словами, во-первых, событию придается динамический, а ситуации – статический статус, во вторых, событие оценивается как нечто более значительное и вряд ли может быть сопоставимо с микроситуацией.

Очевидно, следует говорить о событийных и ситуативных номинациях как о различных номинативных типах. С другой стороны, допустимо объединение их в понятие *ситуативная номинация*, под которой понимается тип наименований, обозначающих ситуации языковыми средствами разных уровней (лексемы, словосочетания, предложения). При этом ситуации могут быть различного характера: микроситуации и макроситуации (события), в составе которых выделяется несколько взаимосвязанных микроситуаций. Чтобы ответить на вопрос о специфике или, наоборот, общности ситуативных и событийных номинаций, необходимо проанализировать те и другие.

На данном этапе остановимся на рассмотрении типологии номинации событий и предложим первую попытку типологизации их номинаций с опорой на параметры известных классификаций наименований элементов действительности: выделение типов номинации происходит через выявление номинативного признака, положенного в основу наименования.

Материалом исследования послужили экспериментальные данные. Участниками стали представители трех возрастных групп: учащиеся 8 класса общеобразовательной школы № 38 г. Озерска (12-14 лет), студенты 4 курса факультета русского языка и литературы УрГПУ (20-23 лет), служащие завода Уралтрансмаш (30-55 лет). Количество респондентов в каждой группе соответственно: 22, 20, 20 человек. События, предложенные для обозначения, характеризовались следующими признаками:

- выбирались как личного характера (произошедшие непосредственно с номинатором), так и общесоциальные события;
- они имели большое значение в жизни респондентов и в общественной жизни (значительное, знаковое явление): первое

свидание, II место Алсу на Евровидении, теракт в Беслане – для студентов; Олимпиада 1980 года в Москве, распад СССР, свадьба, рождение первого ребенка, экономический кризис в августе 1998 г, предложение руки и сердца – для служащих;

- они имели место только один раз: день двадцатилетия, выпускной после 11 класса, первая сессия, поступление в УрГПУ (как факт) – для студентов;
- большая часть из них произошла незадолго до эксперимента и должна была запомниться респондентам: конкурсы “Кенгуру”, “Я и моя семья в Великую Отечественную войну”, праздник Halloween (имеется в виду не праздник вообще, а конкретное отмечание этого праздника в год проведения эксперимента) – для школьников; последние выборы президента РФ, последние выборы президента США.

Согласно В.Г. Гаку, событийные (ситуативные) номинации представляют собой исключительно предложения. Между тем в языке существует и постоянно пополняется новыми единицами достаточно большой массив номинаций, обозначающих события посредством слов или словосочетаний: это названия исторических событий *(«Битва народов», «Азбучная война», Азовское сидение, «Кровавое воскресение», Куликовская битва, Отечественная война 1812 года* и т. д.), событий народного и религиозного календарей, связанных с обрядовыми традициями (*Пасха, Троица, Вербное Воскресение, Рождество, Яблочный Спас* и т. д.) и др. Хотя В.Г. Гак не включал подобные наименования в число событийных (ситуативных) номинаций, термин, который он использовал в работе, позволяет это сделать.

В проведенном эксперименте номинанты (именования) должны были быть однословными именами существительными. С одной стороны, необходимость в ограничении подобного рода была продиктована целью получения собственно событийных номинаций, а не высказываний по поводу события (как это нередко получается в предикативных единицах). С другой стороны, установка именно на однословные номинации дана с целью верификации утверждения В.Г. Гака о ситуативных номинациях как только пропозитивных. Поэтому задания

формулировались следующим образом: «Пожалуйста, назовите следующие события одним словом (именем существительным)». Отметим, что далеко не все испытуемые выполнили это условие, но данные их анкет также привлекались к рассмотрению.

Полученный материал (2379 единиц) позволил выделить следующие типы ситуативных номинаций:

1. Номинации макроситуации через указание ее воздействия на адресата (185 номинативных единиц): *веселье, грусть* – выпускной после 11 класса; *расплющенность, огорчение, скучно* – последний День города; *смущение, затмение, окрыление* – первое свидание; *уверенность, надежда, интересно, восторг* – последние выборы президента РФ; *коленотряска, трясучка* – первый урок в школе на практике; *туманник, нервотрепка* – первая сессия; *испужонок* – день 20-летия; *жалость* – распад СССР; *счастье, радость* – рождение первого ребенка, *встрясочка, разочарование, удар* – экономический кризис 1998 года; *трудность* – игра «Звездный час»; *незнание* – игра «В компьютерной паутине»; *смех* – Halloween и т. п.

2. Оценочные номинации (145 наименований)

В представленных номинациях выражается **общая оценка**: *сказка, супер, оторва, расслабуха* – выпускной после 11 класса; *заслужили, позор, молодец, победа* – второе место Алсу на Евровидении; *достижение, несчастье* – поступление в УрГПУ; *сбылось, Я – человек* – приобретение сотового телефона; *успех, удача, халява* – получение квартиры; *равнодушие, скука, бардак* – последние выборы президента США; *трагедия, безразличие* – экономический кризис 1998 года; *веселое времяпрепровождение, смехопанорама, смехота* – праздник «Юморина»; *развлечение* – Halloween и т. п.; **нравственная оценка**: *негодяй, убийцы, бесчеловечность, пере-ступление, зверство, жестокость* – теракт в Беслане; *гуманизм* – конкурс «Зверье мое»; **социальная оценка**: *куплено, подстава* – последние выборы президента РФ; *липа* – второе место Алсу на Евровидении; **оценка-характеристика**, т. е. оценка, сопровождающаяся характеристикой внешних черт номината: *балаган, барахолка* – выпускной после 11 класса; *сборище,*

сумасшествие, свинство – последний День города; *Пашляндия* (*Паша* + *пошло*, оттенок пренебрежения) – первое свидание; *показуха* – Олимпиада-80 в Москве; *суматоха* – выборы президента РФ; *романтично* – день 20-летия; *таинственность* – Halloween; *зоопарк* – первый урок в школе на практике; **оценка значимости макроситуации для респондента**: *практика, крещение, дебют* – первый урок в школе на практике; *рубеж, старость* – день 20-летия; *ступень* – поступление в УрГПУ; *польза, игрушка* – приобретение сотового телефона*; перемена* – свадьба; *признание* – Олимпиада-80 в Москве; *этап* – получение квартиры; *ответственность* – предложение руки и сердца, поступление в УрГПУ.

Оценка может быть выражена образно, метафорически. Например: *игра, шахматы* – последние выборы президента РФ (потому что, как объяснил сам номинатор, победит в них тот, кому повезет); *миф* – выборы президента США (что-то далекое от номинатора, похожее на миф); *погода* – экономический кризис 1998 года (экономика в стране изменчива и нестабильна, как погодные условия). Эта образная оценка может приобретать весьма индивидуальные формы. Ср. например: *яблоко* – распад СССР (событие представляется субъекту номинации в виде яблока, разрезанного на части).

3. Номинации через ее составляющую (130 номинативных единиц)

В этой модели ситуативной номинации предлагаемая макроситуация обозначается через метонимический перенос (часть от целого):

* по какому-либо элементу события или по месту, где оно проходило (102 номинации): *анкета*, *личность, я* – школьное мероприятие «Расскажи мне о себе»; *тыква*, *ведьма, ужастики* – Halloween; *уравнения, логика, знания, смекалка* – конкурс «Кенгуру»; *шарики*, *шампаньдень*, *цветник, толпа, жара, движение* – последний День города; *Мишка* – Олимпиада 1980 г. в Москве; *ливень, танец* – выпускной; *галочка, бюллетени* – выборы президента РФ; *дети, телевидение* – теракт в Беслане; *новогодник* – приобретение сотового телефона; *доллары* – экономический кризис 1998 г; *цветы, театр* – предложение руки и сердца; *«Готов!»* – посвящение в пионеры;

* по ситуации, бывшей частью события (28 номинаций): *паркипрогулка* – первое свидание; *голосование, агитация, подкуп* – выборы президента РФ; *столпотворение* – День города; *бессонница, завалы, провал* – первая сессия; *попойка, вечеринка, обломдень* (плюс выражение оценки) – день 20-летия; *состязание умов* – игра «Звездный час»; *воспоминания* – «Я и моя семья в Великую Отечественную войну»; *знакомство, общение, исповедь* – мероприятие «Расскажи мне о себе»; *риск* – «Колесо безопасности»; *маскарад* – Halloween.

4 . Номинации через отношение номинатора к ее существованию (35 номинаций)

Модель характеризуется рядом антиномий:

1) номинатор отказывает предлагаемому событию в статусе события – номинатор мыслит его именно как событие. Например, для одной части респондентов-служащих последние выборы президента РФ, получение квартиры – это *событие* (они их так и назвали), а для другой – не-событие (характерные номинации: *обыденность*, *привычка*), как и последние выборы президента США (*обыденность*); *событием* были названы и Олимпиада-80 в Москве, и посвящение в пионеры;

2) номинатор относится к событию как к неизбежному, закономерному явлению – событие было неожиданным для номинатора: *неизбежность*, *судьба* – свадьба; *неотвратимость* – распад СССР; *закономерность* – экономический кризис 1998 года; *ожидаемость* – выпускной бал после 11-го класса; *самособойчина, обязанность* – выборы президента РФ; *неожиданность* – первое свидание, второе место Алсу на Евровидении, предложение руки и сердца; *должность* – посвящение в пионеры; *необходимость* – приобретение сотового телефона; *долг* – поступление в УрГПУ.

Особняком в рамках этого типа стоит ряд номинаций, где макроситуация оценивается просто как данность: *реальность* – поступление в УрГПУ, *данность* – приобретение сотового телефона.

В какой-то мере во всех этих номинациях реализуется и оценка значимости макроситуации для субъекта номинации (особенно в первой группе). А номинации типа *обыденность*, *привычка* можно рассматривать как некий отказ от номинации:

раз событие не имеет никакого значения для меня, зачем его называть?

5. Номинации макроситуации через ее следствие, результат (22 номинации): *крах, обвал* – экономический кризис 1998 г.; *студенчество, учение, продолжение* – поступление в УрГПУ; *смерть* – теракт в Беслане; *свобода* – выпускной; *взрослая, взросление* – день 20-летия; *семья, взросление, паранджа* – свадьба; *самостоятельность* – получение квартиры; *первенец* – рождение первого ребенка; *взлет, знаменитость* – школьная игра «Звездный час».

6. Номинации макроситуации через другую макроситуацию (5 номинативных единиц): *инаугурация* – выборы президента РФ; *юбилей, армия* – Олимпиада-80 в Москве; *брак* – предложение руки и сердца (названное событие как следствие исходного); *путч* – распад СССР.

7. Гиперо-гипонимические номинации (77 номинаций): *праздник* – Олимпиада-80 в Москве, день 20-летия, выпускной после 11 класса, День города, Halloween; *торжество* – свадьба, посвящение в пионеры, Олимпиада-80 в Москве, выпускной; *терроризм* – теракт в Беслане; *мобилизация* – приобретение сотового телефона; *спорт* – игра «Колесо безопасности»; *конкурс, соревнование* – школьные мероприятия «Кенгуру» и «Звездный час»; *викторина* – «Звездный час», Колесо безопасности», Я и моя семья в Великой Отечественной войне»; *олимпиада* – «Кенгуру», «Пять колец»; *зоология, биология* – «Зверье мое», *ОБЖ, медицина* – «Колесо безопасности».

В эту же группу можно включить номинации, сворачивающие предложенные в анкетах названия макроситуаций до одного более общего слова (*осотовение* – приобретение сотового телефона, *просьба* – предложение руки и сердца, *прием* – посвящение в пионеры), или предлагающие синоним к заданному слову (*развал* – распад СССР). Данные наименования являются реакциями не столько на сами события, сколько на их обозначения. Аналогичный случай видится в номинациях *животное* – праздник «Кенгуру» и *телепередача* – «Звездный час».

8. Номинации макроситуации через ее причину (5 наименований): *халатность* – теракт в Беслане; *подарок, покупка* – приобретение сотового телефона.

Внутри приведенной классификации все типы можно объединить в две группы: 1) номинации, отражающие связанность номината с человеком; 2) номинации, связанные с собственными признаками номината. Номинации последней группы также достаточно субъективны, поскольку выбор признака объекта в качестве номинативного определяется номинатором, но они в большей степени ориентированы на отражение реальных свойств называемого явления.

В количественном соотношении первая группа представлена б**о**льшим числом номинативных единиц: это и эмоционально-оценочные номинации, в том числе передающие оценку метафорически, и наименования, в которых отразилось влияние макроситуации на номинатора. Это обусловлено характером номината: для обозначения предлагались события, которые имели место в жизни самих респондентов – в одних они были непосредственными участниками (например, все школьные мероприятия, выпускной, первое свидание и др.), а в других – сторонними наблюдателями (второе место Алсу на Евровидении, теракт в Беслане, выборы президента США и др.). События, произошедшие в жизни человека, как правило, хранятся в его сознании в виде совокупности эпизодов, деталей, других лиц, дополненной общим впечатлением (общей оценкой). Выделенные типы номинаций показывают, что, называя это целостное явление, человек может пойти разными путями: выбрать в качестве номинативного признака одну из составляющих события, вписать его в ряд других, сходных или смежных, явлений или же выразить в номинации общее впечатление от события. Как показали данные эксперимента, общее впечатление о событии лежит на поверхности сознания человека и его легче всего воспроизвести, особенно если сама ситуация связана с человеком и предполагает живой эмоциональный отклик. Вместе с тем думается, что на характер создаваемых номинаций повлияло и введенное в эксперимент техническое ограничение (необходимость называть события однословными существительными).

Литература

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. – М., 1977.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополн. – М., 1999–2003.

© Ватутина Е.В., 2006
© Рут М.Э., 2006

Т.А.Гридина
Екатеринбург

Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры

Изучение психологической реальности значения слова как совокупности его ассоциативных связей, представленных в сознании конкретного носителя языка, – одна из основных проблем психолингвистики, акцентирующей внимание на «человеческом факторе» речевой деятельности. В связи с этим особый интерес приобретает анализ разных форм лингвокреативного мышления, которое базируется на ассоциативных механизмах, выявляющих зоны актуального и личностного смысла в интерпретации говорящими значений вербальных единиц.

Среди разных показателей лингвистической креативности наибольшим рейтингом, несомненно, обладает *языковая игра* (ЯИ) – удивительный по своей многоликости феномен, отражающий потенциал языковой системы и уровень активности и компетенции языковой личности, осознанно вступающей на путь разрушения языкового канона.

Общая стратегия ЯИ связана с актуализацией и преднамеренным переключением, ломкой ассоциативных стереотипов восприятия лексемы как единицы коллективного и индивидуального сознания. Нарушение «привычных» форм выражения мысли достигается с помощью специальных лингвистических приемов, моделирующих соответствующий замыслу говорящего ассоциативный контекст восприятия знака.

Соответственно игровая трансформа требует «считывания» лингвистического кода, который направляет ассоциации адресата в нужное русло и эксплуатирует нереализованный потенциал языковой системы, «востребованный» креативной личностью.

Субстанциональная природа ЯИ определяется, таким образом, ассоциативным потенциалом единиц языка, в том числе *ассоциативным потенциалом слова* (АПС), в понимании которого мы исходим из постулата о «бесконечной интерпретационной валентности языкового знака» (А.Ф. Лосев) и из широкой трактовки ассоциативной связи, проявляющей *любые актуальные* для сознания носителей языка аспекты содержания и формы вербальных единиц (как в зоне внутрисистемных – междусловных и внутрисловных отношений, так и в зоне речевого прогноза, связанной с актуализацией компонентов ядра, ближней и дальней периферии слова) [Гридина 1996]. АПС в этом смысле может быть представлен в виде всей совокупности формально-смысловых ассоциаций, присущих слову как единице языка и индивидуального сознания говорящих и определяющих возможность его разнообразной интерпретации в конкретном акте порождения, употребления, восприятия (в том числе при установке на ЯИ). Последняя рассматривается нами как специфическая форма лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах.

Эффект ЯИ зависит от глубины и оригинальности актуализируемых с ее помощью ассоциативных связей и от способности адресата опознать лежащий в основе «игремы» (термин наш. – *Т.Г.*) языковой прототип. Конструктивные принципы ЯИ (ассоциативное наложение, ассоциативная интеграция, ассоциативная выводимость, ассоциативная идентификация, имитация, ассоциативная провокация [см. Гридина 1996]) стимулируют восприятие нового (смоделированного тем или иным нестандартным способом) лингвистического объекта как в определенном отношении сопоставимого, соотносительного, «сравнимого» с каким-то прототипом, однако «…черты сходства являются периферийными и второстепенными по отношению к природе

или подчеркиваемой характеристической особенности сопоставляемых лингвистических феноменов» (Г.Г. Почепцов).

Иначе говоря, специфика игровой «трансформы» требует ее осмысления в условно-реальном измерении: правдоподобие единицы ЯИ является мнимым и лишь имитируется на основе ассоциативных аналогий, актуализированных с помощью смоделированного лингвистического кода интерпретации знака.

Формальный и/или семантический коды ЯИ обнаруживает тенденцию к автономной актуализации плана выражения и плана содержания знака, которые могут намеренно «разводиться» и «сближаться» в заданном потенциалом языка и компетенцией говорящих речетворческом диапазоне. Этот процесс, характеризующийся выходом за рамки «дозволенного» нормой, метко характеризуется Б.Ю. Норманом как «игра на гранях языка» [Норман 2006]. ЯИ в частности моделирует новое содержание в рамках уже готовых языковых форм и выявляет психологическую природу восприятия семантической нагруженности звуковой оболочки и структурной модели слова.

Так, **формальный** лингвистический код ЯИ, основанный на актуализации **фонетических** и **структурных аналогий**, нередко используется в целях парадоксальной семантизации узуальных слов. Например, *модуль* «франт» (ср. *модник*), *капелла* «пипетка» (буквально «инструмент для закапывания капель»), *сметана* «дворничиха» («та, что подметает двор», ср. *сметать пыль, мусор*), «отличник» (буквально «сметливый ученик»), *колун* «фехтовальщик» (буквально «тот, кто колет, наносит уколы шпагой) и т.п. Подобные псевдотолкования получили с легкой руки Б.Ю. Нормана и его коллег, опубликовавших в свое время на страницах «ЛГ» шутливый «Энтимологический словарь», статус популярного юмористического жанра. «Значения» узуальных слов моделируются путем сближения с подобранным по случайному созвучию ассоциатом-мотиватором; последний выступает элементом ономасиологической пропозиции, имитирующей определенный принцип номинации. В приведенных примерах имитируются в частности принципы (и структурные модели) номинации лица по склонности к какому-либо действию и предмета по производимому им действию. При этом членение

слова (особенно немотивированного – деэтимологизированного или заимствованного) нередко принимает абсолютно произвольный характер: в качестве опорного компонента толкования выступает квазикорень (фонетически сходный сегмент сближаемых слов), а остаточный сегмент интерпретируемого слова «приравнивается» к аффиксу (чаще суффиксу), который (независимо от формального совпадения или несовпадения с существующим в языке формантом) наделяется в структуре имитируемой модели значением некоего словообразовательного «аналога»: *модуль – мод + уль* (ср. *мод + ник*). В случае произвольной семантизации мотивированных слов создается прецедент наполнения словообразовательной структуры новой идиоматикой при переключении тематической специализации форманта и омонимической (омофонической), паронимической или полисемантической ассоциативной подмене корня: *лимонница* «миллионерша» (от *лимон* в значении «миллион» + *-ниц* в значении «лицо жен. пола», буквально «владелица миллиона(ов)»); «сберкасса» (от *лимон* + *-ниц* в значении «помещение, где можно хранить миллион(ы)», «гранатометчица» (от *лимонка* с усечением основы + *-ниц* со значением «лицо жен. пола», буквально «та, что может метать гранаты-лимонки»). Как видно из этих примеров, «корень» *лимон* варьирует в диапазоне омонимических значений (фрукт – миллион – граната), суффикс – в тематическом диапазоне «лицо – предмет».

ЯИ, основанная на принципе ассоциативной выводимости, в таких случаях эксплуатирует потенциальную вариативность словообразовательных структур, допускающих проведение через одну и ту же форму разных когниций. Не случайно в детской речи мотивационно «прозрачные», но обладающие идиоматичностью семантики слова, нередко получают иную, чем в узусе, смысловую интерпретацию: *секретарша* – «та, что секретничает», *пилотка* – «летчица», *индусы* – «те, кто разводит индюков», *кустарник* – «сторож, который караулит кусты», *баранка* – «жена барана», *графин* – «муж графини», *гусеница* – «жена гуся» и т.п. Подобные инновации могут возникать и как следствие детского словотворчества (окказиональной

словообразовательной омонимии), когда образованное ребенком слово формально совпадает с уже существующим в языке, и в результате приспособления «готовых» узуальных слов к собственному пониманию ребенка. В частности для детей актуальны пропозиции «муж – жена» при осмыслении родовых различий между словами, называющими не только одушевленные, но и неодушевленные предметы («семейная аналогия»), а также извлечение из названия «информации» о роде занятий того или иного лица, функции предмета и т.п.

Ср. результаты проведенного нами эксперимента, в котором испытуемым (школьникам и студентам) было предложено дать «новые» толкования ряда слов с неясной внутренней формой и мотивированных лексем с «неопределенным», неизвестным информантам значением: *забрало* «телефон-автомат», «вор-карманник», «милиционер»; *зеленушка* «зеленая травка», «зеленка», «лягушка», «кислое яблоко», «больной ветрянкой» и т.п.

Экспериментальные данные показали, что ассоциативный поиск нового толкования слова значительно облегчается при незнании его значения и наличии у него прозрачной словообразовательной структуры. В то же время реинтерпретация немотивированных или мотивированных наименований, значение которых информантам известно, требует б**о**льших усилий, проявляя такие черты креативности языковой личности, как «оригинальность» – способность продуцировать отдаленные ассоциации); «семантическая гибкость» – способность выделить функцию стимула и предложить его новое использование; «образная адаптивная гибкость» – способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности; «семантическая спонтанная гибкость» – способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации (Трик. Цит. по [Хрестоматия…: 298-303]).

Ср., например, явно ориентированные на ЯИ толкования типа *лимонница* «дорогая поездка в Ниццу» (при использовании принципа омонимической подмены значения реальной корневой морфемы *лимон* и произвольного омофонического отождествления суффикса с квазикорнем,

созвучным слову *Ницца*: *лимон* «миллион» + *Ницца* «дорогостоящий курорт»); *забрало* и ассоциат *отдало-вернуло* (актуализация и переключение грамматического стереотипа: обыгрывание омонимии структурной модели существительного и формы ср. рода прош. вр. глагола), *зеленушка* «первоклассница» (обыгрывание многозначности корневой морфемы) и т.п.

Формальный код ЯИ **актуализирует** преимущественно **периферийные компоненты содержательной структуры слова, его лексический фон.** Это хорошо видно при анализе игрового контекста так называемых загадок-шуток, построенных на намеренном рассогласовании лингвистически смоделированной и реальной внеязыковой ситуации. Ловушка заключается в том, что сформулированный в загадке вопрос не соответствует логике вещей и стимулирует адресата к поиску ответа на основе собственно языковых (формальных) ассоциаций.

Например: *Когда лес бывает закуской? – Когда он сыр.*

В вопросе задается ложно ориентирующая относительно свойств объекта предикация (***Лес*** *бывает* ***закуской***). Осознание парадокса данной посылки заставляет искать ключ к отгадке в области языковых ассоциаций: ср. цепочку, позволяющую через ряд промежуточных шагов установить ассоциативную корреляцию между стимулом *лес* и реакцией *закуска*: *лес – бор* (синонимическая замена) – *сыр-бор* (устойчивое выражение с кратким прилагательным от *сырой*) – *сыр* (омоформа к краткому прилагательному, ср. сыр «молочный продукт» = закуска). Таким образом, ЯИ задает направление такого ассоциативного поиска, в котором должна «сработать» периферийная (фоновая) связь слова *сыр* с его омоформой в составе устойчивого выражения. Конструктивным принципом ЯИ выступает в данном случае ассоциативная идентификация лексем (*лес – закуска* : *сыр-бор – сыр*) на «ложном» семантическом и формальном основаниях. При этом формальный код ЯИ представлен в скрытом (латентном) виде и его дешифровка требует от адресата загадки-шутки высокого уровня лингвистической креативности (способности к считыванию игровой интенции разнонаправленной языковой природы).

Омофоническое переразложение не менее популярный прием ЯИ, эксплуатирующий свойство подвижности границ слова в потоке речи. «Ослышки» обнаруживают актуальность при восприятии речи именно тех фрагментов звукового потока, которые семантически релевантны для понимания сообщения конкретным адресатом (в соответствии с его когнитивным и лингвистическим опытом, в частности уровнем развития фонематического слуха как компонента языковой способности).

Например: *Сын* ***у сына жил,*** *а мать* ***у сына жить*** *не может. Почему?*

При первом «прочтении» (восприятии) фразы всплывает ее смысл, стимулирующий адресата к поиску «житейских оснований» для объяснения описанной ситуации (*кто у кого жил или не жил и почему*).

Другое «прочтение» фразы – *сын* ***усы нажил****, а мать* ***усы нажить*** *не может* – обнаруживает ее скрытый смысл (*У матери усов не бывает*). Формальный (омофонический) код ЯИ намеренно моделируется по принципу ассоциативной провокации, порождающей неоднозначность смысла высказывания.

Подобные ослышки (омофонические сбои) при восприятии высказывания на слух нередки в обычной речевой практике (спонтанном общении, не ориентированном на ЯИ) и демонстрируют несовпадение аспектов понимания высказывания говорящим и слушающим, часто вызывая комический эффект «постфактум».

Ср. разговор двух артистов:

– *По роли мне полагается петь.*

– *Это какие же пароли ты будешь петь?*

– *Да не пароли петь, а роль играть такую, где петь нужно!* (Смеются оба собеседника).

Еще один пример спонтанного каламбура:

– *Она была лаборанткой и работала на кафедре Плотниковой, теперь уже Боровиковой* (имеется в виду смена заведующих кафедрой, где работала лаборантка).

– *Как? Плотникова теперь Боровикова?* (имеется в виду ситуация смены фамилии *Плотникова* на *Боровикова*).

Непонимание, обусловленное возможностью двоякого восприятия смысла первой фразы, вызывает комический эффект постфактум, когда участники диалога осознают несовпадение посыла и ответной реплики.

Семантический код ЯИ эксплуатирует подвижность ядерно-периферийных компонентов в структуре значения слова, нарушая типовой прогноз его реализации в речи.

Отметим некоторые типичные пути развития общей игровой стратегии переключения/ломки ассоциативных стереотипов употребления и восприятия узуальных лексем с использованием их семантического потенциала.

1. Актуализация и переключение оценочно-прагматических стереотипов употребления и восприятия слова на основе связи *денотат – коннотат – референт.*

Актуализация семантических потенций слова в заданном регистре обнаруживает возможность окказиональных речевых корреляций метафорического употребления единиц одной тематической группы: «*Ты не просто* ***шляпа****!*» – обращается девушка к молодому человеку. – «*Ты* ***панамка*** *детская!*»

Узуальным переносным значением «растяпа» обладает только слово *шляпа*. В основе метафорического переноса лежит пропозиция «головной убор, обычно из мягкой ткани – фетра, велюра» и культурные коннотации «головной убор интеллигента», отсюда значение «нерешительный», нерасторопный», «несобранный», «рассеянный» при употреблении слова *шляпа* в предикативно характеризующей функции. Окказиональный смысл слова *панамка* имеет отраженный характер (наведен контекстом, в котором актуализирована та же модель метафорического переноса: *панамка* – о человеке, нерешительном и беспомощном, как ребенок – с акцентом на пропозиции «**детский** головной убор из тонкой **тряпичной** ткани»). Ассоциативная стратегия ЯИ эксплуатирует нереализованные возможности переносного употребления слов данной предметной области, имитируя узуальный метафорический коррелят.

Эффект ЯИ с оценочно-прагматическими стереотипами достигается также намеренным **смещением («сдвигом») референтной отнесенности слова.** Так, положительно

окрашенные лексемы могут использоваться для характеристики объекта той же денотативной сферы, заведомо не обладающего приписываемыми ему оценочными параметрами: *Не забудь в командировку свои* ***карбункулы*** *взять* (о дешевых сережках), ср.: *карбункулы* – о драгоценных камнях / *Шикарная иномарка!* (о машине «Ока»), ср.: *иномарка* – о дорогостоящей, престижной машине. Употреблением слов с отрицательной коннотацией по отношению к положительно оцениваемым референтам создается ассоциативный контекст иронического контраста: *Это и есть твоя* ***каморка****!?* – о большой новой квартире. Ср. *каморка* – о тесной маленькой комнате.

«Плюс» и «минус» в ассоциативном контексте ЯИ часто меняются местами.

Популярным приемом актуализации и переключения оценочных стереотипов является также **намеренно парадоксальная мотивационная реинтерпретация слова**, придающая ему новую номинативную (и соответственно семантическую) функцию: *мироед* «знаменитый путешественник»; *непутевый* «тот, кто отдыхает *без путевки*, дикарем» (*Непутевые тоже хорошо отдохнули*). Оценочный контраст восприятия слова в сравнении с его исходным значением моделируется в таких случаях по принципу ассоциативной выводимости (в результате отсылки к новому мотиватору).

Формальный и семантический коды ЯИ в таких случаях вступают в контакт: семантические ассоциации получают «подкрепление» на основе актуализируемых структурных аналогий (в современной разговорной речи как элемент ЯИ нами отмечено, например, слово *немобильные* «о тех, у кого нет мобильника», ср. жарг. *мобила* «сотовый мобильный телефон»).

2. Нарушение коммуникативного прогноза по принципу ассоциативной провокации: обыгрывание смысловой неоднозначности знака как единицы языка и речи, коллективного и индивидуального сознания.

Ассоциативный контекст, моделируемый на основе актуализации ситуативного (личностного) смысла слова в

высказывании, переключает стереотипы системного «видения» знака (системную парадигматику и синтагматику).

Такова, например, обыгрываемая в анекдоте подмена родовидовых коррелятов, имитирующая ситуацию непонимания между коммуникантами:

По шоссе в сплошном потоке машин «ползет» такси. Пассажир обращается к шоферу:

– Вы не могли бы передвигаться побыстрее?

– Я, конечно, мог бы, – отвечает шофер, – *но во время работы нам нельзя выходить из машины.*

Глагол *передвигаться* как гипероним (родовое наименование) потенциально может употребляться в ситуативном контексте в значении любого из гипонимов (видовых глаголов, называющих вид и способ передвижения – *ехать, идти, бежать, ползти, лететь* и т.п.). «Несостыковка» просьбы пассажира и ответной реплики водителя задается психологически релевантным для каждого из собеседников аспектом содержания слова. *Передвигаться побыстрее* для пассажира означает «ехать быстрее», для шофера «идти пешком», что в обыгрываемой ситуации заключает в себе импликатуру «пешком идти быстрее, чем пытаться ехать на машине в пробке».

Ср. анекдот, описывающий диалог врача и пациента:

– *Доктор, я сломал ногу сразу в двух местах.*
– *Места запомнили?*
– *Да.*
– *Ну, вот и хорошо. Больше туда никогда не ходите.*

В реплике больного актуализирован ситуативный смысл *мест**а** перелома* (на теле), в реплике врача – ситуативный смысл *места, куда не следует ходить в целях безопасности* (территория, где можно получить травму).

В основе подобных «игровых» сбоев лежит некий логический парадокс, создаваемый нарушением семантической предсказуемости развертывания мысли в высказывании. Например, ведущий «Смехопанорамы», обращаясь к зрителям, объявляет: *«В адрес передачи пришло **огромное количество** писем».* После некоторой паузы добавляет: *«**Оба** письма у меня».* Семантическая функция числительного *оба* не

соответствует указанию на большое (тем более *огромное*) количество писем. Ожидания адресата не оправдываются: ассоциативный стереотип семантической совместимости лексем в высказывании намеренно опрокидывается. Последняя реплика содержит импликатуру: «*в адрес программы пришло всего два письма*». Однако это обстоятельство намеренно представлено в виде фразы, которая имитирует ситуацию «успешности» и выполняет функцию шутливой рекламы в соответствии со спецификой жанра юмористической передачи.

Семантический «трюк», основанный на ложной ассоциативной идентификация смысла слова в высказывании, обыгрывает тот факт, что психологически релевантными для конкретных носителей языка могут выступать разные аспекты восприятия одной и той же лексической единицы.

Реализация принципа ассоциативной провокации часто связана с обыгрыванием многозначности слова, определяющей его разнонаправленные (центробежные) в ассоциативном плане реализации. Ср.: *Я хочу жить в рублевой зоне, в долларовой зоне, в валютной зоне, только просто в зоне жить не хочу / Сердце шалит, ноги шалят, руки шалят / Стоит ли стучать, чтобы войти в доверие?/ История партии без права переписки / И лужи, бывает, производят глубокое впечатление* (афоризмы сатириков).

Широко используется в целях нарушения автоматизма восприятия высказывания и прием трансформации устойчивых выражений пословичного фонда. Считывание кода ЯИ в таких случаях апеллирует к релевантным для носителей языка социокультурным «проекциям» содержания фразем, представленных в новом ассоциативном контексте.

Ср.: *Хороша ложка* ***«Цептер»*** *к* ***вкусному*** *и* ***здоровому*** *обеду!* (радиореклама продукции фирмы «Цептер»).

Обыгрываемая пословица (*Хороша ложка к обеду!* – о необходимости все делать своевременно) трансформируется путем введения ситуативных конкретизаторов (брендового названия известной фирмы, которая специализируется на изготовлении посуды, а также положительно-оценочных ассоциатов к слову *обед*). Ассоциативное наложение буквального ситуативного смысла фразы и ее обобщенного

переносного значения формирует у потенциального адресата рекламного слогана мотивацию к совершению покупки «без промедления».

Ср. шутливые игровые трансформы, полученные нами в экспериментальных условиях, когда респондентам (школьникам и студентам) было предложено заменить одно или несколько слов в составе устойчивых выражений: *Не в свою иномарку не садись* (замена компонента *сани* на ассоциат *иномарка*, выступающий в современной жизни символом обеспеченности, богатства, транслирует исходный смысл пословицы и одновременно придает ей новую ситуативную привязку). У школьников отмечены следующие трансформы этого же выражения: *Не в свою тачку не садись* («не езди в чужой машине» – объяснение информанта) / *Не за свою парту не садись* (*«а то обязательно спросят»* – комментарий школьника). Степень оригинальности таких трансформаций зависит от того, насколько точно считывается и насколько вписывается в новый контекст «прототипическая» семантика обыгрываемой фраземы. Эффект ЯИ обеспечивается нахождением «оппозитов» или «симиляров» (термины А.А. Залевской) к заменяемым компонентам устойчивого выражения.

3. Ассоциативная идентификация как принцип ЯИ с использованием дальней периферии значения слова (компонентов так называемого лексического фона).

Этот принцип развития общей стратегии ЯИ моделирует некий условный коррелят обозначаемого объекта, основываясь на актуализируемых (весьма отдаленных) чертах формального и/или смыслового сходства отождествляемых единиц.

Таковы, например, разного рода аллюзии, актуализируемые при установке на ЯИ.

Ср., например, обыгрывание названий шоколадных батончиков «*Марс*» и «*Сникерс*» путем идентификации их фонетического облика с фамилиями «вождей мирового пролетариата»: *Карл Марс* и *Фридрих Сникерс.* Звуковое сходство *Маркс* и «*Марс»* и структурное сходство *Энгельс* и «*Сникерс*» – стимул для синтагматического введения названий-«этикеток» в русло иной ономастической семантики (при

актуализации стереотипа совместного употребления прецедентных имен *Маркс* и *Энгельс*). Игровая трансформа содержит намек на рекламу, усиленно навязывающую потребителю мнение об исключительном вкусе и полезности этих батончиков и формирующую представление о них как неотъемлемых атрибутах современного стиля жизни молодого поколения.

При установке на ЯИ с использованием принципа ассоциативной идентификации актуализируются (обнаруживаются, эксплуатируются) возможности передвижения слова в рамках собственного семантического (тематического) поля.

Ср.: *Она* (преподавательница) *тем, кто на занятия ходит, не только «автоматы», но и «пулеметы» ставит, а тем, кто не ходит – расстрел!* (реплика студента). Актуализация ассоциативных связей в рамках буквального и метафорического отождествления слов одной семантической сферы предстает как операциональный механизм развертывания стратегии ЯИ (*автомат* – вид оружия и вид зачета; *пулемет* – тяжелое орудие и окказиональный метафорический коррелят, экспрессивный синоним слова *зачет-автомат,* ср. *расстрел* – обозначение ситуации, связанной с применением оружия, и метафорическая номинация «репрессивных» мер преподавателя по отношению к студентам, не посещавшим занятия в семестре).

Типичным формальным приемом парадоксальной идентификации является установление ассоциативных связей по законам паронимической аттракции и ложной этимологии. В результате таких идентифицирующих трансформаций нередко возникают ситуативно связанные серии окказиональных номинаций. Ср., например, следующий диалог:

– *Олька, у тебя, наверное, авитаминоз, ты все ленишься….*

– *У меня на только А-витаминоз, но и В-витаминоз, ВСЕ-витаминоз!!!*

Переключение стереотипа восприятия слова *авитаминоз* обусловлено отталкиванием от актуального для описанной ситуации смысла («нехватка витаминов как причина лени»), что притягивает к данному стимулу конкретизирующие ассоциаты: *витамин «А»* (по формальному буквенному отождествлению,

определившему подмену значения приставки с отрицательным значением названием вида витаминов); *витамин «В»* (как смысловое развитие ассоциативной цепочки при введении нового формального элемента в состав слова) и «*ВСЕ*» (обобщающий ассоциат, представленный как мотивирующий корневой элемент в слове *ВСЕ-витаминоз*, которое получает значение «полное отсутствие витаминов в организме»).

Коннотации, определяющие ассоциативную идентификацию слов в высказывании, могут маркироваться актуальным для коммуникантов лингвистическим символом (например, профессиональным термином). Вот типичный пример из разговора двух профессоров-филологов:

– В Москве все дорого. Вон там на углу пельменная, но она нам не по карману. А еще рядом пиццерия, но…

– Все понятно: пельменная и пиццерия – ***однокоренные*** *слова!*

Но каким бы ни был использованный прием ЯИ, во всех случаях лексический фон в речевом контексте предстает как компонент, психологически адекватный ситуации и актуальному для говорящих смыслу высказывания.

Все сказанное еще раз доказывает конгруэнтность основных компонентов психологической модели значения (динамической природы его основных компонентов: «значения» как закрепленного в сознании носителей языка «объективно общественного смысла слова», «личностного смысла» и «чувственной ткани» – см. [Леонтьев 1971: 11]) и психолингвистической в своей основе интегральной концепции лексического значения, ориентированной не только на денотативно-понятийное содержание знака, но и на «отражение в значении условий акта общения, отношения говорящих к предмету речи, «эмпирический компонент», включающий знание говорящих о референтах, составляющих потенциальную зону денотации, системно-функциональную (собственно языковую) характеристику (значимость слова в реализации системных оппозиций» [Стернин 1979, 1985].

Таким образом, ассоциативная стратегия ЯИ открывает разнообразные возможности интерпретации вербальных знаков как психологически реального феномена сознания и

коммуникативной компетенции говорящих. Особо подчеркнем при этом, что ассоциативный потенциал слова, реализуемый механизмами ЯИ, включает в себя *любой* из компонентов его реального психологического значения, любые проекции узуального или личностно-актуального смысла слова, сопряженные с восприятием и интерпретацией формы и содержания знака.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. – М., 1971.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. – М., 2006.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж, 1985.

Стернин И.А. Проблемы анализа лексического значения слова. – Воронеж, 1979.

Трик Х.Е. Основные направления экспериментального изучения творчества //Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, В.В.Петухова. – М., 1981.

©Гридина Т.А., 2006

Е.Н. Гуц
Омск

К проблеме интерпретации результатов ассоциативного эксперимента: методика анализа индивидуальных анкет респондентов

Материалом для данного исследования послужили результаты свободного ассоциативного эксперимента в «малых

группах» (по 5-7 человек). Основная цель исследования экспериментальных данных – установление по индивидуальной анкете испытуемого его ассоциативного поведения, т.е. стратегии выбора им реакции, представленной некодифицированной лексической единицей; частные (сопутствующие) задачи исследования – определение зависимости использования некодифицированной лексики при ассоциировании от пола, уровня выраженности различных форм агрессии, в том числе – вербальной, самооценки и девиантного поведения испытуемых.

Для решения конкретных практических задач нам было необходимо изучить и проанализировать все имеющиеся логические, психологические, лингвистические, культурологические классификации реакций, поучаемых в ассоциативном эксперименте, и на этой основе выработать приемлемую для исследования специфического объекта (некодифицированных вербальных ассоциаций) классификацию. При этом мы стремились учесть факторы, оказывающие принципиальное влияние как на построение классификации, так и на интерпретацию данных, полученных в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента. Для нашего исследования значимыми [Горошко 2001: 257] являются следующие факторы: характеристика стимульного слова; частота реакции в ассоциативном поле; предмет классификации (стимул – реакция и /или связь между ними); «паспорт» респондентов (испытуемых), принимающих участие в свободном ассоциативном эксперименте; направление анализа (вертикаль – горизонталь).

При анализе некодифицированных реакций принципиально важно учитывать характер отношений, возникающих между стимулом и реакцией, т.е. пытаться восстановить ход ассоциативного процесса, особое внимание уделяя стратегии выбора испытуемым той или иной реакции. Исследуя реакции по «вертикали» (всю совокупность реакций испытуемого на некоторое число стимулов), мы можем с большей степенью точности, нежели при «горизонтальном» способе представления ассоциативного материала, установить тип связи между

стимулом и реакцией и определить коммуникативные тактики (стратегии), выбранные испытуемым. Примером вертикального анализа экспериментальных данных может служить предпринятое Ю.Н. Карауловым исследование типов отношений, наблюдаемых между стимулом и реакцией в ассоциативно-вербальной сети [Караулов 1999: 119–136].

Ю.Н. Караулов [там же: 108–109] выделяет пять коммуникативных тактик испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте: предикацию (в узком смысле – как приписывание признака предмету), номинацию (в том числе дефиницию), локацию, оценку и пропозицию. Анализ результатов серии ассоциативных экспериментов, проведенных в подростковой аудитории, позволяет сделать вывод о наличии еще одной тактики у испытуемых – инвективной. Под инвективой мы понимаем «способ существования вербальной агрессии, воспринимаемой в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный» [Жельвис 1997: 11].

Анализ реакций по «вертикали» позволяет определить не только коммуникативные тактики, но и стратегии, которые «легче всего обнаруживаются в повторяемости способов реагирования на различные стимулы в одной и той же анкете» [Гольдин, Мартьянов, Сдобнова 2004:224]. На наш взгляд, большую теоретическую и практическую ценность имеет разграничение ассоциативных тактик и стратегий: «если под ассоциативными тактиками понимать выбор языковых моделей реагирования (синтагматическая, парадигматическая, словообразовательная, антонимия, синонимия и т.д.), то ассоциативная стратегия – это выбор коммуникативных моделей, и одна и та же коммуникативная стратегия может обслуживаться в ассоциациях, соответствующим различным тактикам» [там же: 224].

Свободный ассоциативный эксперимент, результаты которого стали объектом исследования в данной статье, проводился в 2004 году в средних учебных заведениях г.Омска. Количество участников эксперимента – 208 человек, учащихся 10 – 11 классов. При проведении исследования учитывалось время, место, условия организации эксперимента, психические и поведенческие особенности испытуемых, их пол и

межличностные отношения. Общее количество реакций (включая отказы) – 6240 (каждый испытуемый получал анкету с 30 словами-стимулами). Реакций, представленных жаргонными, просторечными, грубо-просторечными и некоторыми общеупотребительными разговорными реакциями, – 720, что составляет 12% от общего количества реакций, полученных в эксперименте.

60% всех участников контрольного эксперимента использовали в качестве реакций на 30 стимулов анкеты 2-3 некодифицированные лексические единицы. По данным О.Е. Морозовой, в анкетах студентов Поморского госуниверситета среднее количество жаргонных реакций на 75 стимулов – 1-3 лексических единицы [Морозова 2002: 133-134]. 23% испытуемых использовали 4-6 некодифицированных единиц; 5% – 7-8 слов; 3% испытуемых (6 человек) в анкете использовали только одно жаргонное слово: *кайф* (4); *лох* (1); *жмот* (1); 2% – 9 и более слов; отсутствуют некодифицированные лексические единицы только в 7% анкет.

Представим типичные «наборы» реакций-жаргонизмов, зафиксированные в индивидуальных анкетах:

2 реакции: *кайф, лох; кайф, жмот; кайф, урод; жмот, урод; кайф, бухать; кайф, базарить.*

3-4 реакции: к предыдущему «набору» добавляются либо глаголы *хавать, напрягать, парить, кинуть, подставить, торчать, отрываться, кайфовать, наркоманить,* либо прилагательные *прикольный, сливовый, блатной, клевый, продвинутый, навороченный, стремный, отстойный*, либо существительные со значением лица *телка, метелка, швабра, заучка, алкаш, синяк, хиляк, кореш, чувак, перец, нарк, жидяра, пацан, мачо, кент, танк,* либо инвективы *козел, придурок, даун.*

5-6 реакций: часто появляются повторы (*кайф, отстой, лох, сволочь, придурок, урод, козел*); добавляются грубо-просторечные реакции.

7 и более реакций: анкеты с таким количеством реакций отличаются повышенной агрессивностью (наличие инвектив), пессимистическим взглядом на мир (или хотя бы на стимулы, вызывающие такие ассоциации), эмоциональностью,

негативизмом, отрицательным отношением к самому эксперименту.

Можно сделать вывод, что анкеты, содержащие 1-2 жаргонизма, типичны для ассоциативного эксперимента в подростковой аудитории и создают именно тот равномерно структурированный общий фон, который и отражает стандартное поведение носителя языка в ситуации эксперимента с его языковой способностью [Караулов 1999: 121]. В таких анкетах нет установки на эпатаж, желания выделиться, шокировать экспериментатора, нет и стремления угадать цель эксперимента, а угадав, «поиграть в знатоков», пошутить, развлечься, т.е. можно говорить об отсутствии сознательно запрограммированной установки и о незаинтересованности испытуемого в результатах (каждого акта) коммуникации [там же: 121].

Мы попытались из индивидуальных анкет выбрать анкеты, в которых доминирует та или иная тактика ассоциирования. В нашем ассоциативном материале, полученном в подростковой аудитории, были обнаружены те же закономерности, что и во «взрослом»: большинство анкет содержит пропорционально соотносимое число пар S – R с явно выраженной предикацией; с тактикой, ориентированной на номинацию, и с «пропозициональной» тактикой. Однако, в отличие от «взрослых» анкет, в «подростковых» обнаружены анкеты с доминирующей оценочной тактикой (положительной или отрицательной), а также анкеты с явно выраженной инвективной тактикой. Для определения акцентуированных анкет мы использовали порог, равный 25%, что в значительной степени условно [Караулов 1999: 123].

В таблице представлены анкеты, в которых доминирует та или иная тактика ассоциирования (1– номинативная тактика; 2 – оценочная; 3 – «предикативная»; 4 – «пропозициональная»; 5 – инвективная). Мы исследовали все слова-реакции, т.е. не учитывали параметр кодифицированность / некодифицированность.

Слово-стимул	1	2	3	4	5

Батон	Хлеб	Вкусный	Толстый	Крошить	Ядрен
Веселый	Приколь ный	Клевый	Чел	Наркоти к	Урод
Говорить	Базарить	Красиво	Словами	Пиво	Врать
Есть	Хавать	Кайф	Малину	Столова я	Не хочу
Жадный	Жмот	Скупой	Обжора	Хитрый	Сволочь
Женщина	Мужчин а	Добрая	Толстая	Секс	Коза
Колеса	Таблетки	Большие	Черные	Нарк	Таблетки
Надежда	Вера	Хорошо	На завтра	Будущее	Ее нет
Ботаник	Заучка	Умный	Крутой	Пестики	Не я
Тащиться	Нравитьс я	Кайф	От чего-либо	Тусовка	В школу
Друг	Кореш	Надежн ый	Настоящ ий	Бухать	Корефан
Любовь	Чувство	Красива я	Вдвоем	Постель	Тупость
Слабый	Хилый	Жалко	Умрет	Больной	Лох
Обмывать	Бухать	Праздно вать	Машину	Опять пить	Водка
Базар	Разговор	Круто	Фильтру й	Колбаса	Бабки
Кидать	Обломат ь	Человек а	Шары	Аферист ы	Как лоха
Загреметь	Сесть	Пропаст ь	В тюрьму	Нары	Зона

Крутой	Модный	Клевый	Пацан	На понтах	Отстой
Грузить	Напрягать	Здорово	Ящики	Башка	Чувака
Метелка	Швабра	Швабра	Старая	Уборка	Телка
Оттяги-ваться	Веселиться	Кайф	По полной	С друзьями	Фигня
Мочить	Бить	Яблоки	Всех	Бригада	Козлов
Гнать	Врать	Врать	Самогон	Самолет	Пургу
Наглый	Навязчивый	Не везет	Козлина	Оборзел	Рыжий
Удовольствие	Радость	Огромное	Поспать	Выпивка	Отстой
Косить	Притворяться	Траву	Бабки	Халява	Дурак
Обломать	Сломать	Ветку	Рога	Косяк	Лохануть
Лечить	Врач	Успешно	Базаром	После пьянки	Похмелье
Мужчина	Женщина	Круто	Богатый	Машина	Кобель
Работать	Трудиться	Кайф	На халяву	Водила	Получать баксы

1. Анкета с доминирующей номинативной тактикой. Преобладают синонимы, общеупотребительные и жаргонные. Представлены и другие способы вторичной номинации: гипероним (*хлеб*), симиляр (*жмот*), оппозит (*мужчина* и *женщина*). Результаты анализа индивидуальных анкет подтверждают выводы, сделанные ранее, о частотности и разнообразии собственно семантических реакций, в частности синонимов. Желание «удвоить» стимул, объяснить,

расшифровать его значение; «перевести» с литературного языка на жаргонный или предложить еще один равноправный ненормированный лексический вариант (чаще синоним) определяет выбор испытуемым коммуникативной тактики.

2. Анкета с доминирующей оценочной тактикой. В таблице представлена анкета с доминирующей **положительной** оценкой стимула. Жаргонные оценочные слова (*кайф, клево* и т.п.) используются наряду с общеупотребительными лексическими единицами, выражающими эксплицитную или имплицитную оценку: *вкусный, красиво, хорошо, успешно, умный, надежный, красивая, добрая, огромное.* Кроме «оптимистичных» анкет, были получены и анкеты с ярко выраженной отрицательной оценкой стимулов, с преобладанием негативных реакций, сочетающихся с реакциями-инвективами и реакциями по поводу проведения эксперимента. Такого типа анкеты можно сравнить с «взрослыми» анкетами-настроениями [Караулов 1999: 133]. Однако беседы с испытуемыми после анкетирования, а также консультации с учителями и школьными психологами позволяют говорить не о **настроении**, которое может быть изменчивым, сиюминутным и т.п., а об определенном **взгляде** на мир, уже сформированном и деформированном с точки зрения этических норм, принятых в обществе.

3. Анкета с доминирующей предикацией. «Предикатная» тактика, т.е. приписывание признака предмету, представлена во многих анкетах, авторы которых преимущественно девочки. Анализ анкет позволяет утверждать, что, выбрав в начале анкеты именно эту тактику, что было вполне оправдано семантическими и грамматическими признаками слова-стимула, испытуемые распространили ее на другие стимулы, сделав выбранную тактику «универсальной» (похожие наблюдения и выводы см.: Наумова 1983: 118; Горошко 2001: 80).

4. Анкета с доминирующей «пропозициональной» тактикой. Таких анкет в нашем эксперименте зафиксировано четыре. Это наиболее яркие с точки зрения доминирующей тактики анкеты, в них четко прослеживается смысловая связь между стимулом и вызванным им представлением, причем реакция вместе со стимулом задают пропозицию, восходящую к некоторому прототипическому для данного испытуемого тексту [Караулов

1999: 123]. Каковы же ситуации, в которых могли использоваться анализируемые слова-реакции, и какой смысл в них актуализирован, видно из примеров: веселый → *наркотик*; говорить→ *пиво*; женщина → *секс*; колеса → *нарк*; друг → *бухать* и т.д.

5. Анкета с доминирующей инвективной тактикой. Обращение к индивидуальным листам ответов, к ассоциатам как репрезентантам индивидуального языкового сознания подростка позволяет сделать следующие выводы: 1) в анкетах используется в среднем 2-3 инвективы, наиболее частотные из которых *лох, урод, козел, придурок, дебил, идиот, даун*; реже встречаются повторы одного ассоциата; 2) большинство инвектив «оценивают» умственные способности и внешность человека, трусость, физическую слабость.

Использование инвективы в свободном ассоциативном эксперименте характерно для подростков, что объясняется в первую очередь психологическими причинами. В частности инвектива, «внешне полностью идентичная «взрослой», призвана интегрировать подростка в общество старших и одновременно служить средством защиты от страхов сексуального или иного толка» [Жельвис 1997: 55].

Изучение индивидуальных анкет и комментарии школьных психологов-экспертов позволяют сделать вывод о том, что использование инвективы, уровень выраженности агрессивных реакций в САЭ коррелирует с самооценкой подростка. Этот частный экспериментальный вывод в свою очередь подтверждает известную в психологии закономерность: уровень проявления вербальной агрессии выше у тех подростков, для кого характерны «представления о себе как о высокоавтономной личности, отличающейся выраженной способностью к лидерству и высоким интеллектом» [Психология подростка 2003: 374].

Анализ ассоциативного материала показывает, что инвективную тактику ассоциирования чаще выбирают мальчики, однако наши наблюдения за речью подростков в течение достаточно большого времени (с конца восьмидесятых годов), анкетирование и опросы информантов позволяют отрицать гендерную обусловленность использования инвективы

в речи и констатировать лишь интенсивность проявления любой формы агрессии, вербальной в том числе, у мальчиков.

Таким образом, изучение реакций «по вертикали», т.е. обращение к индивидуальным анкетам испытуемых, позволяет утверждать, что на количество и частотность реакций, представленных некодифицированными языковыми знаками, влияют психологические и поведенческие особенности испытуемых: склонность к девиантному поведению; агрессивность, в частности такая его форма, как негативизм; уровень самооценки; наличие «аффекта неадекватности» или «подросткового комплекса» [Психология подростка 2003: 47]

На первом этапе исследования [Гуц 2005] при анализе большого количества анкет (количество участников эксперимента – 2929 человек; количество проанализированных реакций, представленных некодифицированными языковыми знаками, – 13000) были сделаны выводы об использовании некодифицированных реакций, о коммуникативных тактиках усредненной, совокупной языковой личности подростка. Исследование всей совокупности реакций испытуемого на весь список стимулов (анализ по вертикали) позволило верифицировать полученные данные.

Литература

Гольдин В.Е., Мартьянов А.О., Сдобнова А.П. Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области // Языковое сознание. Теоретические и прикладные аспекты. – М.; Барнаул, 2004.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М., 2001.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. – Омск, 2005.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М., 1997.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999.

Морозова О.Е. Жаргон как психолингвистический феномен // Человек. Язык. Искусство. – М., 2002.

Наумова Т.Н. О развитии значения слова в онтогенезе речи // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1983.

Психология подростка: Учебник / Под ред А.А. Реана. – СПб., 2003.

© Гуц Е.Н., 2006

Е.В. Зырянова
Пермь

Вариативность стратегий коммуникативного и речевого поведения (по материалам повествований пятилетних детей)[1]

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант 05-06-80070).

Коммуникация – сложный многоаспектный процесс. Ее назначение – осуществление и поддержание контактов между людьми, группами людей, а в конечном счете – культурное творчество и социальная деятельность. Ведущую роль в коммуникации играет предметно-содержательный аспект, который принято называть сообщением. Типичной для человеческой цивилизации является вербальная коммуникация, в которой естественный язык используется в качестве базы знаний для порождения речевого сообщения. В таком случае в вербальной коммуникации можно вычленить коммуникативное и речевое поведение участников. Под коммуникативным поведением понимаем все, в том числе и невербальные, способы передачи сообщения и воздействия на собеседника, тогда как речевое поведение, на наш взгляд, включает, прежде всего, выбор языковых средств для речевого воплощения сообщения.

Стратегия речевого поведения охватывает весь процесс коммуникации. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана [Иссерс 2003: 54]. Иными словами, под речевой стратегией подразумевается выбор языковых средств для речевого воплощения смысловой программы.

Речевая коммуникация протекает в двух основных формах: диалога и монолога. Диалог является исходной, первичной формой коммуникации. Монолог осваивается позже диалога. Многие исследователи подчеркивают первичную роль диалога в монологической речи. Так, Н.И. Лепская считала, что интенсивное овладение детьми сообщением в его вербальном выражении протекает в форме диалога [Лепская 1997: 76]. Переход от диалогической речи к монологической осуществляется в старшем дошкольном возрасте. Считается, что к 5-6 годам у ребенка должно быть сформировано умение связно, то есть логично, последовательно выражать в речи свои мысли. В условиях монологической формы общения у ребенка должно появиться новое отношение к слушателю, ориентирование на него, умение строить свое сообщение так,

чтобы оно было понятно другому человеку без опоры на совместно воспринимаемую ситуацию [Кочешнова 1999: 105].

Важнейшим свойством текста является его предметно-смысловая завершенность [Лепская 1997: 78]. К высказываниям-текстам ребенок приобщается на более поздних этапах развития. По своей структуре тексты могут быть по преимуществу либо повествовательные, либо описательные, либо тексты-рассуждения, а чаще всего – смешанные. Все перечисленные тексты носят монологический характер.

Становление способности создавать связные монологи-повествования описано довольно подробно и в лингвистических [Седов 1999], и в психолингвистических [Овчинникова и др. 1999], и в прикладных [Волкова, Семенова 1999] аспектах. В частности отмечается широкая вариативность речевых, в том числе семантических особенностей повествований дошкольников. Эта вариативность обусловлена целым рядом факторов, прежде всего, вариативностью нормального речевого онтогенеза.

Цель нашего исследования – описать вариативность повествований пятилетних детей, выявить речевые стратегии маленьких рассказчиков. Предмет нашего исследования – воплощенные в устном повествовательном монологе коммуникативные и речевые стратегии.

Наглядность картинок обусловливает целостность их восприятия. Ребенок, сочиняя рассказ, имеет перед собой визуальную опору, что помогает ему лучше ориентироваться в ситуации. Таким образом, «благодаря схематизации ситуация становится более доступной для переноса на речевой или умственный план» [Грановская, Крижанская 1994: 125], что в конечном итоге приводит к построению ребенком сюжетно завершенного текста. Л.С. Выготский отмечает, что развитие детского литературного творчества становится более легким и успешным, когда ребенка побуждают писать (у нас – рассказывать) на внутренне понятную ему, волнующую, тему [Выготский 1997: 39]. Мы сочли, что вполне понятной и интересной пятилетним детям покажется серия картинок о приключениях мальчика и его собаки, отправившихся на поиски сбежавшей от них лягушки.

Итак, материалом нашего исследования являются устные рассказы русских детей по серии картинок «Frog, where are you?». В нашем исследовании в качестве испытуемых выступали учащиеся подготовительного класса при школе № 77 г. Перми — дети в возрасте от четырех с половиной до пяти с половиной лет. Всего 55 человек: 27 мальчиков и 28 девочек. Детям была предложена серия из 24 черно-белых картинок. Процедура записи оставалась стандартной [Овчинникова и др. 1999].

Обработав диктофонные записи, мы установили ряд особенностей речевого поведения детей, т.е. проанализировали стратегии, проявляющиеся в реализация смысловой программы и языковых особенностях (в первую очередь в синтаксисе и лексике), а затем сопоставили речевые стратегии мальчиков и девочек в диалоге «взрослый - ребенок» в условиях лингвистического эксперимента.

В нашем материале проявились три стратегии речевого поведения, в которых варьируют способ и полнота реализации заданной картинками смысловой программы.

Первая стратегия реализуется в буквальном выполнении задания, т.е. последовательном описании изображенного на картинках. Мы получили 8 подобных рассказов. Приведем отрывок подробного рассказа-описания пятилетнего Серёжи Н.:

- *Лягушку, собачку и мальчика…*

[Э.: - Угу, и что они делают?]

- *Лягушку смотрят.*

[Э.: - Угу. А что дальше? Смотри на картинки]

- *Мальчик здесь спит…*

[Э.: - Угу.]

- *Лягушка спит…А собачка-то где? Так, вот она… лежит. А лежит тоже на кровати. Потом я вижу…мальчика и собачку…, что мальчик лежит на кровати, где нож… ножки лежат и собачка тоже также.*

- *А лягушка… не вижу че-то ее, опять не вижу.*

[Э.: Посмотри, что она здесь делает?]

- *Сидит на баночке.*

[Э.: Что здесь произошло?]

-*Что ее нету...*

[Э.: А дальше?]

Потом я вижу на этой картинке, что собачка вот… вот… полезла в баночку…

Как видим, описание развертывается как серия ответов на вопросы взрослого экспериментатора. В основном описания получаются длинными; если измерять длину количеством простых предложений, то они в полтора раза длиннее других детских рассказов. Некоторые рассказы-описания из-за редукции (выпуска из рассказа трех и более эпизодов) становятся очень короткими. Для рассказов-описаний характерно употребление простых предложений; использование глаголов в форме несовершенного вида со значением конкретного действия, происходящего в течение определенного времени и представленного в процессе его осуществления; сравнительно высокое лексическое разнообразие, – словом, характерны черты, свойственные описанию как содержательному типу текста.

Вторая стратегия речевого поведения реализуется в связном повествовании на основе всей серии картинок (36 рассказов). Среди связных повествований встречаются и полные рассказы обо всех событиях, и редуцированные (выпускающие более трех эпизодов), и лишенные сквозной темы (утрачивается основной тезис: дети забывают, что мальчик с собачкой ищут убежавшую лягушку).

Полные повествования в нашем материале встречаются чаще других (15 рассказов). Такие рассказы также длинны. Однако при измерении длины в простых предложениях они уступают текстам-описаниям, при измерении длины в словоупотреблениях — превосходят их, что свидетельствует о большей синтаксической сложности полных повествований по сравнению с описаниями. Как правило, в целостном связном повествовании простое предложение содержит больше лексических единиц, чем в описании; это означает, что в связных повествованиях встречаются осложненные конструкции и сложноподчиненные предложения. Это естественно: полная реализация смысловой программы предполагает предикативную насыщенность текстов, разнообразие синтаксических связей. Часто рассказы-

повествования начинаются с описания. Приведем одно из полных повествований, записанное от пятилетней Ксюши:

- *Мальчик сидит возле лягушки… а собачка… за… суёт в банку. Мальчик уснул… лягушка выпрыг… и собачка засну…Лягушка высун… выпрыгивает из банки…Мальчик просыпается, а лягушки нет. Он одевается… и идёт искать лягушку*

[Э.: - Угу.]

Собака влезла в банку… стала баловаться… а мальчик задумался…. Смотрел, смотрел.. и не увидел, как собачка упала, а потом услышал треск и увидел, что это собачка. Он прыгнул… взял собачку на руки. И они пошли искать её.. лягушку. Они па…а там висела… висела.. на дереве… где жили пчёлы.. Собачка загавкала… стала трясти дерево, упала… упала… ну и вот. Упала… и пчёлы выскочили… из… из… из…из дупла. Нет не из дупла, а из своей доме.

И стали мальчика…. И собачку ужалили… а потом они спрятались, пчёлы улетели обратно…

Все полные повествования неидеальны, имеют те или иные погрешности. Установлено, что до 5,5-6 лет отнюдь не все дети способны создать классическое повествование, а хорошо структурированные повествования ранее семи лет практически не встречаются [Дурова, Юрьева 1998: 17].

Довольно многочисленны редуцированные повествования (10 рассказов). Авторам удается удержать основной тезис (поиски сбежавшей лягушки), однако в рассказах выпущено описание трех и более эпизодов. Пропуск эпизодов приводит к сокращению длины текста, упрощению синтаксиса и отсутствию пауз. Авторы редуцированных повествований добиваются целостности, упрощая заданную серией картинок смысловую программу.

Частой нарративной стратегией (11 рассказов) является редуцированный рассказ с утраченной сквозной темой, когда, несмотря на явные старания взрослого напомнить изначальную цель путешествия мальчика и собаки, автор не может связать первые и последние картинки серии и восстановить ход событий. Возможно, испытуемые помнят, что мальчик отправляется на поиски сбежавшей лягушки, однако в конце

рассказа не могут сформулировать основной тезис. В этом случае можно диагностировать недостаточную сформированность умения строить развернутое монологическое высказывание.

Наконец, охарактеризуем третью речевую стратегию. Довольно часто ребенок отвлекается от изображенных на картинке событий и привносит в повествование чужеродные детали, вводит новых героев (11 рассказов). Это не определяет целостность повествования: такого рода рассказы могут состоять из разрозненных эпизодов, а могут быть вполне завершенными. Можно определить такие рассказы как редуцированные с искажением смысловой программы. Приведем отрывок целостного повествования с искаженной смысловой программой, записанного от пятилетнего Максима К.:

…Стал мальчик мальчик искать. Собака надела будку и пошла тоже искать чтоб ей лучше было видно.

Потом с… мальчик… потом собачка мальчика… а ста… стала лизать, потому что … потому что… потому, что он делал много хорошего для него кормил, ухаживал, гулял с ней.

А потом они пошли как еще гулять раз, но … и они заблудились.

Потом собачка нашла дерево, а там бы… на… была уля. Она на него залаяла. А вот… пчелы собачку закусали и маль… мальчика тоже.

Стали они как-то в… аукать. Пот… на … потом услышали…ли, услышали воры и про… и пошли к ним на помощь. А вот, тогда, вот он… они, а по… вытащили… помогли мальчику и… а и они мальчика украли тоже, вместе с домом… а дом… а дом был у них уже, когда они ограбили квартиру. А квартира та была с бомбой, а бомба-то взорвалась у них. И потом они… кричали. А мальчик сбежал и негде им было жить…

Ребенок не пытается увязать события в целостную систему, располагая их как случайные эпизоды немотивированной прогулки мальчика и собачки, добавляя в рассказ чужеродные элементы. В сущности, автор заменяет предложенные картинки на сюжеты увиденных ранее фильмов и мультфильмов. К

картинкам мальчик возвращается лишь после напоминаний экспериментатора. В связи с привнесением детьми новых подробностей искаженные повествования отличаются наибольшим количеством словоупотреблений.

Таким образом, выявленные речевые стратегии варьируют смысловую программу связного монолога. С вариативностью смысловой программы связаны и языковые особенности текстов детских рассказов: длина, синтаксическая сложность, лексическое разнообразие. Однако полнота реализации смысловой программы не находит прямого выражения в языковых особенностях текста. Полные повествования отнюдь не всегда отличаются лексическим многообразием и полноценным синтаксисом повествований. Взаимосвязь полноты реализации смысловой программы и языковых особенностей рассказа неоднозначна. В целом, полным и редуцированным повествованиям свойственно наибольшее лексическое разнообразие. Это показывает, что в процессе создания полных и редуцированных рассказов дети шире используют возможности своего словаря, стремятся подобрать изображенному точную номинацию. Низкий коэффициент лексического разнообразия на нашем материале проявился в рассказах-описаниях и искаженных рассказах. Рассказы-описания и искаженные рассказы менее конкретны, проигрывают в яркости и образности. В подобных рассказах дети упрощают свою задачу, заменяя сложный процесс лексического выбора использованием местоимения.

Сложный синтаксис, так же как и высокий коэффициент лексического разнообразия, характерен скорее для полных и редуцированных повествований. Подобная закономерность не случайна: развитая речевая компетенция проявляется на всех уровнях текстопорождения. Сложный синтаксис может быть обусловлен использованием прямой речи. Прямая речь в большей степени свойственна рассказам-описаниям и искаженным повествованиям. В целом прямую речь предпочитают вводить совсем юные рассказчики. Уже в шесть лет прямая речь в основном заменяется косвенными высказываниями.

Причастия и деепричастия в речи пятилетних детей встречаются довольно редко и в основном в текстах с высокими коэффициентами лексической и синтаксической сложности.

Характерно, что рассказы-описания и искаженные повествования в основном были получены от мальчиков, а полные повествования - от девочек. Полученные данные показывают, что мальчики менее свободно ориентируются в искусственной коммуникативной ситуации: либо воспринимают задание слишком буквально, либо вообще уходят от задания, пытаясь приблизиться к естественной ситуации диалога. Скорее всего, в процессе текстопорождения в нестандартной коммуникативной ситуации немаловажную роль играет разница в воспитании девочек и мальчиков: родители девочек обычно воспитывают в них стремление оправдывать социальные ожидания [Хризман, Еремеева 1998].

Кроме того, очевидно, и полнота реализации смысловой программы, и языковые особенности рассказа детерминированы влиянием других факторов, прежде всего, - ситуацией записи, коммуникативной стратегией и индивидуальностью рассказчика. Вероятно, авторы рассказов-описаний, полных повествований и повествований на постороннюю тему преследуют разные коммуникативные цели. Последние явно склонны сокращать социальную дистанцию с взрослым экспериментатором, приближая экспериментальную ситуацию к диалогическому общению «с заботливым родителем» [Берн 1992]. Первые, буквально интерпретируя задание, выполняют своеобразный тест, в котором взрослый экспериментатор играет роль «критического родителя» [Берн 1992]. Наконец, авторы полных и редуцированных повествований ставят коммуникативную цель, адекватную экспериментальной ситуации, оценивая экспериментатора как постороннего взрослого.

Подведем основные итоги исследования вариативности стратегий речевого поведения пятилетних детей, отраженных в связном повествовании.

Речевая стратегия определяет вариативность смысловой программы рассказа. В свою очередь, вариативность реализации смысловой программы весьма опосредованно связана с

синтаксической сложностью, лексическим разнообразием и интонационными особенностями речи ребенка. В нашем материале проявились следующие тенденции: для полных повествований характерен сложный синтаксис и высокое лексическое разнообразие; для описаний и искаженных повествований характерны простой синтаксис и низкое лексическое разнообразие.

В целом выявленные стратегии совпадают с теми, что установлены для шестилетних детей [Овчинникова 2003]. Существенным различием является снижение у шестилетних детей доли рассказов-описаний и искаженных повествований.

Литература

Берн Э. Игры, в которые играют люди. – СПб., 1992.

Волкова Л.С., Семенова Е.Е. Связная речь дошкольников с дефектами зрения и задачи логопедической работы // Проблемы детской речи – 1999. Материалы Всероссийской конференции. – СПб., 1999.

Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. – СПб., 1997.

Грановская Р.М., Крижанская Ю.С. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб., 1994.

Дурова Н.В., Юрьева Н.М. Составление рассказа по серии иллюстраций детьми-дошкольниками // Речевое и психологическое развитие дошкольников. – М., 1998.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2003.

Кочешнова О.Е. Состояние монологической речи ребенка на пороге школьного обучения //Проблемы детской речи - 1999. Материалы Всероссийской конференции. – СПб, 1999.

Леонтьев А.Н. Психическое развитие ребенка в дошкольном возрасте // Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста / Под ред. А.Н.Леонтьева, А.В.Запорожца. – М., 1995.

Лепская Н.И. Язык и ребенок. (Онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997.

Овчинникова И.Г. Коммуникативное поведение шестилетних мальчиков// Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.

Овчинникова И.Г., Береснева Н.И., Дубровская Л.А., Пенягина Е.Б. Рассказы русских детей (по серии картинок «Frog where are you?»).

Звучащая хрестоматия. Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение №10. Пермь – Бохум. 1999.

Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности. – Саратов, 1999.

Хризман Т.П., Еремеева В.Д. Мальчики и девочки – два разных мира. – СПб., 1998.

© Зырянова Е.В., 2006

В.М.Иванилов
Екатеринбург

Принципы толкования сновидений

В последние годы в психолингвистических и лингвокультурологических исследованиях все больше внимания уделяется изучению разного рода текстовых форм, отражающих наивное языковое сознание. Одной из сфер, интересных для такого описания, является народная гадательная традиция, воплощенная в толкованиях сновидений.

В структурном отношении снотолкование представляет собой двухчастную «клишированную» формулу, состоящую из толкуемого слова-символа («знака сна») и его интерпретации. Символическое объяснение знаков сна ориентировано на благоприятный или неблагоприятный для адресата прогноз, спроецированный на типовые для «гадательных» жанров ситуации: богатство или бедность, получение плохих или хороших известий, успех или неудача в каком-то деле и т.д. Для исследования специфики снотолкования как особой интерпретационной структуры важным является «вопрос характера связи между знаком-символом (предметом, лицом или действием), появившимся во сне, и ожидаемым результатом появления такого знака» [Толстой 2003: 305]. Характер установленной связи ключевого слова-символа и его интерпретации обозначается как «принцип снотолкования». Практически все существующие типологии принципов

толкования сновидений [Валенцова 2002, Добровольская 2002, Небжеговска 1994, Толстой 2003, Якушкина 1999 и др.] базируются на описании типов ассоциативной связи, обусловливающих различные направления объяснения слова-символа в сонниках. Рассмотрим подробнее каждую из предлагаемых исследователями типологий.

Соотносительными по своим параметрам являются классификации С. Небжеговской [Небжеговска 1994] и Н.И. Толстого [Толстой 2003]. Исследователями выделяются:

1. Принцип тождества (*увидеть во сне покойника-родственника, приглашающего к себе, – к смерти того, кто видит сон*).

2. Принцип сходства (подобия):

- по свойству (*дождь – к слезам*);
- по внешнему виду, по форме (*горох – слезы*);
- по созвучию (*гора – горе*);
- по функции (*огонь – это вор*).

3. Метонимия (*песок или глина снятся – к смерти, к похоронам* – пространственно-временная метонимия).

4. Метафора (*если снится, что укусила гадюка, то остерегайся лихого человека*).

5. Принцип переворачивания значения символа-знака, придания противоположного смысла результату (*экскременты – к деньгам, к золоту*; *измараться ими – к большим деньгам, а видеть во сне золото – испачкать постель*).

6. Снотолкования, основанные на славянской мифологии, отражающие славянские народные верования (*увидеть во сне покойника – к дождю*).

7. Оценка (*если снится чистая вода, то хорошо, грязная – плохо*).

Принципы с первого по шестой представлены как в работе С. Небжеговской, так и в работе Н.И. Толстого, седьмой принцип «оценки» отмечается только С. Небжеговской. Данная типология принципов выстраивается 1) с учетом различных типов ассоциативной связи, в которые включается описание самого механизма ассоциирования (первые пять принципов); 2) с учетом содержания ассоциативных сближений (шестой и седьмой принципы).

Оценивая предложенную классификацию в целом, выскажем сомнение в том, что содержание ассоциативных сближений можно рассматривать как принцип снотолкования в смысле механизма интерпретации. Толкования, базирующиеся на славянской мифологии, – не столько техника ассоциативной интерпретации, сколько объяснение связи между предметами, явлениями (по сходству, по смежности), закрепленное предшествующим опытом существования человека в культуре (транслируемым от поколения к поколению). Положительная или отрицательная оценка (принцип оценки, по С. Небжеговской) как способ интерпретации сновиденческого символа, на наш взгляд, также не является ассоциативным механизмом интерпретации сновидения, поскольку любое из снотолкований оценочно. Думается, в этом плане лучше говорить о различии в обобщенно-оценочной (к *добру* – к *худу*, *хорошо* – *плохо* и т.п.) и более конкретной (ситуативно-детализированной) интерпретации (к *успеху* – к *неудаче*, к *получению прибыли* – к *убыткам*, к *согласию* – к *ссорам* и т.п.). Подобный принцип снотолкования вписывается в рамки символической интерпретации, связанной в целом с ранжированием по шкале благоприятного или неблагоприятного прогноза.

Требует дополнительного комментария выделение принципа толкования по сходству и принципа метафоры как разных принципов интерпретации. Разграничение этих принципов считаем продуктивным в том плане, что не всегда представленный в снотолковании ассоциативный перенос по сходству есть метафора. Любой признак предмета (форма, цвет, структура и др.), любое его свойство, предикат или же представление о нем могут стать основой символической проекции этого предмета, но не каждое из значений такого символа будет метафорическим.

Например, *индюк с распущенным хвостом – знак свидания с надменным / самоуверенным человеком* [Сонник 1870, НСС 2003]. Снотолкование базируется на метафорическом переносе (принципе образно-символической актуализации представлений о напыщенной птице, ср. *надуться, как индюк* по отношению к характеристике человека). Ср.: *ястреб – непреодолимый враг*

[Сонник 1870, Сонник 1901] – снотолкование построено на основе принципа ассоциативного переноса по сходству поведения птицы и человека, но не является метафорой, поскольку не имеет образного подкрепления в культурно-языковой практике. *Ястреб* как хищная птица, которая стремительно набрасывается на свою жертву и безжалостно расправляется с ней, символизирует *враждебность*, что является пропозицией для сновиденческой интерпретации (*непреодолимый* враг). В этом значении могут выступать и другие орнитологические символы снотолкования, обозначающие хищных птиц. Однако заметим, что такое разграничение во многом условно и не всегда применимо к случаям интерпретации сновидений, построенных на антропоморфных и зооморфных аналогиях. В широком смысле любое ассоциативное отождествление по сходству, основанное на соотнесении явлений разных денотативных сфер, есть метафора. Однако что касается последнего примера, то характеристика *враг* может относиться и не к человеку.

Специфичен для сферы снотолкований принцип «переворачивания значения символа-знака, придания противоположного смысла результату» (Н.И. Толстой) или принцип «антитезы» (А.В Гура). В основе этого принципа «лежит антонимичность смыслов знака-символа и результата» [Толстой 2003: 306]. Можно дополнительно отметить, что основой интерпретаций подобного рода является народное восприятие сна как «перевернутой реальности», когда сон рассматривается как явление, «родственное смерти, но смерти не как небытия, а как иного состояния бытия. Традиционно это иное бытие трактуется как противоположное земному существованию, т.е. как перевернутое земное: пространственно это небесное или подземное существование, а по времени – ночное и вечернее» [Валенцова 2002: 45]. Кроме того, интерпретация «от противного» поддержана «характером народного осмысления мира, допускающего параллельное существование разных явлений, часто даже противоречивых» [Небжеговска 1994: 72].

Описанные принципы толкования сновидений имеют разную «продуктивность». Так, исследуя суеверия, связанные с

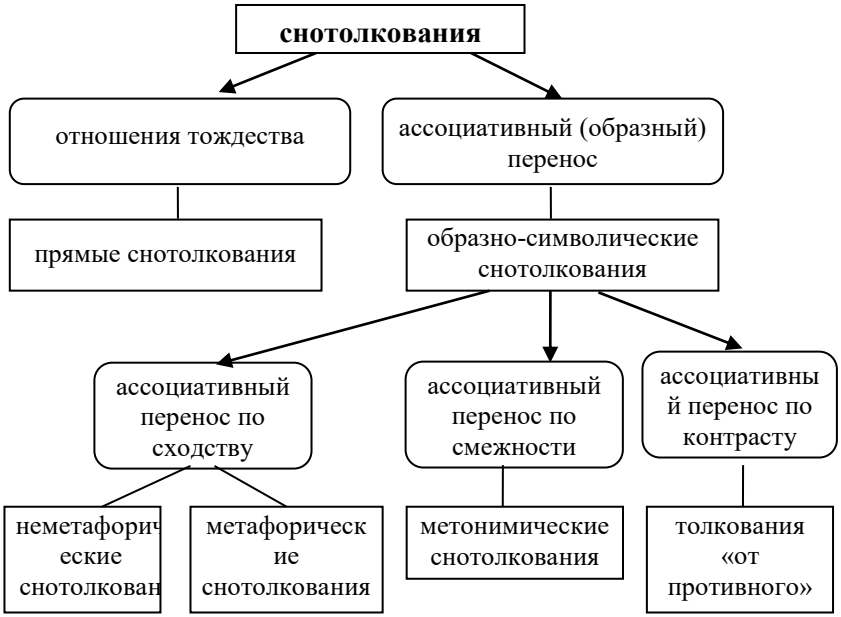
толкованием сновидений в Ярославской области, В.Е. Добровольская называет как самые частотные принцип сходства и принцип переворачивания значения, как довольно редкие – принципы тождества, толкования по созвучию и на основе метонимии [Добровольская 2002: 61-63].

В статье Е.И. Якушкиной в качестве принципов снотолкования рассматриваются типы ассоциативной связи по сходству и по смежности: «Путь от образа к действительности, – пишет исследователь, – в сознании носителя традиции идет напрямую (толкование очень просто и напрашивается само собой), по ассоциации по сходству, по ассоциации по смежности. Однако для подобных текстов свойственен уникальный тип образа, основанный на представлении о сне как о зеркально преображенной реальности» [Якушкина 1999: 30].

В статье М.М.Валенцовой «Полесская традиция о сновидениях» [Валенцова 2002: 50-53], согласно авторской терминологии, выделяются не принципы, а «аспекты» толкования снов. К доминирующим аспектам автор относит *ассоциативный, мифологический* и *этимологический* [Валенцова 2002: 53]. На наш взгляд, в данной классификации смешиваются разные основания – техника ассоциативной интерпретации сновидений и когнитивные основания толкований, поскольку именно на базе ассоциативной связи, организующей интерпретацию, отражаются мифологические представления этноса или мотивационные отношения между толкуемым словом и ассоциатами-интерпретаторами.

Типологию принципов снотолкования, с нашей точки зрения, можно построить на основе традиционно выделяемых видов ассоциативной связи: по сходству, по смежности, по контрасту. Основу такой типологии должно составить противопоставление интерпретаций, построенных на основе принципа тождества, и интерпретаций, организованных на основе ассоциативного (образного) переноса. Тогда можно выделить две группы снотолкований: с прямой, буквальной интерпретацией значения сна и с образно-символическим его объяснением (см. Схему).

Типология снотолкований на основе ассоциативной связи
слова-символа и ассоциатов-интерпретантов



Снотолкования, построенные на основе принципа тождества, в своих истоках в большей степени связаны с мифологическим мышлением человека: реальность сна отождествляется с реальностью яви (прямой тип объяснения, так называемые «вещие сны»).

Снотолкования, построенные на основе ассоциативного переноса, в большей степени мотивированы образным мышлением человека (образно-символический тип объяснения). Любой образный перенос в снотолковании является символическим по своей природе, что обусловливается спецификой снотолкования как гадательного жанра.

В системе символических интерпретаций можно выделить три группы снотолкований, в основу которых положено ассоциирование по сходству, по смежности и по контрасту.

Снотолкования, построенные на основе ассоциативного переноса по сходству, на наш взгляд, необходимо разделить на две группы: *метафорические* и *неметафорические* толкования. В толкованиях, рассматриваемых нами как метафорические, интерпретация слова-символа (ассоциат или группа ассоциатов)

представляет собой метафору. Например, *жаворонок – к раннему визиту непрошенного гостя* [БТС 2000]. Снотолкование строится на актуализации узуальной метафорической проекции, развившейся на базе пропозиции *птица, поющая по утрам* (ассоциат *ранний*). Согласно народным наблюдениям, жаворонок – птица, которая «поет рано по утрам, находясь неподвижно высоко в небе» [РКП 2004: 76]. Образ *жаворонка* в русской культуре используется для обозначения «человека, который с легкостью встает рано утром и пик активности которого приходится на утренние часы» [там же].

Другие толкования, в которых интерпретация основывается на ассоциативной связи по сходству, но не организуется как метафорический перенос, относятся нами к группе неметафорических (собственно символических) толкований. Ср., в частности, объяснения, построенные на базе зооморфной аналогии: *гладить лису – враг* [Сонник 1908]; *лиса – знак скрытого врага* [Сонник 1901]; *лиса – тайный враг* [Сонник 1912, НУС 1998]; *убить лису – победа над врагом* [Сонник 1908]; *убить лису – безусловная победа над врагами* [НСС 2003]; *убить лису – большая победа над неприятелем* [Сонник 1901].

Снотолкования, отражающие ассоциативный перенос по смежности (***метонимические***). Например, *грач – к наступлению тепла* [БТС 2000]. Интерпретация базируется на ***временной метонимической*** связи, выводимой из пропозиции *птица, прилетающая ранней весной*.

Жареный поросенок – к богатому застолью [БТС 2000]. Толкование основывается на актуализации ***временной метонимии***: блюдо, обычно подаваемое на стол во время больших торжеств, выступает знаком *богатого застолья*. Символика *богатства* также поддержана представлениями о плодовитости свиньи. *Гиппопотам – к избыточному весу* [БТС 2000]. Крупное, «толстое» животное выступает знаком *избыточного веса* – ***ситуативная метонимическая*** связь.

Снотолкования, построенные на основе ассоциативного переноса по контрасту (толкования «от противного»). Например, *галка – снег* [Полнейший … 1872, Толкователь 1878]. Объяснение в соннике – ассоциативная развертка пропозиции

птица с черным оперением. На основе противопоставления *черный – белый* (ассоциаций по контрасту) в интерпретирующей части снотолкования актуализируется ассоциат *снег*, символически актуализирующий цветовое значение (ср. сравнительный оборот *белый как снег*). *Видеть себя в богатой енотовой шубе – к нищете* [БТС 2000]. Объяснение основано на оппозиции *богатство – нищета* (ассоциации по контрасту) и т.д.

Снотолкование представлено в народной культуре как клишированная двухчастная структура, в составе которой выделяются слово-символ (ключевой элемент сновидения) и соотносительные с ним вербальные «интерпретанты», фиксирующие результат специфической переработки информации (содержания сна) в проекции на мир яви. В основе такой переработки лежат ассоциативные механизмы, выводящие на поверхность стереотипы обыденного сознания носителя традиционной культуры, в котором иррациональное (пралогическое) и рациональное (основанное на житейском опыте) начала неразрывно связаны. Снотолкование выступает при этом как текст, транслирующий значимую для выстраивания сновиденческого «прогноза» культурную информацию.

Литература

Валенцова М.М. Полесская традиция о сновидениях // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б.Христофорова. Серия «Традиция, текст, фольклор». – М., 2002.

Добровольская В.Е. Суеверия, связанные с толкованием сновидений в Ярославской области (по материалам экспедиций второй половины 1990-х годов в Пошехонский и Переславль-Залесский районы) // Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Сост. О.Б.Христофорова. Серия «Традиция, текст, фольклор». – М., 2002.

Иванилов В.М. Ассоциативный потенциал слова как основа толкования сновидений: Дис. … канд. филолог. наук. – Екатеринбург, 2006.

Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение. – 1994. – № 5.

Толстой Н.И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М., 2003.

Якушкина Е.И. Народный сонник из Каргополья // Живая старина. – 1999. – № 2.

Список источников и словарей

БТС 2000 – *Степанова Н.И.* Большой толкователь снов. – М., 2000

НСС 2003 – *Смурова О.Б.* Новый семейный сонник. – М., 2003.

НУС 1998 – *Новый* универсальный сонник / Л.Зданович. – М., 1998.

Полнейший … 1872 – *Полнейший* сонник и истолкователь различных примет. – СПб., 1872.

РКП 2004 – *Русское* культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. I / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М., 2004.

Сонник 1870 – *Сонник* или толкование сновидений. – М., 1870.

Сонник 1901 – *Толкование* сновидений известного старца Мартына Задеки. – М., 1901.

Сонник 1908 – *Сонник* или толкователь снов. – М., 1908.

Сонник 1912 – *Мисс Хассэ*. Сон и сновидение. Научно объясненное толкование снов. – Варшава, 1912.

Толкователь 1878 – Толкователь снов египетских и индейских мудрецов. – М., 1878.

© Иванилов В.М., 2006

А.В. Кибанова
Пермь

Актуальные концепты в сознании молодых россиян (по данным ассоциативного эксперимента)[2]

Цель работы – выявить характерные для современной молодёжной субкультуры личностные смыслы актуальных концептов и установить временные сдвиги в личностных смыслах актуальных концептов, произошедшие за последнюю четверть века. Объектом анализа стали ассоциативные реакции на 37 слов-стимулов, полученные в свободном ассоциативном эксперименте, проведенном нами в 2005 году с 200 студентами двух вузов г. Перми: Пермского государственного университета и Пермского филиала Российского государственного торгово-экономического университета. Каждый участник получал анкету со списком из 37 слов-стимулов с заданием: «Напишите первое слово, которое приходит Вам в голову в связи с заданным. Старайтесь работать быстро». Испытуемые работали индивидуально, время выполнения здания не превышало 50 минут. Изучению были подвергнуты 7400 реакций на 37 слов-стимулов.

[2] Исследование поддержано РГНФ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1) выявить наличие стереотипов в восприятии слов, обозначающих актуальные концепты. Под стереотипами в данном случае понимаются частотные реакции на заданное слово-стимул;

2) сопоставить данные нашего ассоциативного эксперимента с данными ранее изданных ассоциативных словарей.

Приведем слова-стимулы, на которые получены частотные ассоциативные реакции, совпадающие у трети участников эксперимента. Это слова-стимулы ИСТИНА (самая частотная реакция – *правда)*, ДИСКО, ДЕНЬГИ, ЯНДЕКС, БИЗНЕС, ПРЕЗИДЕНТ, РУССКИЙ, ЯБЛОКО, ГЛУПЫЙ, МОЛОДОЙ, СЛЕНГ, ИНТЕРНЕТ. Охарактеризуем стереотипное представление молодых респондентов об этих словах, сопоставляя наши данные с материалами ассоциативных словарей.

Такое сопоставление позволит выявить временные сдвиги в представлении о значении слова, обусловленные в том числе и существенными социальными изменениями в российской жизни последних десятилетий. Мы сравнивали наши материалы с ассоциациями, приведенными в «Словаре ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) и «Русском ассоциативном словаре» (РАС). Оба словаря являются результатом обработки материалов массового ассоциативного эксперимента регистрацией первичного ответа. Для САНРЯ материалы собирались в течение 1969-1972 г.г., а для РАС – в течение 1988-1991г.г.

Создатели РАС указывали, что «анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых в эксперименте 1989-1991 годов, исследователь может прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие 20-30 лет, т.е. на период, когда нынешние испытуемые будут составлять активное ядро общества» [Караулов и др. 1994: 193].

Рассмотрим, какими личностными смыслами наделяли студенты конца восьмидесятых – начала девяностых годов слова, которые в 2005 году вызывают стереотипные ассоциации.

Поскольку ассоциации дают представление о взаимосвязях единиц лексикона, наше сопоставление касалось не только слов-стимулов, вызвавших в 2005 году стереотипные ассоциации, но и слов одного с ними семантического поля, лексем, вербализующих один концепт (о концепте см. [Попова, Стернин 2006]).

Начнем со слова-стимула ДЕНЬГИ. В РАС приводятся реакции *бумажки, грязь, мелочь, монета*, в то время как в наших материалах, полученных в 2005 г., превалируют реакции *богатство, власть, валюта, доллары*. Отношение к деньгам заметно изменилось: отрицательные смыслы вытеснены положительными. На стимул КУПИТЬ, связанный с концептом ДЕНЬГИ, в РАС мы находим реакции *хлеб, продукты, подарок, мороженое* и др., а в нашем ассоциативном эксперименте-2005 (далее АЭ-2005) представлены реакции *товар, дом, квартира*. Отношение к деньгам всегда было сложным. Но если в советское время это было связано с всеобщим дефицитом, то в наше время – с величиной дохода и возможностями потребления. Максимализм молодых жёстко увязывает уровень жизни с уровнем доходов.

С концептом ДЕНЬГИ связано и слово БИЗНЕС. В начале 90-х гг. XX века в нашу жизнь вошло новое понятие – «бизнес». Уже спустя 15 лет это понятие оценивается совершенно иначе, насколько позволяют судить об этом ассоциации, полученные в нашем эксперименте. Если в РАС представлены реакции типа *крутой, предпринимательство, мафия*, то в 2005 году БИЗНЕС – это, прежде всего, *дело* и *деньги*, а также *работа, карьера, офис, прибыль*. Современная молодёжь принимает «условия игры» нового времени. Получается, что бизнесом заниматься просто необходимо. Хорошая, перспективная работа – это всегда бизнес, иначе ты в этой жизни ничего не достигнешь. Моральный аспект этой проблемы утратил актуальность.

Перейдем к лексике, обозначающей политические реалии, поскольку среди слов-стимулов, вызывающих частотные реакции, встречается слово ПРЕЗИДЕНТ. Обратимся к стимулу ГАЗЕТА. Влияние прессы на общество всегда было очень велико. Сравнивая данные САНРЯ и АЭ-2005, приходим к выводу, что резко уменьшилось количество названий газет.

Безусловно, люди XXI века читают уже другие газеты, но, сопоставляя данные САНРЯ и АЭ-2005, можно убедиться, что и количество читаемых газет существенно уменьшилось. Современная молодёжь склонна давать реакции нейтральные, такие как: *СМИ, пресса, буква, журналист* и др. Конечно, наиболее частотные реакции – *бумага, информация, новости, журнал* – встречаются во всех трёх источниках (САНРЯ, РАС и АЭ 2005). Но из ответов «ушёл» оценочный компонент. Даже реакций, которые являются частотными для РАС, не осталось (например: *свежая, интересная*). Газета воспринимается как носитель информации, а вот является она полезной или вредной, не имеет значения.

Совершенно другая ситуация со стимулом ТЕЛЕВИДЕНИЕ. Здесь представлены оценочно окрашенные реакции: *развлечение, яркость*. А если сравнить ещё и малочастотные и единичные ассоциации, то можно добавить к этому ряду *бред, враг, заевшееся, интересное, мечта, не обязательно смотреть всё, примитивно* и др. На это слово получено множество разнообразных реакций. Их количество больше, чем на другие стимулы. Это говорит о том, что телевидение имеет для современных молодых людей важное значение, оно более значимо, чем пресса.

На стимул ПРЕЗИДЕНТ у 40% опрошенных возникла реакция *Путин*. Подобного единодушия испытуемых не заметно в РАС. Там аналогичная реакция *Ельцин* имеет лишь 16,5%. Очевидно, россияне привыкли к президентскому правлению, вместо фамилий президентов других стран в их сознании актуализируется речевое клише, тиражируемое российской прессой.

Наиболее интересным, на наш взгляд, является переживание молодежью личностных смыслов слов, отражающих этническое самосознание. Это слова РУССКИЙ и ЧУЖОЙ. На последний стимул в РАС приводятся ассоциации *человек, свой, дом, фильм, странник, страшный*. Это частотные реакции, появившиеся и в нашем эксперименте. Такие ассоциации, как *опасность, плохой, пришлый, пугающий,* показывают, что к чужому молодые люди относятся скорее негативно. Определяя тип общения, свойственный русской культуре, К. Касьянова приходит к

выводу, что «им является «диффузное общение» (термин Т. Парсонса), которое характеризуется тем, что русские отбирают себе друзей и знакомых не с точки зрения того, какие цели с ними удобно и интересно осуществлять (как при «конкретном общении»), а по глобальным признакам, характеризующим их как личность» [Касьянова 1994: 250]. «Диффузное общение» русских Н.В. Уфимцева определяет как социальную интроверсию: «Такой круг общения обладает определённой замкнутостью, он не любит «чужаков». Русский – социальный интроверт, что означает его обращённость внутрь своей малой, первичной группы, внутри которой он очень чувствителен к мнению окружающих. К остальным же он проявляет сильную «социальную невозмутимость»» [Уфимцева 2005: 210].

Однако, если рассматривать все ответы, общий фон восприятия ЧУЖОГО скорее нейтрален, даже благоприятен.

На стимул РУССКИЙ в РАС мы находим реакции: *язык, человек, мужик, Иван, Ваня, дурак, дух, характер*. Это вполне соотносится и с АЭ-2005. При рассмотрении единичных реакций в АЭ-2005 находим: *бомж, блин, бунт, водка, глубокий, гордость, душа, круто, особый менталитет, патриот, православие, повезло*. Таким образом, современная молодёжь весьма лояльно относится к факту принадлежности к русскому народу.

Самосознание молодых отражено в ассоциациях на стимул МОЛОДОЙ и на слова-стимулы того же семантического поля. Стимул МОЛОДОЙ во всех ассоциативных экспериментах, рассматриваемых в нашей работе, вызывает реакции *человек, старый, красивый, мужчина, здоровый* (САНРЯ, РАС И АЭ-2005). Они и характеризуют общий смысл образа. Остальные характеристики единичны и весьма разнообразны; их систематизация – задача отдельной работы. Заметим только, что ядро образа молодого человека стабильно и не изменилось существенно за прошедшие сорок лет.

Рассмотрим реакции на слово-стимул СТАРИК. Кроме литературных ассоциаций (*Хоттабыч, Достоевский, «Золотая рыбка», Мазай*), в нашем материале встречаются и такие: *бедный, безысходность, беспомощность, дряхлость, пожилой*

человек (данные взяты из АЭ-2005); в РАС представлены реакции *морщины, мудрость, старый, старец*. Отношение к старикам в обществе, по нашему мнению, всегда является важным показателем. Судя по данным двух источников (РАС и АЭ 2005), в нашем обществе, по крайней мере, среди молодёжи, старость воспринимается позитивно, хотя и вполне отвлеченно. Стимул СТАРУХА вызвал похожие ассоциации. Реакции *корыто, Изергиль, «Золотая рыбка»* (материал АЭ-2005) берут своё начало из произведений художественной литературы. Однако среди ответов часто встречаются реакции *брюзгливость, вредность, ведьма, жадность, злая, карга, проруха*. Видимо, образ старухи, в отличие от старика, окрашен негативно. Среди единичных реакций РАС наряду с *мымра, свирепая, скряга* приводятся *больная, ветеран, милая, респектабельная*. Отрицательных ассоциаций на стимул СТАРУХА в 2005 году стало больше, чем положительных или нейтральных.

Подведем общие итоги исследования.

Кардинальных изменений в ассоциативных полях словарей и эксперимента не выявлено. Образ мира в сознании образованной молодежи как «основополагающей компоненты культуры этноса» (по С. Лурье), отраженный в личностных смыслах актуальных концептов, не обнаруживает яркой этнической составляющей. Заметим, что молодежная субкультура выделяется из культуры национальной на основе фактора «возраст» и в жизни каждого человека занимает не слишком долгий период времени [см. Лурье 1997]. В разные периоды жизни человека этническая составляющая может терять и приобретать актуальность. Скорее всего, этническая компонента языкового сознания может быть выявлена при сопоставлении с ассоциациями других этносов [см., например: Федченко 2006].

По мнению Н.В.Уфимцевой, «качественная структура языкового сознания русских…претерпела существенные изменения. Сознание русских из «монологического» стало «полилогом», в нём обнаруживается множественность подходов, позиций, оценок, что создаёт основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М.Бахтину, возможности развития, создания нового содержания»

[Уфимцева 2002: 162]. Таким образом, молодёжная субкультура – это один из голосов в общеэтническом полилоге.

Литература

Касьянова К. О русском национальном характере. – М. 1994.

Лурье С.В. Историческая этнология. – М., 1997.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2006.

РАС – Русский ассоциативный словарь / Сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов, Н.В.Уфимцева, Г.А.Черкасова. Т.1-6. – М., 1994-1998.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А.Леонтьева. – М., 1977.

Уфимцева Н.В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М., 2002.

Уфимцева Н.В. Археология языкового сознания: первые результаты // Язык. Сознание. Культура. – М.- Калуга, 2005.

Федченко А. Сознание русских и американских подростков (этнокультурный аспект). – М., 2006.

© Кибанова А.В., 2006

Н.И.Коновалова
Екатеринбург

Мифологическое сознание и его отражение в сакральном тексте

Для мифологического (архаического) сознания, как известно, «нет восприятия, которое не включалось бы в мистический комплекс, нет явления, которое было бы только явлением, нет знака, который был бы только знаком: слово никогда не могло бы здесь быть просто словом. Всякая форма предмета, всякий пластический образ, всякий рисунок имеет свои мистические свойства: в силу той же необходимости эти свойства имеет и

словесное выражение, которое является словесным рисунком» [Леви-Брюль 1994: 70].

Мистический комплекс «явление – образ – слово» характеризует симультанность (одновременность, нерасчлененность)* образного познания мира и его мифоритуальной интерпретации. Архаическое сознание моделировало свой образ мироздания, свою виртуальную реальность, населенную множеством вымышленных персонажей, которые воспринимались как реально существующие рядом с человеком, вокруг него, только невидимые. Иллюстрацией мистического опыта освоения действительности может служить, например, развернутость демонологического семантического пространства. Эти мифические образы символизировали домашний очаг (*Чур, пенаты*), неосвоенное, сакрально негарантированное пространство (*лешие, водяные, болотные*), модель семьи (*домовой – домовиха – домовята*), болезни (*Трясея, Огнея, Глухея* и др. имена сестер-лихорадок, олицетворяющих симптомы болезни), причины несчастий (*насыльный бес, ходячая порча, летучий огонь*) и т.д.

Особенности мифологического сознания находят самое яркое воплощение в языке сакрального текста (СТ), который конституирует основные параметры взаимодействия макро- и микрокосма (природы и человека), наиболее важные приемы воздействия человека на окружающий мир. Такие приемы воздействия определялись верой в магическую силу слова (наименования предмета, действия, явления), тождественного магическому действию, ритуалу, обряду.

Приведем в качестве иллюстрации примеры симпатической магии, которая заключена не только в создании ритуального (акционального) подобия, но и в вербальном выражении сопричастности сходных предметов, животных и человека как части природы, что приводит к установлению между ними

---

* Симультанность – [<фр. simultane одновременный <лат. simul вместе, совместно] – в средневековом театре – одновременная установка на сценической площадке всех мест действия, необходимых для данного представления [СИС: 591].

глубинных связей. Считается, что, используя механизмы установления тождества, в том числе и вербального (имени и вещи, лица), можно воздействовать на различные “символические эквиваленты” человека или животного и тем самым опосредованно влиять на него самого. Ср., например, заговор, построенный на таком подобии: *Чтобы корова домой ходила с пастбища, кладут в ворота пояс, который носят часто, и говорят: «Как этот пояс всегда со мной, не отходит от меня, так чтоб и ты, моя коровушка, не отходила от двора»*[*]. Другой пример – использование имитативной магии в качестве способа излечения больного. Симпатические средства связаны какой-либо ассоциативной связью с названием болезни или ее симптомов [см., например: Познанский 1917]. Принцип их использования закреплен в народной афористике: *Чем ушибся, тем и лечись! Где упал, там и плюнь (и поскреби)* [Даль 1993, т.2: 171]. Ср.: *Клин клином вышибают* и т.п. Одним из наиболее популярных средств симпатической народной медицины является воздействие на символические эквиваленты или лечение с их помощью. Например, при боли в спине больной ложился на пороге на живот, на спину ему клали несколько щепок, на них «рубили» ножом или топором три прутика, выдернутых из голика (= веник из веток без листьев), при этом читали наговор [см. Герасимов 1898, Макаренко 1897, Попов 1903, Торэн 1996 и др.]. В ряде случаев само название обряда выступает в качестве симпатического средства. Ср. выражение *спину пересекло*, обозначающее боль в пояснице, и название обряда излечения от этой боли *рубить утин* (‘боль в пояснице от радикулита, ревматизма или подъема тяжестей’) или *лечить присеком* – ассоциативная связка однокоренных слов или симиляров[*] (*пересекло* - *рубить*) // *Добыть языка на*

---

[*] Заговор записан магистрантом кафедры общего языкознания и русского языка УрГПУ Л.М. Федореевой в Талицком районе Свердловской области в 2006 г.

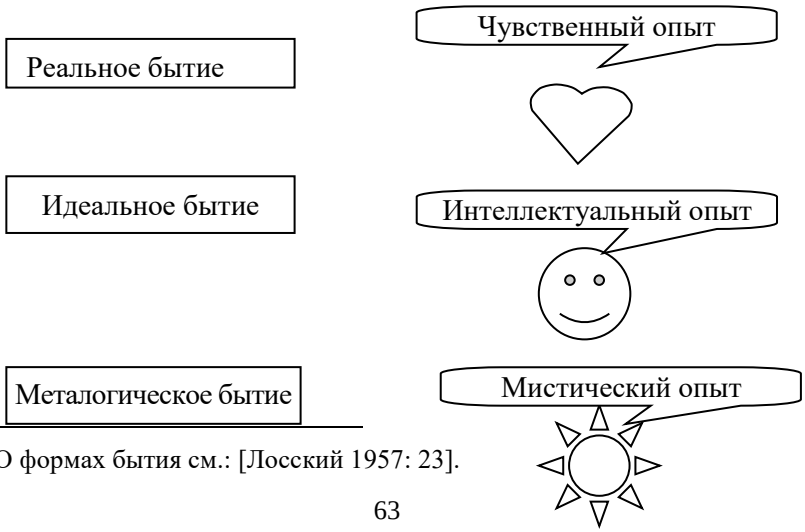
[*] Термин А.А. Залевской для случаев практической реализации носителями языка лексических связей, не вписывающихся в рамки традиционной теории синонимии. При этом отмечается, что степени связи между симилярами выше, чем между «признанными» синонимами [Залевская 1992: 3-8].

колокольне – название обряда излечения немоты: когда отымется язык, то обливают водой колокольный язык и поят больного [Даль 1993, т.2: 179].

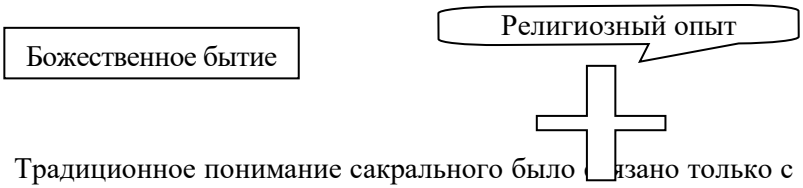
Отметим в этой связи магические заклинания, заклички, присловья, заговорные формулы, наговоры, в которых обыгрывается эпидигматическая связь названия болезни по названию действия, которое она производит в организме, и обозначения действия, которое должно быть произведено над самой болезнью с целью ее уничтожения: *Что грызешь? - Грызь грызу. - Грызи, да гораздо* (от грызи, т.е. от ломоты) // *Житина, житина, возьми свою жичину* (наговор от жичины, ячменя глазного, причем слегка колют его ячменным зерном, которое отдают петуху) [Даль 1993, т.2: 176].

В целом когниции, структурируемые СТ, характеризуются определенным способом представления (организации) информации, формируются определенной **моделью ментальной деятельности**. Эта модель основана на соотношении вида бытия и характера его представления в сознании, отражающем опыт освоения различных форм бытия*.

Формы бытия находят отражение в сознании в результате их освоения через индивидуальный и коллективный опыт (когнитивные стратегии). Соотношение типа бытия и типа опыта его освоения условно можно представить в виде схемы.



* О формах бытия см.: [Лосский 1957: 23].



Традиционное понимание сакрального было связано только с Божественным бытием и религиозным опытом. Сакральными в таком случае считались тексты религиозного содержания, связанные с церковными богослужениями.

В широком же смысле в сферу сакрального вовлекаются все формы бытия, осмысленные сквозь призму мистического, интеллектуального и чувственного опыта. При этом разные виды соотношения определяют разные жанры СТ. Конечно, мы понимаем условность такого соотношения, поскольку когнитивные стратегии освоения действительности основаны, как правило, не на одной, а на нескольких различных мыслительных операциях и имеют комплексный характер. Однако можно говорить о какой-либо доминантной когнитивной стратегии представления познанного в конкретном сакральном тексте. Так, реальное бытие, освоенное через призму чувственного опыта, представлено в приметах хозяйственного цикла, а через призму мистического опыта – в заговорах, закличках и т.д. Ср., например, приметы «на дождь», основанные на «обобщении» многовекового хозяйственного опыта (*Голуби прячутся в вёдро = ясную погоду – к ненастью // Если июля 19, в день Макрины, ясно, то осень будет сухая, а если мокро, так ненастная // В день Мокия (24 мая) мокро – все лето мокрое будет*) и заговоры «на дождь»*, ориентированные на мистический опыт – помощь сверхъестественных сил:

Дождик, дождик перестань,
Мы поедем в Аристань

Дождик, дождик припусти
Мы поедем под кусты
Богу молиться,

* Запись Л.М. Федореевой (см. выше).

Богу молиться,
Христу поклониться.
Есть у Бога сирота,
Открывай ворота!
Ключиком, замочком,
Золотым пруточком

Христу поклониться.
Есть у Бога сирота,
Открывай ворота!
Ключиком, замочком,
Золотым пруточком

Соотношение типа бытия, типа опыта его освоения и жанра сакрального текста представлено в таблице.

Тип бытия	Тип опыта	Жанр СТ
Реальное	Чувственный	Приметы, традиционный народный календарь
Реальное	Интеллектуальный	-
Реальное	Мистический	Заговоры, заклинания, обрядовый календарь, обрядовые тексты
Идеальное	Чувственный	-*
Идеальное	Интеллектуальный	Гороскопы
Идеальное	Мистический	Гадания, обереги, ритуальные формулы
Металогическое	Чувственный	Страшилки
Металогическое	Интеллектуальный	Квазистрашилки
Металогическое	Мистический	Мифологемы

Как видно из таблицы, в сферу сакрального не попадает реальное бытие, освоенное посредством интеллектуального опыта, поскольку здесь нет ничего необъяснимого, таинственного, сверхъестественного. Все реальное, что объясняется рационально-логически, не имеет сакрального потенциала.

* Идеальное бытие не может быть познано с помощью чувственного опыта.

Реальное бытие, познаваемое чаще всего через чувственное восприятие, создает основательную эмпирическую базу для выстраивания поведенческих моделей, регламентирующих взаимоотношения человека с окружающей его природой (макро- и микрокосма). Это основная когнитивная стратегия таких жанров СТ, как приметы и традиционный народный календарь.

Реальное бытие включает много такого, что не познается чувственным опытом, в этом случае на помощь приходит опыт мистический, и тогда рождаются другие регламентации поведения, зафиксированные в таких СТ, как заговоры, заклинания, обрядовый календарь и большая часть обрядовых текстов.

Идеальное бытие – это своего рода абстрактная ментальная модель, которая не соотносится с чувственным опытом. Если оно осваивается через интеллектуальный опыт, то его проекцию мы видим в гороскопах, которые представляют собой «предначертанную свыше» программу действий адресата на определенный период. Гороскопы – не что иное, как модель, основанная на анализе (а это именно интеллектуальный опыт) потребностей адресата. В традиционной духовной культуре чаще всего идеальное бытие (= представление о том, как достичь желаемого) осмысляется в свете мифологического (пралогического) сознания, и в этом случае мистический опыт «подсказывает» сакральный текст в жанре гаданий, оберегов, ритуальных формул. Ср., например, мифоритуальные модели взаимодействия со сверхъестественными силами, в частности, СТ, содержащие предписания контактов с домовым: *при переезде в новый дом хозяева, выходя из старого дома, должны раскланяться во все четыре угла, говоря: «Хозяйнушка господин, пойдем в новый дом на богатый двор, на житье, на бытье, на богачество». В новый дом вначале вносят образа, потом впускают кошку*[3]*, приговаривая: «Вот тебе, хозяин,*

---

[3] Необжитый дом представлялся нечистым пространством, а кошке приписывается очистительная функция (ср. известное мнение о том, что кошка лечит = снимает «плохую» неблагоприятную для человека энергию). Кроме того, кошка выступала в роли ритуального двойника человека, его дублера, принимающего на себя то, что уготовано хозяину (существовало поверье о

мохнатый зверь на богатый двор, пой, корми, рукавичкой гладь!». После ужина на новом месте домовому оставляют еду и питье. Чтобы все шло правильно, каждый этап обживания нового пространства регламентирован ритуальными действиями и словесными формулами общения с домовым, в числе которых и уважительные эвфемистические его имена: *сам, хозяин, господин, батюшка, батюшка-буканушка* и др.

Мифологическое сознание, ориентированное на связь субъекта с виртуальной «реальностью», служит основанием для построения поведенческой модели взаимодействия с этой реальностью. Различные формы такого взаимодействия (как вербальные, так и невербальные) обусловлены его высокой психологической значимостью для русского человека, о чем свидетельствует, например, ритуализация взаимодействия со страхом, болезнью, потусторонним миром посредством оберегов, заклинаний, заговоров и т.п. магических приемов.

Металогическое бытие (необъяснимая реальность) всегда связано с вымыслом. В процессе освоения металогического бытия рефлексивная составляющая сознания «затихает», так как это бытие подвержено в значительной мере эмоционально-чувственному восприятию. В результате рождается, например, детская страшилка, которая не нуждается в рационально-логическом обосновании. Правда, до определенного возрастного периода развития ребенка, поскольку дети старшего школьного возраста осваивают эту металогическую сторону бытия посредством интеллектуального опыта, что порождает так называемые «квазистрашилки», которые пародируют «страшилочную реальность».

Самым мощным сакральным потенциалом обладает металогическое бытие, освоенное через призму мистического опыта. Это одна из наиболее древних когнитивных стратегий мифологического (пралогического) мышления, особенность которого состоит, в частности, в том, что «человек как бы «растворяет» себя в природе, сливается с ней и овладевает силами природы лишь в воображении» [Маковский 1996: 15].

смерти в течение года жильца, вошедшего в дом первым). – [Байбурин 1983: 104-105].

Ср., например, описанный Л.Леви-Брюлем, Э.Сепиром, Дж. Фрэзером феномен партиципативной магии, основанной на «сопричастности» человека и сходных с ним в каком-либо отношении явлений окружающего мира, когда вещи, носящие одинаковые или сходные имена и обладающие сходными признаками, тесно связаны и влияют друг на друга. Этот вид магии активно использовался в мифоритуальной традиции, в частности в практике народной медицины, хозяйственной и семейно-бытовой обрядности и т.п. Такое соотношение (металогическое бытие – мистический опыт) рождает мифологемы, которые мы рассматриваем как «свернутые» СТ, как способ экспликации в языковом знаке структур архаического сознания.

Литература

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.

Герасимов М.К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии // Живая старина, 1898, вып. II.

Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х т. – М., 1993.

Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь, 1992.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994.

Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 1. – Л., 1957.

Макаренко А. Материалы по народной медицине Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии // Живая старина, 1897, вып. I-IV.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.

Познанский Н.Ф. Заговоры. – СПб., 1917.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. – СПб., 1903

СИС – Словарь иностранных слов /Под ред. И.В.Лехина и др. Изд-е шестое. – М., 1964.

Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996.

© Коновалова Н.И., 2006

М.Л. Кусова
Екатеринбург

Особенности отражения межсловной парадигматики в речи младших школьников

Усвоение лексической системы языка в разных возрастных группах строится на осознании ребенком межсловной и внутрисловной парадигматики, причем в языковом сознании ребенка парадигматические связи нередко представлены иначе, чем в самом языке. Известно, что в раннем и младшем возрасте близость слов по значению для ребенка определяется близостью ситуаций и близостью денотатов. На этом фоне возникает вопрос о характере отражения парадигматических связей слов в речи младших школьников, поскольку, с одной стороны, на данной ступени обучения в системе предлагаются упражнения, направленные на усвоение детьми синонимических, антонимических связей, многозначности; с другой стороны, существующие в сознании связи дети легко воспроизводят в собственной речи, так как механизм самоконтроля у младших школьников обычно направлен на устранение ошибок именно в письменной форме речи (орфографических, пунктуационных). Речевые ошибки детьми корректируются с трудом.

Как показывает анализ работ младших школьников и записей их устной речи, ошибки в речи детей нередко связаны с произвольным определением парадигматических и синтагматических связей слов, с недостаточным или неправильным пониманием характера этих связей. Внимание к форме слова, звуковой, графической, приводит к смешению паронимов, что наблюдается даже в рамках устойчивого словосочетания, когда значение хотя бы одного из паронимов должно быть известно ребенку очень хорошо. Например: *бережливое отношение к природе* (ср.: *бережный – бережливый*). Данную ошибку можно объяснить и неверным осознанием сущности связи при паронимии, однако при употреблении однокоренных слов разных частей речи дети обычно не испытывают затруднений.

Логическими операциями дифференциации, обобщения, классификации дети овладевают в дошкольном возрасте на материале артефактов ближайшего и дальнейшего окружения. Родовидовые отношения в рядах *мебель, посуда, фрукты, овощи* хорошо известны детям, они без затруднений воспроизводят данные классификационные ряды. Однако в речи наблюдаем непонимание различий в объеме значений ядра парадигмы и ординарных членов ее, слов с родовым и видовым значением, что приводит к неправильному построению однородного ряда, например: *Люди убирают урожай овощей, свеклы.* С.Н.Цейтлин отмечает: «Словом закрепляются мыслительные процессы, связанные с обобщением явлений, причем степень обобщенности может быть разной. Иерархически организованная система лексических единиц отражает существующую в природе типологию реалий … Степень обобщенности и необходимость детализации определяются, прежде всего, факторами прагматическими, а именно тем, какая степень точности необходима для предметно-практической деятельности ребенка» [Цейтлин 2000: 184-185]. Данное суждение С.Н.Цейтлин связано с процессом усвоения слова детьми дошкольного возраста. Видим, что названная закономерность сохраняется и в школьном возрасте, и объясняется она по-прежнему установкой на степень точности высказывания.

Нередко в высказываниях детей дошкольного возраста наблюдается тавтологичность, обусловленная ошибочным использованием однокоренных слов. Однако она сохраняется и в школьном возрасте и связана с установкой детей на степень точности высказывания.

Иногда в речи детей наблюдается тавтологичность, объясняемая ошибочным использованием членов одного парадигматического ряда (*Погода была дождливая, пасмурная*), степень семантической близости которых усматривается через каузативную связь, очевидно, недоступную ребенку или неактуальную для него. Близость значений слов – элементов одного парадигматического ряда порой настолько актуальна для ребенка, что различия между артефактами, и, как следствие, дефинициями становятся несущественными: *У собаки встал*

дыбом мех (ср.: *мех – шерсть*). Наряду с отождествлением значений лексических единиц наблюдается отождествление грамматических связей членов парадигмы, например: *Она была вежливая ко всем* (ср.: *внимательна к кому, вежлива с кем*); их стилистической окрашенности: *Молодая лебедушка запихнула свою маленькую головку под крыло* (разговорный глагол *запихнуть,* с точки зрения ребенка, эквивалентен нейтральному *спрятать).* Осознание принадлежности слов к одному парадигматическому ряду служит для младших школьников сигналом нейтрализации семантических, грамматических, стилистических различий этих слов. Таким образом, в младшем школьном возрасте ребенок испытывает затруднения в соотнесенности слова и денотата, в определении, с каким кругом денотатов может быть соотнесено данное слово.

Какие единицы группируются детьми в парадигматическом ряду, что является актуальным при объединении слов в рамках одной парадигмы, совпадают ли эти критерии с критериями, существующими в системе языка? Для ответа на данный вопрос был проведен лингвистический эксперимент, когда школьникам предлагалось выполнить задание, подобное выполняемым по учебнику, – к указанным словам подобрать близкие и противоположные по значению. Задания выполнялись на материале имен прилагательных и глаголов. Ограничение круга слов именами прилагательными и глаголами объясняется лингвистическими и экстралингвистическими причинами: во-первых, синонимические и антонимические связи актуальны для слов именно данных частей речи вследствие их семантических особенностей, наличия в семантике данных единиц градуальности и противоположной направленности действий, во-вторых, на этом основании синонимические и антонимические оппозиции изучаются в школе, прежде всего, на материале имен прилагательных и глаголов. Следуют подчеркнуть, что воспроизводимые оппозиции известны детям благодаря материалу школьных учебников. Предлагаемые для эксперимента единицы включались в аналогичные школьные упражнения.

Как итоги эксперимента, лежащие на поверхности, следует отметить: анализ материалов подтвердил известное положение

относительно того, что для носителей языка наиболее значимы синонимические и антонимические связи качественных прилагательных. Синонимические и антонимические связи прилагательных описаны всеми детьми, в описании глагольных связей имеются «пустые клеточки» (свидетельствующие о пробелах в знании), равные 3 % глагольных словоупотреблений.

Детям представляются несущественными семантические различия слов, связанные с наиболее абстрактными категориально-грамматическими и грамматическими семами. Они предлагают следующие оппозиции: *говорить – разговор, велеть – приказ, смелый – не боится* (слова различаются на уровне категориально-грамматических сем), *запереть – закрыл* (различия связаны с грамматической категорией времени), *кончить – начинать* (глаголы различаются по виду). Основанием для включения в парадигму для школьников являются лексические компоненты в значении слов, грамматические различия не учитываются.

Ограничив объект внимания глагольными синонимическими и антонимическими оппозициями, обратимся, прежде всего, к описанию синонимических оппозиций. Синонимические ряды заданных глаголов, построенные по материалам детских работ, выглядят следующим образом:

говорить – разговаривать (разговор, разговорка), рассказывать, сказать, болтать, шептать, ворчать, кричать, орать, беседовать, заговаривать;

бранить – ругать, ругаться, брань (бранка), кричать, драть, манить;

запереть – закрыть, отпереть;

велеть – приказать (приказывать, приказ), наказывать, сказать, спрашивать, просить, разрешать, хвалить, хотеть;

утаить – скрыть, спрятать;

бросать – кидать (кинуть).

Очевидно, что различие в количестве синонимических рядов предопределено тем, насколько богат парадигматический ряд того или иного глагола. Полученные синонимические ряды включают различные типы синонимов; семантические (*бросать – кидать, утаить – спрятать*), стилистические (*кричать – орать, велеть – наказывать*), семантико-стилистические

(говорить – болтать), при этом сами дети осознают приведенные пары как абсолютные синонимы. Названные стилистические и семантико-стилистические оппозиции частотны. Нам представляется, что причины этого в следующем: во-первых, дети часто используют данные слова в силу их экспрессивности, эмоциональной окрашенности, не замечая их стилистической маркированности и, следовательно, ограниченности в их употреблении; во-вторых, характер связей данных слов определен устойчивым воздействием педагогической ситуации, когда разговор на уроке называется болтовней, а молчание противопоставлено крику (см.: антонимическая оппозиция *молчать – кричать*). А.А. Леонтьев, говоря о механизме восприятия семантики слова, отмечает, что во многом этот механизм может носить индивидуальный характер, зависеть от индивидуального опыта реципиента [Леонтьев 1999: 134]. Очевидно, что в данном случае репрезентируется некий коллективный опыт, обусловленность семантики слова этим опытом в данном случае бесспорна.

Фактором, значимым для объединения слов в синонимические оппозиции, является наличие тождественных сем в структурах слов, причем тождество семных структур далеко не абсолютно, а пересекающиеся семы могут быть различными по степени их обобщенности и по статусу в семной структуре слова, например: *говорить – шептать, говорить – ворчать.* Наличие в семантике слов общей категориально-лексической семы говорения, принадлежность к одной лексико-семантической группе (ЛСГ), к одному идеографическому классу глаголов речи является основанием для объединения членов парадигмы в один синонимический ряд. Базовый глагол выступает в качестве синонима ординарных членов группы, синонимический ряд расширяется в сознании детей до границ парадигматического ряда. Отмеченные синонимы имеют лишь один общий компонент «речевое действие» в отличие от языковых синонимов, которые, наоборот, имеют лишь один различный компонент при наличии тождественных. Единицы, приводимые детьми в качестве синонимов, таковыми не являются.

Наблюдается также актуализация тождественных дифференциальных сем при нейтрализации различающихся более абстрактных сем, что приводит к включению в синонимический ряд слов, членов различных ЛСГ. Так, в синонимическую оппозицию *велеть – сказать* включены члены ЛСГ говорения и волеизъявления. Причина такого объединения – в наличии дифференциальной семы говорения в глаголе *велеть,* в его совмещенной семантике. Расширение синонимических рядов *бранить – манить, велеть – хвалить* объясняется недостаточным пониманием явления синонимии и может оцениваться либо как ошибочное определение связи этих слов, либо как незнание синонимов данных глаголов вследствие бедности словаря. Знаменательно то, что, определяя значение неизвестного слова, школьник возвращается к своему дошкольному опыту «присвоения» значения лексеме без опоры на систему языка, хотя уже в старшем дошкольном возрасте ребенок осознает социальную и системную обусловленность значения слова, в старшем дошкольном возрасте и в школе он овладевает способами получения информации о значении слова. Возможно, первый речевой опыт особенно актуален для ребенка, не случайно в подростковом возрасте дети нередко создают тайный язык, предполагающий использование слова в значении, отсутствующем у него в языке, не случайно так активно используют жаргон как некий тайный язык.

Ограниченность словарного запаса дети пытаются преодолеть с помощью словотворчества, хотя при этом далеко не всегда разграничивают формообразовательные (*велеть – велел*), словообразовательные (*бранить – бранка*) и синонимические (*увеличить – убольшить*) связи слов. Обращение к словотворчеству – явление, очень нетипичное для младших школьников. Следовательно, здесь мы также можем говорить об опоре на ранний речевой опыт, его длительное хранение в сознании ребенка и возможность актуализации при появлении языковых и речевых проблем. Появление стилистических и семантико-стилистических синонимов также объясняется ограниченностью словаря детей, активностью в нем просторечных и разговорных слов.

Аналогичные закономерности наблюдаются и при описании предложенных детьми антонимических оппозиций:

Молчать – разговаривать, сказать, говорить, орать, болтать, шуметь, замолчать; кончить – начать (начинать), закончить; увеличить – уменьшить, не увеличить, сузить, сложить, преувеличить, укоротить, прибавить, умножить; закрыть – открыть, запереть, не закрыть; ругать – хвалить, не ругать, похвалить, жалеть, ласкать, бранить, молчать, ворчать, драть, кричать.

Количество членов антонимических рядов также определяется богатством парадигматических связей исходного глагола, ср. объем антонимических рядов глаголов *кончить, закрыть* и *молчать, увеличить, ругать.* Ограниченность словарного запаса компенсируется использованием стилистически маркированной и эмоционально окрашенной лексики (*молчать – болтать, молчать – орать*), использованием универсальных моделей отрицания и антонимического противопоставления (*ругать – не ругать, увеличить – не увеличить*). Наблюдается смешение синонимических и антонимических связей слов: слова, близкие по значению, приводятся в ряду антонимов (*увеличить – сложить*).

Общее присутствует и в наполненности антонимических рядов: членами антонимических рядов являются слова, объединенные с языковым антонимом в рамках одной парадигмы; см.: *молчать – говорить,* в парадигму глагола *говорить* входят глаголы *болтать, сказать, кричать, орать,* которые включаются детьми в антонимическую оппозицию глагола *молчать* значительно чаще, чем нейтральный антоним *говорить.*

При заданном базовом глаголе ЛСГ как члены антонимической оппозиции отмечаются и базовый глагол антонимически соотнесенной ЛСГ, и ординарные члены ее, например: антонимически противопоставлены ЛСГ «увеличение», «уменьшение», поэтому наряду с антонимической оппозицией, образованной базовыми глаголами *увеличить – уменьшить,* приводятся *увеличить – сузить,*

увеличить – укоротить; сузить, укоротить – ординарные члены ЛСГ «уменьшение».

Однако только семантическими парадигматическими отношениями невозможно объяснить все многообразие указанных антонимических оппозиций, например, *ругать – драть* – антонимическая оппозиция, повторяющаяся в работах детей, правильно отметивших антонимические связи всех других предложенных слов: *ругать – ласкать, ругать – жалеть.* Критерием объединения слов в антонимическую оппозицию является наличие противоположных компонентов в значениях слов, в данном случае *хорошее – плохое отношение,* но при этом не учитывается второе существенное условие антонимии – тождество всех других компонентов семных структур членов антонимической оппозиции, ср.: *ругать* «называть оскорбительными, грубыми, бранными словами», *ласкать* «проявлять нежность, любовь, оказывать ласку», *жалеть* «чувствовать жалость, сострадание».

Мы полагаем, что в данных и подобных оппозициях различия в семных структурах членов антонимической оппозиции нейтрализуются, в качестве средства нейтрализации выступает ситуация, т.е. наиболее значимой оказывается связь не семных структур слов, а связь ситуаций и их противопоставленность, ср. наказание и отсутствие его и т. д.

Таким образом, анализ речевого материала показывает, что при объединении слов в рамках синонимических и антонимических парадигм детьми учитывается тождество семных структур слов, порой минимальное. Различающиеся компоненты семных структур членов оппозиции нейтрализуются с учетом либо их семантических связей, принадлежности к определенной ЛСГ, либо с учетом ассоциативных связей, способности обозначать однотипную ситуацию или ситуации противоположные.

Слова, близкие по значению, осознаются детьми не как синонимы в узком смысле этого слова, а как функциональные эквиваленты; слова, противоположные по значению, — как контекстуальные антонимы. Расхождение между языковыми и речевыми связями не осознается детьми. Воспроизведенные связи устойчивы, регулярно повторяясь, они получают статус

системных в сознании детей и воспроизводятся и тогда, когда дети оперируют словами-ономатемами. В языковом сознании младших школьников легко актуализируется ранее приобретенный языковой и речевой опыт, нередко даже противоречащий опыту более позднему.

Данный материал позволяет рассмотреть в социолингвистическом аспекте речь детей, констатировать их неумение дифференцировать маркированную лексику, бедность словаря, а также дает повод для разговора о характере педагогического общения, поскольку именно устойчивыми связями, возникающими в процессе педагогического общения, объясняются многие синонимические и антонимические оппозиции.

Литература

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1999.

С. А. Минюрова
Екатеринбург

Креативность как ресурс саморазвития человека в профессии

На основе постнеклассического типа научной рациональности (И. Пригожин, Г. Хакен, Н.Н. Моисеев, В.А. Лекторский, В.С. Степин и др.), метасистемного подхода (А.В. Карпов) нами разрабатывается концепция личностно-профессионального саморазвития. Мы считаем, что по мере прохождения различных этапов профессионализации и овладения деятельностно-преобразующим способом существования на метауровне психики, изоморфном реально существующей системе «человек –профессия – общество», формируется личностно-профессио-нальная диспозиция, в которой иерархически выстраивается констелляция субъектных качеств как характеристик, акцентирующих деятельностно-преобразующую направленность личности, ключевых квалификаций специалиста как характеристик, раскрывающих его профессиональную компетентность, и самое важное – ценностной ориентации на личностно-профессиональ-ное саморазвитие, творческую самореализацию в профессии, которая

и становится основанием для внутридиспозиционной иерархии. Личностно-профессиональное саморазвитие рассматривается нами как особый вид деятельности, который обеспечивает способ существования субъекта в контексте системы «человек-профессия-общество» через его самоорганизацию на метасистемном уровне психики, что ориентирует на анализ микрогенеза профессионализации. В данной статье мы обратились к проверке гипотезы о том, что ресурсом самоорганизации субъекта на стадии стабильной профессиональной деятельности становится проявление креативности как открытости к новому, чувствительности к проблемам, высокой потребности в творчестве, а это, в свою очередь, способствует обретению профессиональной аутентичности.

Исследованию психологических особенностей творческой, креативной личности посвящены работы как зарубежных (К. Тэйлор, К. Кокс, Т. Амабайл, М. Коллинз, Ф. Баррон, А. Маслоу, Р. Стернберг и др.), так и отечественных психологов (Н.С. Лейтес, А.Н. Лук, Я.А. Пономарев, Д.Б. Богоявленская, В.Н. Дружинин, А.М. Матюшкин и др.). При всем многообразии интерпретаций креативности отчетливо наблюдается тенденция рассматривать ее как проявление самореализации личности (А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, Д.Н. Узнадзе, В.Д. Шадриков и др.). В концепции развития креативности в профессиональной акмеологии Н.Ф. Вишняковой гипотетически выделяется несколько направлений исследования структуры личности с целью определения ее креативных характеристик [Вишнякова 1996]. Во-первых, продуктивная мыслительная деятельность, контролируемая и регулируемая сознанием: творческое мышление, которое выражается в оригинальности, нестереотипности, способности продуцировать идеи, нешаблонности поиска их решения, изобретательности и новаторстве в продуктивной деятельности, а также любознательность, которая проявляется в открытости творчеству, познанию и деятельности. Эти креативные качества результируются в творческом отношении к профессии в зрелом периоде. Во-вторых, интуитивная подсознательная сфера, которая основывается на необычности и латентности

подсознательных процессов: интуитивного постижения истины, воображения как творческого озарения при создании новых образов. В-третьих, эмоциональная сфера, включающая высокую чувствительность личности, эмпатийность и эмоциональную идентификацию в творческом процессе [Вишнякова 1997]. Н.Ф. Вишня-ковой вводится понятие «профессиональная креативность», которое включает продуктивную профессиональную направленность личности, уровень оригинальности мышления, импровизационность, открытость к новому в деятельности и новаторство. Мы считаем, что представленность этих характеристик в личностно-профессиональной диспозиции становится ресурсом самоорганизации субъекта в ходе профессионализации и способствует проявлению механизма профессиональной аутентичности.

Понятие аутентичность разработано в гуманистической психологии и психотерапии и отражает одну из важнейших интегративных характеристик личности. Часто в качестве синонимов термина «аутентичность» используются такие определения как полноценно функционирующая личность (К. Роджерс), свобода (Г. Олпорт), самоактуализация (А. Маслоу), самость, целостная личность (Ф. Перлс), конгруэнтность (Р. Бендлер, Д. Гриндер). Психологический смысл аутентичности определяется как согласованное, целостное, взаимосвязанное проявление основных психологических процессов и механизмов, обусловливающих личностное функционирование. Проявление или непроявление аутентичности с этой точки зрения наблюдается при столкновении личностных мотивов и интересов с социальными нормами, доминирующими тенденциями общественного сознания. В такой ситуации аутентичное поведение предполагает цельное переживание непосредственного опыта, не искаженного психологическими защитными механизмами. Человек вовлеченно воспринимает происходящее и затем непосредственно проявляет свое эмоциональное отношение к нему. Его мысли и действия согласованы с эмоциями. В традициях гуманистической психологии аутентичность характеризует также некую идеальную личность. Но аутентичность – это не образец для

подражания, а выстраданная в борьбе с самим собой свобода в принятии своих уникальных особенностей и неповторимой стратегии построения собственной жизни [Карвасарский 1998: 40-41].

Мы считаем, что на стадии стабильной профессиональной деятельности механизм аутентичности позволяет субъекту согласовывать реальные и идеальные представления о самом себе как профессионале, открытом навстречу новому опыту, и на этой основе переключать собственную активность на ценностное использование ресурсов окружающей профессиональной среды для проявления, воплощения в ней своих творческих способностей и целостной личности. В таком случае ярко обнаруживается личностно-профессиональное саморазвитие как деятельность, в процессе которой порождается субъектность как содержательно-действенная характеристика активности, как системное качество личности, как отношение человека к себе как к деятелю. Мы согласны с мнением Е.Н. Волковой о том, что истоком деятельностно-преобразующего отношения человека к самому себе и миру является различение им в себе некоторой внутренней инстанции, которая в самом общем виде может быть обозначена как «Я-концепция» и которая обеспечивает понимание сложности и многообразия как своего внутреннего мира, так и гибкость поведения в социуме [Волкова 2005]. Степень осознания человеком изменений, происходящих с ним и производимых им, определяет его способность выбирать цели для достижения, находить средства для этого, отслеживать и оценивать полученные результаты и причины, способствующие и препятствующие достижению целей. Сущностной характеристикой такого выбора является его свобода, которая придает деятельности человека нравственное измерение (М.М. Бахтин). Свободный выбор в свою очередь требует от человека осознания ценности объекта социальной действительности, и тем самым формируется особый вид отношения к нему – ценностное отношение. Обладание ценностями всегда включает в себя осознание их иерархии, облегчает человеку задачу поиска смысла жизни, который служит системным стержнем, обеспечивающим целостность

человека, его тождественность самому себе в потоке изменений и самоизменений (В. Франкл, В.Э. Чудновский).

Выборку проведенного нами эмпирического исследования составили педагоги (N=300) как представители профессии продуктивного типа, для которой характерна индивидуализированная концептуальная основа деятельности и установка на высокий уровень личного мастерства с преобладанием креативных механизмов идентификации. Для изучения личностно-профессиональной диспозиции были использованы следующие методики: «Ценностные ориентации персонала» (Е.Б. Фанталова); опросник «Якоря карьеры» (В.Э. Винокурова и В.А. Чикер); «Определение креативного потенциала» (С.И. Макшанов); тест «Пульсар» (Л.Г. Почебут); «Опросник MBI» (Н.Е. Водопьянова); «Опросник межличностных отношений» (В. Шутц); «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль); тест «Креативность» (Н.Ф. Вишнякова).

На основании соотношения представлений об «Я-реальном» и «Я-идеальном» по шкале «Творческое отношение к профессии» методики «Креативность» (Н.Ф. Вишнякова) вся выборка была поделена на две группы. В первую вошли 132 человека, чьи значения по этой шкале находятся в континууме, когда показатель «Я-реальное» приближается к показателю «Я-идеальному», между ними наблюдается значимая корреляционная связь (коэффициент корреляции Спирмена R=0,924187 при p <0,01). Во вторую группу вошли 168 человек, чьи значения находятся в континууме, когда показатель «Я-идеальное» больше показателя «Я-реального», значимая связь между этими показателями не представлена (коэффициент корреляции Спирмена R=0,775519 при p <0,01). Для выявления личностно-профессио-нальных диспозиций был применен факторный анализ.

В первой группе получившиеся факторы названы «Ориентация на личностные ресурсы» и «Ориентация на средовые ресурсы». Они воссоздают представленность в личностно-профессиональной диспозиции двух состояний (Таблица 1). Первое связано с суждениями субъекта о себе как об оригинальном, любознательном человеке с творческим отношением к работе, у которого развиты также и

внепрофессиональные интересы, позволяющие ему быть достаточно автономным, но всегда готовым к их использованию и при служении делу.

Второе состояние отражает представление субъекта о своей профессиональной среде как референтной, хорошо подготовленной к деятельности, организованной, интегрированной, активной, направленной на достижение поставленных целей. Таким образом, выявленная личностно-профессиональная диспозиция акцентирует ценностное отношение субъекта к самому себе и профессиональной среде, что и становится основой для его продуктивной профессиональной направленности, способствует проявлению профессиональной аутентичности как подлинности проживания себя в профессии.

Таблица 1

Факторная структура личностно-профессиональной диспозиции в группе 1 («Я-реальное» = «Я-идеальное»)

Показатели	*Факторы*	
	Ориентация на личностные ресурсы	Ориентация на средовые ресурсы
Оригинальность «Я-реальное»	0,98781	
Любознательность «Я-идеальное»	0,90398	
Карьерная ориентация по типу «Служение»	0,90090	
Удовлетворенность мотивов свободы от проф. Деятельности	0,86864	
Оригинальность «Я-идеальное»	0,86088	
Потребность в признании со стороны других	0,80326	
Любознательность «Я-реальное»	0,79966	
Креативность в подходе к решению проблем	0,78481	
Творческое отношение к профессии «Я-идеальное»	0,75334	
Эмоциональная эмпатия «Я-реальное»	0,70817	
Карьерная ориентация по типу «Автономия»	0,70750	

Карьерная ориентация по типу «Менеджмент»	-0,71399	
Удовлетворенность мотивов отношений	-0,74733	
Напряженность в сфере творческого мышления	-0,77501	
Интуиция «Я-реальное»	-0,78906	
Потребность в контроле	-0,80324	
Значимость мотивов статуса	-0,82373	
Напряженность мотивов самореализации	-0,84610	
Напряженность в области признания	-0,88819	
Напряженность в области контроля	-0,90602	
Референтность группы		0,94477
Подготовленность группы к деятельности		0,93163
Организованность группы		0,87613
Напряженность в сфере интуиции		0,82098
Интенсивность интеракций в области контроля		0,81968
Интегративность группы		0,81656
Значимость мотивов свободы от проф. Деятельности		0,78495
Напряженность в сфере чувства юмора		0,77085
Активность группы		0,76020
Направленность группы		0,70890
Контроль за действием при неудаче		0,70871
Удовлетворенность мотивов самореализации		-0,83920
Значимость мотивов комфорта		-0,84694
Доля объясняемой дисперсии	*25,39300*	*19,90090*

Факторы, получившиеся во второй группе, названы: «Ориентация на гигиенические факторы мотивации» и «Ориентация на идеалистические представления о собственных личностных ресурсах» (Таблица 2).

Таблица 2

Факторная структура личностно-профессиональной диспозиции в группе 2 («Я-реальное» < «Я-идеальное»)

Показатели	*Факторы*	
	Ориентация на гигиенические факторы мотивации	Ориентация на идеалистические представления о собственных личностных ресурсах
Значимость материальных мотивов	0,97870	
Удовлетворенность мотивов авторитета	0,84611	
Потребность в контроле	0,82202	
Напряженность мотивов авторитета	0,81345	
Напряженность мотивов стабильности и защищенности	0,80869	
Значимость мотивов свободы от проф. Деятельности	0,80752	
Потребность в приятии со стороны других	0,80647	
Напряженность в сфере воображения	0,79196	
Интенсивность интеракций в области признания	0,78117	
Карьерная ориентация по типу «Автономия»	0,77604	
Значимость мотивов статуса	0,74869	
Потребность в признании со стороны других	0,74251	
Воображение «Я-реальное»	0,71916	
Творческое мышление «Я-идеальное»	-0,75755	
Значимость внешних мотивов	-0,78821	
Организованность группы	-0,79324	
Потребность в приятии	-0,82033	
Чувство юмора «Я-идеальное»	-0,85104	

Напряженность в области приятия	-0,85519	
Удовлетворенность мотивов стабильности и защищенности	-0,89003	
Подготовленность группы к деятельности	-0,89719	
Интуиция «Я-идеальное»		0,91357
Оригинальность «Я-идеальное»		0,89711
Удовлетворенность мотивов самореализации		0,86273
Творческое мышление «Я-реальное»		0,83727
Карьерная ориентация по типу «Менеджмент»		0,81513
Напряженность в сфере творческого мышления		0,75910
Карьерная ориентация по типу «Интеграция стилей жизни»		0,75074
Удовлетворенность внешних мотивов		0,71267
Удовлетворенность мотивов отношений		-0,70143
Напряженность в сфере чувства юмора		-0,71179
Интегративность группы		-0,71499
Потребность в контроле со стороны других		-0,75768
Удовлетворенность мотивов комфорта		-0,77905
Доля объясняемой дисперсии	*25,55363*	*20,96637*

Первое состояние личностно-профессиональной диспозиции отражает значимость для субъекта материальных мотивов, мотивов свободы от профессиональной деятельности, мотивов стабильности и защищенности. Представление о собственном потенциале при этом ограничивается фиксацией своей способности к созданию новых образов в соответствии с творческими замыслами, реализуемыми в продуктах деятельности. Отношение к другим людям характеризуется как противоречивое: с одной стороны, субъект ожидает признания от других, а с другой стороны, очень осторожен в выстраивании отношений.

Профессиональная среда воспринимается как неорганизованная и неподготовленная к деятельности. Субъект настроен на автономное существование в профессии.

Второе состояние отражает идеальное представление субъекта о себе как об оригинальном человеке с выраженной интуицией, при этом отмечается, что в «Я-реальном» есть напряжение в сфере творческого мышления и проблемы с чувством юмора. Субъект считает, что его мотивы самореализации удовлетворены. Для него значимы мотивы комфорта и отношений. Он направлен на реализацию управленческих функций, принятие на себя ответственности за дело. При этом от других людей не ожидается направленности на ответственность. Профессиональная среда воспринимается как неинтегрированная. Таким образом, данная личностно-профессиональная диспозиция отражает непродуктивную профессиональную направленность, при которой идеализируются личностные ресурсы и обесцениваются ресурсы профессиональной среды. Есть риск развития профессиональной маргинальности, когда при внешней формальной причастности человека к профессии наблюдается его внутренняя непринадлежность к профессиональной этике и ценностям данной сферы труда.

В целом, выполненное исследование подтверждает выдвинутую нами гипотезу о том, что ресурсом самоорганизации субъекта на стадии стабильной профессиональной деятельности становится проявление креативности, а также акцентирует значимость для личностно-профессионального саморазвития субъекта принципа самодетерминации [Дергачева 2002]. Этот принцип характеризуется способностью субъекта использовать личностные и средовые ресурсы для повышения собственной эффективности в системе «человек-профессия-общество» и проявляется в гибкости, опоре на свободу выбора при управлении взаимодействиями со средой для удовлетворения значимых потребностей и ценностей. Поведение детерминируется информацией, поступающей от среды, а также психологическими особенностями субъекта, который эту информацию воспринимает и интерпретирует.

Литература

Вишнякова Н. Ф. Создание тестовой методики на определение уровня креативности взрослой личности // Психология зрелости и старения. – 1997. - Осень.

Вишнякова Н.Ф. Психологические основы развития креативности в профессиональной акмеологии: автореф. дис... д-ра психол. наук. – М., 1996.

Волкова Е. Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и к миру // Мир психологии. 2005. – № 3.

Дергачева О. Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации / Под. ред. Д. А. Леонтьева. – М., 2002.

Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. – СПб., 1998.

© Минюрова С.А., 2006

И.Г. Овчинникова
Пермь

Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей[4]

[4] Исследование поддержано РФФИ (грант 05-06-80070).

Изучение ментального лексикона остается одной из наиболее актуальных проблем психолингвистики и когнитивной науки в целом. Несмотря на некоторые расхождения в определении ментального лексикона, все исследователи солидарны в том, что он представляет хранилище декларативных знаний – единиц, взаимосвязанных сетью разнообразных отношений. В последние годы основной задачей изучения ментального лексикона полагают выявление принципов организации сети, ее структуру [Глазанова 2001]. Не вызывает сомнения тот факт, что структура ментального лексикона изменяется с возрастом, актуализируются новые способы установления взаимосвязей (сошлемся на классические работы: Палермо 1966, Maršálová 1982 и др.). Способы установления взаимосвязей между единицами отражены в ассоциативных реакциях разных типов. Обычно выделяют парадигматические и синтагматические ассоциации, представляющие основные отношения языковых единиц, а также тематические, спровоцированные ситуативными взаимосвязями референтов языковых единиц.

Цель исследования – установить изменение структуры ментального лексикона, происходящее от 6 до 12 лет, на основе сдвигов в ассоциировании, и определить меру устойчивости индивидуальной стратегии поиска ассоциации.

Установлено, что по мере взросления носителей флективных языков увеличивается доля синтагматических ответов в ассоциативном эксперименте: у взрослых в целом чаще, чем у детей, актуализируются такие связи, как *ПТИЦА-летит, СОБАКА- большая* и т.п. (Maršalova 1982; Уфимцева 1983 и др.). У носителей аналитических языков, напротив, возрастает доля парадигматических ассоциаций: *SHIRT-clothes* (*РУБАШКА-одежда*) [Палермо 1966].

Увеличение количества реакций определенного типа отражает актуальность такого рода отношений в ментальном лексиконе. Следовательно, в ментальном лексиконе носителей флективных языков по мере овладения языком актуализируются грамматически оформленные связи между единицами различных лексико-грамматических разрядов, в то время как для носителей аналитических языков становятся все более

актуальными связи в рамках одного лексико-грамматического класса.

На актуализацию синтагматических ассоциаций, помимо морфологического типа языка, оказывают влияние и другие факторы. Вторым после типологической характеристики языка фактором, влияющим на увеличение доли синтагматических ответов, является часть речи слова-стимула: на глаголы достоверно чаще реагируют синтагматическими реакциями, чем на существительные. В синтагматических ассоциациях отражается семантическая и синтаксическая валентность глагола [Овчинникова 2003]. Третьим фактором оказывается форма проведения ассоциативного эксперимента. Дело в том, что синтагматические ассоциации чаще возникают в письменной форме эксперимента, как реакция на графический облик слова-стимула [Доценко 1999]. Очевидно, графическое слово воспринимается, прежде всего, как знак письменной коммуникации и провоцирует появление типичного контекста, отраженного синтагматическими ассоциативными реакциями. Четвертый фактор, провоцирующий увеличение количества синтагматических ассоциаций, связан с патологией речи. При «височной» афазии (афазия Вернике), приводящей к расстройству восприятия речи, количество синтагматических реакций заметно увеличивается, синтагматическое ассоциирование может стать преобладающей стратегией [Ахутина 2002; Лепская, Завьялова 1996].

Кроме того, в материалах ассоциативных экспериментов, проведенных с испытуемыми разного возраста, заметны некоторые «предпочтения» в стратегии ассоциирования [Караулов 1999]. Можно сказать, что нередко проявляется предпочтение реагировать парадигматическими (или, напротив, синтагматическими) ассоциациями на большую часть слов-стимулов. Такого рода индивидуальные стратегии отражают особенности когнитивной сферы и коммуникативного опыта носителя языка.

Синтагматические и парадигматические связи обеспечиваются различными психическими механизмами – синтагматическим и парадигматическим соответственно. Синтагматический механизм обеспечивает развертывание и

структурирование высказывания, парадигматический – выбор лексем и словоформ. Исследование ассоциирования в норме и патологии позволило установить, что парадигматические реакции чаще актуализируются в норме и при поражении передних отделов (лобных долей) головного мозга, в то время как количество синтагматических реакций увеличивается при поражении центра восприятия речи (височной зоны) [Ахутина 2002]. В целом установление парадигматической связи требует меньше времени, чем установление других типов ассоциативной связи (там же). Парадигматические отношения раньше устанавливаются в онтогенезе и социогенезе, они наиболее универсальны и автоматизированы [Лепская, Завьялова 1996]

Итак, на соотношение парадигматических и синтагматических связей в ментальном лексиконе оказывают влияние различные факторы. Тем не менее, некоторые вопросы остаются пока не вполне ясными. Дело в том, что парадигматические и синтагматические связи не однородны. Не установлено, какие именно связи парадигматического типа трансформируются в синтагматические. Попытаемся установить, каким образом в структуре ментального лексикона русского ребенка происходит увеличение количества синтагматических связей на фоне общей перестройки лексикона.

Наше исследование выполнено на материале свободного ассоциативного эксперимента (устная форма, компьютерная версия, предоставленная лабораторией Т.В. Ахутиной), проведенного с группой из 16 испытуемых, за речевым развитием которых от 6 до 13 лет велось наблюдение. Ассоциативные эксперименты проводились с испытуемыми в шестилетнем и, спустя 6 лет, в двенадцатилетнем возрасте. Предлагалось 27 стимулов-существительных, на которые получено 864 реакции.

Полученные данные обрабатывались стандартным образом, качественно и количественно. Во-первых, формировались ассоциативные поля исходных слов-стимулов (реакции упорядочивались по частотности). Во-вторых, определялся тип каждой реакции. В-третьих, сопоставлялись ассоциации, полученные от каждого испытуемого в 6-летнем и 12-летнем

возрасте. Приведем диаграмму, иллюстрирующую изменения в количестве ассоциативных реакций каждого типа (Рис. 1). Светлым тоном выделены ответы младшей группы, темным – ответы двенадцатилетних испытуемых.

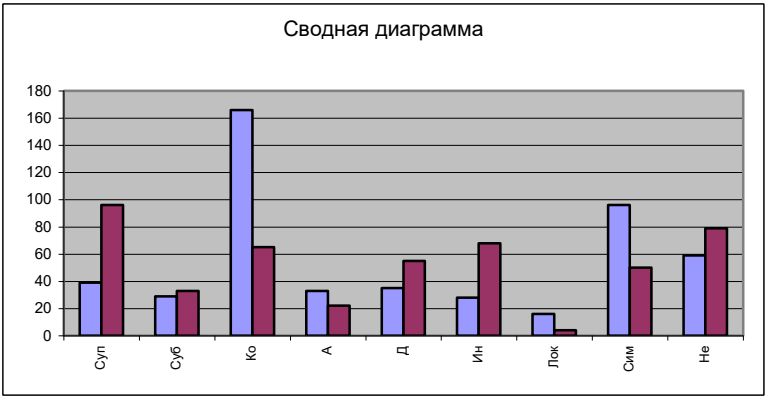


Рис. 1. Динамика типов ассоциаций от 6 до 12 лет (абсолютная частота)[5]

Обсудим полученные результаты.

Во-первых, претерпевают качественные изменения и уменьшаются количественно парадигматические ассоциации. Среди парадигматических принято выделять суперординаторные (*БЕРЕЗА-дерево*), субординаторные (*ИГРУШКА-кукла*), координационные (*БЕРЕЗА-дуб*). В шестилетнем возрасте преобладают координационные реакции – их 53%; заметно меньше субординаторных (33%) и совсем мало суперординаторных (14%). Если учитывать частотность реакций, т.е. считать единицей ассоциативного поля не словоформу, а словоупотребление, то становится заметным подавляющее преимущество координат: их 62%, т.е. в два с

[5] На диаграмме обозначены: виды парадигматических ассоциаций (суп – суперординаторные, суб – субординаторные, ко – координаторные); виды синтагматических ассоциаций (а – активные, д – дескриптивные); виды тематических ассоциаций (ин – инклюзивные, лок – локативные); а также символические (сим) и неоднословные (не) ассоциации.

половиной раза больше, чем субординат (24%), и почти впятеро больше, чем суперординат (14%).

Таким образом, стандартными парадигматическими ассоциациями для шестилетних русских детей являются, прежде всего, координаты.

К двенадцатилетнему возрасту координаторные связи теряют актуальность: их количество уменьшилось почти втрое. Более чем в два раза увеличивается количество суперординаторных ассоциаций. Такое изменение можно интерпретировать как освоенность операции подведения под категорию. Если в шестилетнем возрасте актуальным автоматизированным способом установления отношений между единицами лексикона является координация (определение членов категории, оперирование единицами одного уровня абстракции), то к двенадцатилетнему возрасту оказывается автоматизированной более сложная операция – оперирование единицами различной степени абстракции (видовыми и родовыми наименованиями). Разумеется, это связано и с увеличением доли абстрактной лексики и собирательных существительных в лексиконе ребенка, что требует перестройки всей сети взаимосвязей.

Во-вторых, несколько увеличивается количество синтагматических ассоциаций. Синтагматические реакции отражают функцию (активность: *КАСТРЮЛЯ-варит*) и признаки обозначенного словом-стимулом объекта (*КАСТРЮЛЯ-железная*). Иногда встречаются оценочные реакции: (*КАСТРЮЛЯ-полезная*). В шестилетнем возрасте реакции, характеризующие активность, и реакции, отражающие признаки, практически равновероятны: их 49% и 48% соответственно. Оценочных реакций всего 3%, это единичные ответы. Частотными синтагматическими реакциями являются, прежде всего, характеристики активности: *МАШИНА-ездит*, *КНИГА-читать.* Однако в целом синтагматические ответы малочастотны. Это означает, что единичные синтагматические реакции встречаются у разных дошкольников.

В двенадцатилетнем возрасте актуализируются дескриптивные синтагматические связи (*БЕРЕЗА-зеленая* и т.п.), что можно интерпретировать как значимость текстовых связей слова в ментальном лексиконе. Дескриптивные ассоциации

появляются на те стимулы, на которые в шестилетнем возрасте ребенок реагировал координаторной реакцией. Можно сказать, что дескриптивные ассоциации (наряду с суперординаторными) «вытесняют» координаторные. Синтагматических ассоциаций по-прежнему меньше, чем парадигматических; тем не менее, соотношение парадигматики и синтагматики изменилось.

В-третьих, заметно выросло количество тематических ассоциаций. Ориентируясь на типологию ассоциаций А.Р. Лурия, мы выделили среди тематических реакции, отражающие отношения часть-целое (инклюзивные: *КНИГА-обложка*); пространственную смежность (локативные: *КНИГА-шкаф*). Инклюзивных реакций несколько больше, чем локативных; однако именно локативные ассоциации (*БЕРЕЗА-лес, ВОДА-песок*, *КАСТРЮЛЯ-суп*) оказываются частотными. В двенадцать лет количество тематических ассоциаций увеличивается. Растет количество инклюзивных реакций (*КНИГА-страницы*). Вероятно, это отражает меньшую актуальность взаимосвязей в макроситуативном контексте (локативные тематические ассоциации) и большую актуальность взаимосвязей в микроситуации. Возможно, в этом проявляется сформировавшаяся детализированность восприятия – способность удерживать в поле внимания большее количество деталей объекта. Разнообразные тематические ассоциации формируются в результате накопления индивидуального опыта. В целом у взрослых испытуемых в норме в устном ассоциативном тесте преобладают тематические ассоциации. Увеличение доли тематических ассоциаций к двенадцатилетнему возрасту вполне естественно и означает приближение к взрослой норме.

В-четвертых, в два раза реже встречаются символические ассоциации, что может означать более адекватное поведение двенадцатилетних детей в условиях свободного ассоциативного эксперимента.

В-пятых, растет число неоднословных реакций. В сущности, такого рода реакции появляются в результате нарушения заданной инструкции. Неоднословные реакции двенадцатилетних детей представляют собой попытку развернутого толкования значения слова. По-видимому, в

данном случае проявляется возросшая метаязыковая компетенция, с одной стороны, и влияние общения с взрослым экспериментатором в условиях компьютерного ассоциативного теста, с другой.

Итак, в период от 6 до 12 лет происходит последовательное уподобление детской структуры ментального лексикона тому, как организован ментальный лексикон у взрослого носителя языка: актуализируются тематические и синтагматические связи. Динамика изменения ассоциативных связей в классическом свободном ассоциативном эксперименте отражает эволюцию лексикона и связанное с ней переструктурирование вербальной сети. Пополнение индивидуального словаря абстрактной лексикой, элементами молодежного сленга, изменение соотношения частей речи не может не отражаться на типах связей между единицами [Гольдин, Сдобнова 2006]. В реорганизации парадигматических связей, на наш взгляд, весьма существенно то, что автоматизируются родовидовые связи, в ментальном лексиконе закрепляется структура категории. Иначе говоря, прослеживается предпочтение вертикальных связей горизонтальным (если придерживаться иерархической модели ментального лексикона, см. Залевская 1999) или центральных узлов сети – периферийным (если обратиться к сетевым моделям, см. [Караулов 1999]).

Полученные результаты в целом совпадают с известной, давно установленной тенденцией актуализации синтагматических связей единиц по мере взросления носителей флективных языков. На нашем материале установлено, что синтагматические реакции, незначительно возрастая, меняются качественно: дескриптивные ассоциации становятся основными и частотными ответами. Можно сказать, что с увеличением доли синтагматических ассоциаций растет степень грамматикализации лексикона. Было бы неосторожным утверждение об устойчивости индивидуального предпочтения отвечать реакцией определенного типа от 6 до 12 лет, поскольку пополнение словаря приводит к системной реорганизации всех взаимосвязей.

Литература

Ахутина Т.В. Типология ассоциативных реакций в норме и патологии. Материалы конференции, посвященной 100-летию А.Р. Лурия: А.Р. Лурия и психология XXI века. – М., 2002. http://www.auditorium.ru/

Доценко Т.И. Влияние экспериментальной ситуации на ассоциативное поле младшего подростка // Проблемы детской речи - 1999. – СПб, 1999.

Глазанова Е.В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: АКД. – СПб., 2001.

Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Дом» в ассоциациях школьников (динамический аспект) // Вестник Пермского университета. 2006. № 3. Серия «Филология».

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 1999.

Караулов Ю.Н. Ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999.

Лепская Н.И., Завьялова М.В. Синтагматика и парадигматика в речи больных афазией // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. – М., 1996.

Овчинникова И.Г. Предсказуемость связей письменного слова для ребенка 6-7 лет (экспериментальное исследование) Человек пишущий и читающий. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2003.

Палермо Д. Словесные ассоциации и речевое поведение детей // Изучение развития и поведения детей. – М., 1966.

Уфимцева Н.В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. – М., 1983.

Maršálová L. Psycho-Linguistická analýza vývinu lexiky (asociačné štructúry v subjektívnom slovníky). – Bratislava, 1982.

© Овчинникова И.Г., 2006

Т.И.Стексова
Новосибирск

«Политик» в представлении россиян

Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель – на следующее поколение.

У. Черчилль

По мнению В.А.Масловой, языковая картина мира может быть определена как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике [Маслова 1997]. Но, на наш взгляд, следует учесть мнение психолингвистов о том, что знание и представление не всегда совпадают в своем объеме. «Представление – субъективное отражение связей и отношений действительности, и это субъективное отношение эмоционально» [Шахнарович, Юрьева 1990:23]. (О соотношении и разграничении понятий знание и представление см. [Красных 2003: 52-59]). Языковую, или наивную, картину мира интерпретируют как отражение обиходных представлений о мире многие лингвисты, в частности Ю.Д. Апресян [Апресян 1995], Е.С. Яковлева [Яковлева 1994], Е.В.Урысон [2003]. По определению О.А. Корнилова, национальная ЯКМ – это «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса» [Корнилов 2003: 112].

Субъективное отражение объективного мира (сознательное и бессознательное) проявляется и в средствах массовой информации. Задачей данной статьи является вычленение представления россиян о политиках, отраженного в газете «Аргументы и факты». Часто наивную картину мира воссоздают по данным ассоциативных экспериментов и словарей. Кроме этого, как представляется, может оказаться перспективным и достаточно убедительным и корпусное исследование. Материал для анализа был собран при помощи поисковой программы

Интегрум. Все примеры были взяты нами из газеты «Аргументы и Факты». Выбор этого источника не случаен, так как эта центральная газета имеет очень большой тираж, не ангажирована какой-либо партией, ориентирована на самого разного адресата. Кроме того, выбор примеров был выполнен без учета жанровой специфики материала, интересующая нас лексема могла встретиться в речи журналиста, в письме читателя, в цитате какого-либо известного политического деятеля или деятеля искусств. Все это позволяет предположить, что выборка материала является репрезентативной для вычленения обобщенного образа политика, существующего в языковом сознании россиян.

(Все примеры выделены курсивом, и в целях экономии места в тексте не указывается ссылка на источник материала).

*«А **политик** - профессия?»*

Казалось бы, ответ на этот вопрос очевиден: ***политик** – это публичная профессия*, наряду с такими профессиями, как врач, художник, банкир и др. В пользу такого понимания свидетельствует тот факт, что многие, говоря о себе, отвергают свою принадлежность к политикам и акцентируют внимание на своей другой профессии: «*Да поймите, я не политик, а военный. Я не **политик** и не экономист. Я репортер, а не **политик**. Я - не **политик**, я деятель искусства*». Политики упоминаются в одном ряду или противопоставляются другим профессиям: писатель, музыкант, актер, врач, социолог и пр. Более того, утверждается, что *самая доходная профессия сегодня – **политик.*** Но если это профессия, то вполне закономерен возникший вопрос: «*А вы можете назвать учебное заведение, которое выпускало бы профессиональных **политиков**?*» Учебных заведений АиФ не называет, но ответом может служить реплика М. Шаймиева: ***«Политиками** мы становимся... по нужде»*. Итак, политиками становятся, имея при этом другую профессию. В политики приходят из экономистов, юристов, журналистов, хозяйственников, при этом чаще всего новоиспеченные политики всячески открещиваются от наименования политика, настаивая на своей профессиональной принадлежности:

*Я, прежде всего, врач, а не **политик…***

В моем случае нельзя четко определить, черное или белое, ***политик*** *или чиновник.*

Я не ***политик****, а скорее производственник.*

Ну, какой я ***политик****, я ж завхоз.*

Но до недавнего времени Юрий Лужков вообще отказывался признать себя публичным ***политиком****, упирая на то, что он - всего лишь «хозяйственник».* И только Жириновский гордо заявляет: «*Я* ***политик****, который умеет смотреть вперед и мыслить геополитически*».

Между профессией политика и некоторыми другими находят сходство, родство: «*Между прочим, есть немало общего между* ***политиками*** *и актерами*».

Но не всякий симбиоз профессий оказывается бесспорным, в ряде случаев возникают сомнения: «*Может ли художник быть* ***политиком****, а* ***политик*** *– художником?*»

Некоторым удается удачно сочетать в себе разные профессии (***врач-бизнесмен-политик*** *Святослав Федоров; Лужков - настоящий* ***политик****, хозяйственник, знает, что нужно городу*), в других происходит вечная борьба, вызывающая вопрос:

Вы ощущаете себя больше ***политиком****, чем журналистом? Кем вы себя больше ощущаете –* ***политиком*** *или спасателем? Так что теперь –* ***политик*** *победил в вас хозяйственника?*

Но в любом случае, признаются или нет политики в том, что они политики, их отношение к своей деятельности можно передать словами Ш. Басаева: «*Мне понравилось быть* ***политиком»****.*

«Кому сказать - не поверят,
но в России ***политики работают*** *больше всех»*

Так как политик – активнодействующий субъект, то интересно выявить, какие существуют представления в русской языковой картине мира (по данным АиФ) о характере деятельности людей этой профессии. Употребление исследуемой лексемы в роли активно действующего субъекта является очень частотным, что вполне логично и ожидаемо. Но анализ языкового материала показывает, что эта роль (активного субъекта действия) представлена целой серией разновидностей, частных ролей, частотность употребления которых весьма

различается. Выделим эти частные случаи и попытаемся ответить на вопрос, чем обусловлено различие в их функционировании.

В соответствии со словарным определением, политик должен заниматься вопросами политики. Наши политики *продолжают бороться с привилегиями; участвуют в разработке законодательства; пишут законы.*

Но чаще всего, судя по материалам АиФ, политики занимаются деятельностью, весьма отдаленной от декларируемой словарями.

Слышала, что ***политик-демократ*** *Константин Боровой* ***купил*** *себе роскошную квартиру в центре Москвы за 15 млн. долларов.*

Могли бы и ***в суд подать****, как* ***делают*** *это более мелкие актеры и* ***политики*** *за дела еще более мелкие.*

Деятельность политиков весьма невысоко оценивается россиянами, что отражается на выборе лексем для ее обозначения: *кто-то из* ***политиков может*** *дров* ***наколоть****, а кто-то -* ***наломать****.*

Выборы, конечно, пройдут, и в очередной раз получится так, что московские элитные ***политики будут*** *после сна* ***протирать глаза****, а сибиряки в это время кушать свои вечерние пельмени и смотреть вчерашние новости.*

Заполучив газету, старшее поколение сразу же начинало выяснять, что там еще ***выкинули*** *наши* ***политики****, зачитываться интервью с серьезными людьми...*

Поведение политиков далеко от идеального. Они *дерутся, «греют руки», кидаются стульями, делают свое грязное дело:*

Когда ***политики дерутся****, у тех, кто служит в силовых ведомствах, все планы летят, отпуска отменяются и личной жизни никакой.*

Сергей (так он представился) недвусмысленно ответил: "На пепелищах ***греют руки политики*** *и казнокрады.*

Будут ли политики кидаться *стульями?*

Политики *делают свое* ***грязное дело****,* ***делят сферы*** *влияния на Балканах, а матери будут на могилы ходить слезы лить!*

Политики интригуют*, а народ потом кровью умывается.*

И не случаен вывод: *«Все так называемые **политики** на самом деле **имитируют** бурную **деятельность»*** и ***«**Поскольку мы сейчас живем ненормально, значит, **политики** плохо исполняют свою **работу».***

От деятельности политиков россияне ждут результатов. Ожидаемой субъектной ролью является роль субъекта воздействия. Политики оказывают воздействие на других лиц:

*Угрюмые **политики** уже **всех достали**.*

***Политики нас ссорят**, но мы же, россияне и украинцы, все равно братья и сестры.*

*Вместо того чтобы понять, что Грузия – независимая страна, и обсуждать, как жить мирно, **политики** играют в свои игры, **«промывают» людям мозги**, а страдает при этом простой народ.*

*С другой стороны, кто-то из не очень чистоплотных русских **политиков** тоже **готов припугнуть евреев**.*

Встречаются и такие примеры, когда объект воздействия выражен неодушевленным существительным. Но важно в подобных случаях то, что этот объект осмысляется как понятие, соотносимое с совокупностью лиц, как в следующих примерах:

*Именно поэтому до сих пор кремлевские **политики** и сытые армейские генералы, загнавшие в окопы солдат, **не могут поставить на колени** чеченский **народ**, даже в угоду Конституции.*

*С.Калашников: «Все российские **политики используют народ** как известное резинотехническое изделие, чтобы пройти в Думу».*

В позиции такого объекта может выступать существительное, обозначающее понятие, непосредственно связанное с жизнью и деятельностью людей:

Не вмешиваются ли политики в** музейную **жизнь?

***Борьбой с терроризмом занимаются политики** и спецслужбы.*

Адекватной трансформацией данных предложений будут следующие варианты:

Не вмешиваются ли политики в (жизнь) деятельность людей, работающих в музеях? Политики и спецслужбы борются с людьми, занимающимися террористической деятельностью.

Весьма показательным для языкового сознания является тот факт, что для лексемы «политик» среди всех субъектных ролей роль субъекта-каузатора является малочастотной, хотя, казалось бы, следует ожидать, что деятельность политиков должна приводить к порождению некоего нового положения дел в действительности. Но, как показывает языковой материал, результативность деятельности политиков весьма низкая, причем чаще всего они каузируют ситуацию, которая расценивается говорящими как негативная:

Телевидение и ***политики разжигают страсти****.*

Но не военные ***начинают войну****, а* ***политики****.*

По моему мнению, ***проблему*** *глобального потепления* ***раздули*** *не ученые, а* ***политики****.*

Конфликты создают *люди, отдельные* ***политики****, преследующие узкогрупповые интересы.*

Ведь никто в России, да и в остальном мире, не ожидал, что «короткая победоносная» ***война*** *в Чечне, которую шесть лет назад* ***развязали политики****, окажется не столь короткой и не столь победоносной.*

Нам встретился только один пример креативного действия данного субъекта:

Ну, ***создал*** *себе* ***политик движение****, что особенного?*

Таким образом, деятельность политиков воспринимается как деструктивная, разрушительная: ***политики*** *разжигают страсти, создают конфликты, раздувают проблемы.* Соответственно, *в России редкий* ***политик не вызывает*** *у кого-нибудь* ***аллергии; политики****, стремящиеся к власти как к добыче,* ***вызывают*** *большое* ***разочарование*** *у граждан.*

Роль субъекта вынужденного действия не очень характерна для исследуемой лексемы. Вероятно, это связано с тем, что в сознании людей политики ассоциируются с теми, кто сам определяет свою и чужую жизнь, кто не подчиняется чужой воле. Вынужденность их действий может быть обусловлена в частности определенными обстоятельствами (например, ситуацией предстоящих выборов):

Ну вот, в России опять на носу выборы, и многочисленным российским ***политикам*** *опять* ***приходится доказывать*** *свою жизнеспособность.*

И, видимо, реальным ***политикам приходится*** *иногда* ***выбирать*** *между процентами голосов, которые можно заработать на этой понятности, и самоуважением.*

Между тем, накануне выборов ***политики вынуждены оглядываться*** *на общественное мнение и корректировать в соответствии с ним свой курс.*

Иногда наличие этих обстоятельств вербально не выражается в пределах предложения, но контекст делает понятным причину вынужденности действий субъектов. Вынужденность действия может быть обусловлена и действиями других субъектов, которые оказываются вне власти политиков:

Между тем, следует помнить, что шантажу и вымогательствам на почве секс-услуг ***могут быть подвергнуты*** *не только* ***политики*** *или бизнесмены.*

В данном примере эти лица не названы, вероятно, в силу неактуальности конкретных исполнителей, актуальной представляется их деятельность (шантаж и угрозы).

Особо следует отметить роль субъекта невольного осуществления, которая хотя и является малочастотной, но все-таки возможна. Эти предложения демонстрируют, какие события осуществляются помимо или против воли политиков. Одни из них (событий) характерны для любого одушевленного субъекта, другие характеризуют область интересов именно данного субъекта:

Получить подарок на Новый год мечтают все: одни - игрушку, другие - сотовый телефон и квартиру в довесок, а вот ***политикам****, например,* ***спится и видится*** *кое-что покруче.*

Почему ***политикам не спится****? Банкиров и* ***политиков потянуло*** *на прекрасное*.

Ср.:

Уж сколько говорили и писали о том, что молодой, перспективный ***политик*** *и первый вице-премьер Б. Немцов* ***оказался ненужным*** *в верхних эшелонах власти.*

Ни один из ***политиков*** *в течение последних лет* ***не оказывался*** *столь часто в центре самых громких событий и скандалов.*

Представления о деятельности политиков также складываются из информации о том, куда ездят политики, с кем встречаются, или, говоря современным языком, с кем «тусуются». Россияне знают, что

…под конец лыжного сезона в Давос ***съехались*** *полторы сотни российских бизнесменов, чиновников и* ***политиков*** *- обсудить с западными коллегами перспективы.*

В конце минувшей недели в Чебоксарах ***собрались*** *вместе нерядовые* ***политики*** *- полпред президента в Приволжском федеральном округе С.Кириенко, председатель Счетной палаты С.Степашин и президент Чувашии Н.Федоров. В портретном фойе МХАТа* ***собрались*** *знаменитости,* ***политики****, друзья юбиляра.*

Из газеты мы узнаем, *в какие рестораны* ***ходят политики*** или *когда тот же* ***политик шляется*** *по борделям и притонам в Париже.*

*«****Политики зарабатывают*** *языком»*

Анализируя представления россиян о политике как о субъекте речи, следует обратить внимание на то, в каких речевых жанрах выступает политик. Политик может «просто говорить», т.е. передавать информацию:

Об уроках Освенцима ***говорили*** *и другие* ***политики****.*

Политик *вышел на сцену и* ***сообщил****, что сегодня день рождения Исаака Дунаевского, а точнее - сто лет со дня рождения, и он хочет спеть песню этого гениального композитора.*

В таких высказываниях актуализируется объект речи, т.е. что или о чем говорили политики. Типичными предикатами в подобных случаях, кроме глагола *говорить*, являются предикаты *сказать, изъясняться, выступать, сообщать.* И, хотя процесс коммуникации всегда предполагает адресата, в предложениях с подобными предикатами адресат обычно вербально не выражается, так как либо предполагается максимально обобщенным, либо ясен из контекста. Если же используется предикат *обращаться,* то в таком случае адресат конкретизируется и требует вербального выражения:

К нам *бы не* ***обращались*** *с экрана опальные* ***политики*** *или независимые журналисты, для нас не добывали бы ежедневно в прямой эфир героев дня, а чуть реже у Ирины Зайцевой.*

Достаточно важным для автора может оказаться не сам процесс говорения политика, а характеристика этого речевого процесса. Использование предикатов типа *мусолить, мямлить, твердить, возмущаться* и подобных позволяет говорящему

охарактеризовать речевые пристрастия политика и передать свое отношение к его речевому поведению:

Сейчас некоторые ***политики утверждают****, что для наполнения бюджета необходима денежная эмиссия.*

Все наши ***политики*** *очень* ***возмущались*** *по этому поводу.*

Пока в «ящике» ***политики*** *и отставные генералы возбужденно* ***мусолят*** *военную тему, народ реагирует по-своему - с юмором и здоровым обывательским пофигизмом.*

Высокие ***политики*** *же* ***изъясняются по принципу «здесь вам не тут».***

Политики *«второго эшелона»* ***материться*** *очень даже* ***любят.***

Сейчас ***политики*** *сами* ***раздают эпитеты*** *и* ***клички*** *друг другу прямо с телеэкрана.*

Политики*, завидя микрофон,* ***высказывались цензурно****.*

Наиболее частотным является использование тех предикатов, которые не только сигнализируют о речевой деятельности субъекта и ее особенностях, но и характеризуют ее с точки зрения выбираемых речевых стратегий. Данные характеристики оказываются весьма значимыми для понимания семантической роли субъекта-политика. Репертуар используемых речевых жанров оказывается важным компонентом для понимания роли политика в обществе. Анализ собранного материала показал, что речевые жанры, свойственные политикам, демонстрируют их позиционирование себя в обществе как субъектов, занимающих позицию вышестоящих (чаще) или симметричную позицию по отношению к адресатам коммуникации.

Чаще они выбирают речевые стратегии, свойственные коммуниканту, социальная роль которого выше социальной роли адресата. Это такие жанры, как *требование, команда:*

Только что осталось бы от этих государств, чьи ***политики требуют*** *сегодня от России покаяния?*

…скомандовал *наш «неистовый»* ***политик****.*

Распространенными являются стратегии, характерные не только для вышестоящего, но и для коммуникантов симметричных социальных ролей, такие, как *совет, призыв, объяснение,* хотя и в данных речевых ситуациях политики позиционируют себя как вышестоящих, имеющих право на советы (непрошеные), призывы и т.п.:

Некоторые ***политики советуют*** *разорвать все отношения с Америкой.*

По телевизору один ***политик призывал*** *нас не нести свои деньги в банки.*

Каждый день с экранов телевизоров ***политики*** *и чиновники* ***объясняют*** *населению, то есть нам, что регулировать нефтяной бизнес государство не только не должно, но и в условиях свободного рынка не имеет права.*

Менее характерным для политиков является выбор такого речевого поведения, которое характерно обычно для социальной роли нижестоящего. Единичны примеры, в которых политики что-либо просят или жалуются на что-либо:

«Здесь только Путин не ездит, а многие министры и ***политики****, чтобы не стоять в пробках,* ***просят*** *пропустить», - объяснил гаишник.*

Ну неужели так сложно понять, о чем идет речь, если один ***политик жалуется****, что «его заказали»?*

Уже давно наши ***политики хнычут и жалуются*** *на отсутствие в России национальной идеи.*

Следует отметить, что выбор этих речевых стратегий есть своеобразная игра, «речевая маска», сознательно выбираемая политиком.

Речевое поведение политиков зависит, прежде всего, от адресата: народу они *объясняют, обещают, советуют, врут*, могут с ним *общаться, поправлять* его и *отвечать* на задаваемые им вопросы:

И нам все время ***врали****, пытаясь представить события тех лет в ином свете, - учителя в школе,* ***политики*** *в своих выступлениях.*

А ***политики*** *обычно много* ***обещают****, но своих слов не держат.*

Мы в России, кажется, привыкли только к неприятностям: чуть ли не каждый день кого-то убивают, самолеты падают, дома взрываются, ***политики обманывают****.*

При коммуникации с «избранными», с коллегами по политической деятельности, с представителями власти они могут спорить, ругаться, доказывать, критиковать, договариваться:

Некоторые ***политики*** *ведут себя не совсем адекватно: дерутся на глазах у всех, обливают друг друга соком или водой, нецензурно* ***ругаются,*** *таскают женщин за волосы.*

Политики могут и договориться*.*

И все же некоторые известные аграрные ***политики не устают критиковать*** *Минсельхоз и вас лично*

По поводу 10-летия расстрела Белого дома в Москве продолжают спорить политики, политологи, журналисты.

Привлекают внимание примеры, где выражается отношение к речевому поведению субъекта речи. В одних случаях это происходит за счет использования определенной лексемы:

Кстати, *большинство* ***наших*** *политиков не гнушается говорить* ***именно на народном языке*** **(СО: гнушаться – Испытывать чувство брезгливой неприязни к кому-чему-н.).**

В других случаях отношение проявляется за счет широкого контекста:

В то время как в Государственном Кремлевском дворце шумел бал прессы, а ***политики*** *и госчиновники* ***объяснялись в любви*** *к молодой «четвертой власти», в Савеловской прокуратуре г. Москвы журналисту «Комсомолки» Игорю Панкову было выдвинуто обвинение в клевете (ст. 129 ч. 3 УК РФ, до 3 лет лишения свободы).*

Использование подобных языковых средств имеет иронический оттенок и формирует скрытую оценку деятельности политиков.

«Политики *обычно много едят, пьют и постоянно* ***находятся в состоянии стресса»***

Малочастотными являются случаи функционирования лексемы *политик* в роли субъекта состояния и субъекта восприятия. В качестве субъекта состояния политики характеризуются своей похожестью на обычных людей, они также могут находиться в разных физических и психологических состояниях:

Политик *в период выборов* ***впадает в состояние невменяемости****, когда им можно руководить, как лунатиком.*

О том, почему ***политики*** *на высших государственных постах* ***отличаются*** *завидным* ***здоровьем*** *и* ***доживают до глубокой старости****, - в специальном расследовании «АиФ».*

Но ***политики*** *так же, как и рядовые граждане, часто* ***переживают*** *т. н. когнитивный* ***диссонанс*** *- психологическую неуверенность, неудовлетворенность уже принятым решением.*

Низкая частотность использования лексемы в данной роли, возможно, объясняется неактуальностью для адресата этой информации.

Роль субъекта восприятия менее частотна, как представляется, по иной причине: она менее актуальна для самих политиков. Поэтому функционирование лексемы *политик* с предикатом восприятия, употребленным в прямом значении, является единичным:

Первая «светлая», вторая часть, собственно, «темная» - тушится свет, и герой передачи, как правило, сановный или восходящий ***политик, не видит*** *тех, кто задает ему вопросы.*

Несколько чаще представлено употребление этого слова в сочетании с предикатами восприятия, используемыми в переносном (метафорическом) значении:

Другое дело, что наши ***политики*** *и бизнесмены, которых называют бандитами, и чаще всего совершенно справедливо, тоже* ***чувствуют*** *время, но используют это иначе.*

Вы сказали, что истинный ***политик*** *очень точно* ***слышит*** *чаяния истории.*

Подведем некоторые итоги нашим наблюдениям. Как представляется по материалам газеты «Аргументы и факты», обобщенный образ политика не вызывает большого уважения у россиян. Политик воспринимается как фигура, решающая, прежде всего, свои проблемы, не желающая и не способная решать проблемы народа. Личностные и деловые качества «политика» не вызывают доверия. Все это способствует тому, что политик противопоставляется «простому народу», становится для него «чужим». Выяснение же того, почему отношения между народом и политиком переведены в плоскость свой/чужой, а также того, что первично: создание такого образа средствами СМИ или формирование его в языковом сознании россиян и последующее отражение в прессе, выходит за рамки данной статьи, является уже не лингвистической проблемой.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. – М., 1995.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М., 1997.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. – М., 2003.

Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. – М., 1990.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. – М., 1994.

© Стексова Т.И., 2006

И.А.Стернин
Воронеж

Экспериментальные методы в лингвистической концептологии

Лингвистическая концептология представляет собой направление когнитивной лингвистики, ставящее конечной целью лингвистического исследования моделирование содержания и структуры концептов

Концептология может пользоваться (и широко пользуется) традиционными лингвистическим методами – например, семантический анализа слов и фразеологизмов по лексикографическим источникам, компонентный анализ словарных дефиниций, этимологический анализ значений имен концептов, извлечение когнитивных смыслов из художественных текстов, вербализующих в той или иной форме интересующий исследователя концепт и др.

Однако, как показывает практика лингвоконцептологических исследований, традиционных методов для описания недостаточно. Необходимо использовать экспериментальные методы, предполагающие обращение к языковому сознанию носителей языка, поскольку это дает возможность выявить современный уровень сознания носителей языка и, что особенно важно, установить яркость тех или иных когнитивных признаков в структуре концепта, что часто очень важно для концептологического анализа. Кроме того, ранжирование испытуемых по категориям – гендерным, возрастным, социальным, профессиональным, территориальным – позволяет выявить групповые особенности концептов, что невозможно без применения экспериментальных методик.

Покажем наиболее эффективные приемы экспериментального исследования концептов на примере изучения концепта *русский язык*.

Ассоциативный эксперимент

Ассоциативный эксперимент может быть эффективно использован для построения номинативного поля концепта.

В качестве основной экспериментальной методики был использован направленный ассоциативный эксперимент *Русский язык – какой?*

Этот вид эксперимента был предпочтен свободному ассоциативному эксперименту и рецептивному эксперименту, поскольку предварительные пилотажные эксперименты с небольшим количеством испытуемых (10-15 человек) показали, что свободный ассоциативный эксперимент со стимулом *русский язык* и рецептивный (в частности, «кратко напишите, что такое *русский язык*», «дайте определение русскому языку – русский язык это…» и под.) дают мало релевантного для исследования материала, а направленный ассоциативный эксперимент дает максимальное число реакций, позволяющих сформировать ассоциативное поле стимула *русский язык*.

В направленном ассоциативном эксперименте, который проводила под нашим руководством Л.А.Тавдгиридзе, приняло участие 1790 испытуемых — 1256 женщин и 534 мужчин. Из числа опрошенных — 669 в возрасте от 15 до 25 лет (младшая возрастная группа); 781 человек в возрасте 26–40 лет (средняя возрастная группа) и 340 человек в возрасте 41–60 лет (старшая возрастная группа).

Эксперимент осуществлялся как в групповой, так и в индивидуальной форме. Групповой эксперимент проводился с 25–40 испытуемыми за один сеанс.

Испытуемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите, пожалуйста, определения к словосочетанию «русский язык» и запишите те, которые первыми приходят Вам в голову. Просим дать не менее 5 определений». В начале опросного листа приводилась фраза: **Русский язык – какой?**

В результате эксперимента от испытуемых было получено 7190 реакций. При этом 919 человек дали по 5 реакций, 366 человек по 4 реакции, 232 — по 3 реакции, 155 — по 2 реакции, 105 — по 1 реакции, 20 — отказались участвовать в

эксперименте. Таким образом, процент отказа составил 1%, что является незначительной величиной и свидетельствует о том, что анализируемый концепт актуален для языкового сознания. Некоторые испытуемые не придерживались строго инструкции и в некоторых случаях давали ассоциаты, выраженные не определениями, как того требовало наше задание. Количество таких ассоциатов 350 (4,9% от общего количества реакций). Эти ассоциаты тоже были обработаны.

В результате было сформировано ассоциативное поле стимула *русский язык*, которое имело следующий вид:

Русский язык – какой? (7190): красивый 846; богатый 560; трудный 501; родной 232; великий 203; интересный 190; сложный 182; хороший 113; любимый 102; могучий 101; древний 95; разнообразный; народный 85; простой 61; умный 60; лёгкий 58; разносторонний 57; разный 56; ласковый 55; нежный 52; свободный, наш родной, мат 50; матерный 48; наш родимый, непонятный, международный 43; многообразный 42; содержательный 41; доступный 39; нецензурный, мягкий, удовлетворительный 36; самый любимый, огромный 35; красочный 34; тяжёлый 32; необъятный 31; близкий, увлекательный 30; занимательный, эмоциональный, безграничный 29; многосторонний, знакомый 28; выразительный, бескрайний, главный 27; обширный 25, благородный 24; интеллектуальный, объёмный, распространенный, непостижимый, звучный 23; матершинный 21; мой, яркий, запутанный, старый 20; цветной, поэтический, понятный 19; щедрый, ясный, колоритный, волшебный, поэтичный, масштабный, мировой, грубый, культурный 18; всемирный, многоликий, самый сложный 17; образный, светлый 16; самый лёгкий, важный, разговорный, насыщенный, выразительный, недостижимый, многогранный, российский, национальный, школьный, поэзия, свой, добрый, лучший, самый лучший 15; славный, разумный 14; наш, милый, доброта, истинный, заботливый, литературный 13; теплый, мудрый, правдивость, нужный, необходимый, обязательный 12; широкий, интеллигентный, интернациональный, музыкальный, необычный, разговор (ы) 11; габаритный, песня, переливающийся, межнациональный, сказочный, Россия,

плавный, красноречивый, школа, близкий, настоящий, звонкий, уникальный, точный, лаконичный 10; благозвучный, необыкновенный, идеальный, стихотворный, пошлый, засорённый, превосходный, замечательный, изумительный, познавательный, продвинутый, развитый, первый 9; основной, глубокий, созвучный, восхитительный, чистый, урок, Родина, неограниченный, матный, досягаемый, учебный, Ленин, пушкинский, много нецензурных слов, всероссийский, многонациональный, человечный, смешной, средство общения 8; единственный, грамотный, обычный, ругательный, испорченный, вульгарный, общероссийский, отличный, всенародный, пословица, учительница, песенный, громкий, своеобразный, практичный, эффективный, конкретный, игривый 7; живой, средство ежедневного общения, универсальный, регламентированный, логичный, полезный, деловой, странный, самый главный, певучий, учитель, много поговорок, частушки, содержит диалекты, ненормативная лексика, родная страна, Липецкая область, берёза, народ, противный, общенародный, общепринятый, объединяющий, правильный, общеславянский, деревенский, разноголосый, прикольный 6; веселый, понимание, удобный, задорный, многозвучный, специфический, славянский, старинный, справедливый, роскошный, бесподобный, великолепный, суровый, честный, привычный, труднодоступный, солнечный, общий, общеупотребительный, много выражающий, берёзы, русские люди, Путин, Есенин, Толстой, Москва, нравственный, гостеприимный, привычный, искренний, святой, чувственный, алфавит, книга, учебник, учебники, мелодичный, цивилизованный 5; системный, резкий, страстный, букварь, предмет, фольклор, божественный, открытый, лермонтовский, пластичный, грациозный, язык Пушкина, дерзкий, заимствующий, смелый, задушевный, тонкий, простонародный, самобытный, грамматика, знания, голосистый, популярный, дисциплинированный 4; стандартный, воспитанный, тактичный, орфография, мягкое произношение, традиция, сочинение, душевный, чуткий, отзывчивый, гениальный, одаренный, изящный, природа, потрясающий, впечатляющий, уроки, ромашка, словарь русского мата, уматный, запрещённый, раскованный, славяне, Лермонтов,

Достоевский, Тургенев, есенинский, Горбачев, Воронеж, мудрёный, тяжело даётся, общественный, гуманный, человеколюбивый, милосердный, вольнодумный, решительный, прямой, экспрессивный, многовековой, известный, знаменитый, удивительный, счастье, языковое общение, язык информации 3; выражение мысли, язык, на котором я общаюсь, нужен для общения, приветливый, радость, изучаемый, юмористический, темпераментный, прямолинейный, стойкий, единый, Зюганов, Гагарин, берёзка, Ломоносов, русские писатели, желанный, достоверный, верный, обычный, хреновый, образовательный, правило, правописание, грамотность, шумный, ведущий, нестандартный, востребованный, меткий, болтливый, многофункциональный 2; идеальный, неповторимый, с его помощью можно четко выражать свои мысли, многоцелевой, жив да и все!, чётко выражает мысли, хочу знать, хочу хорошо знать, не похож на другие языки, неординарный, самобытный, причудливый, часть нашей жизни, имеет авторитет в других странах, имеет значение в повседневной жизни, первый среди всех, коренной, актуальный, предпочитаемый, показательный; основа всех основ; журчащий; частично резкий; правильность речи; врожденная грамотность; диктанты на «2» «3», диктанты на «4», у меня по русскому «3», первое слово - «мама»!, знаки препинания, чистописание, учебный предмет, дисциплина, язык как дисциплина, мне все равно, хуже, чем английский, глюканутый; совершенно правильный, объективный; правдолюбивый, говорить можно обо всем, взаимопонимание, всеми любимый, его надо любить, только бы его и слушала б, язык эмоций, своё родное, привычный с детских лет, командный, армейский; отца и матери, душа народа, много диалектов, кладезь пословиц и поговорок; душа нации; выросли с ним; моя ДНК; им можно выразить все чувства, всеобъемлющий; учат в других странах; учат в других странах в привилегированных семьях; государственный; дипломатический; один из рабочих языков ООН; интеграция; Санкт – Петербург; огромная территория; деревня, пейзаж, золотая осень, зима, снег, мороз, лютые морозы, ясное небо, голубое небо, тайга, лес, дуб, речка, поле, пшеница, снопы, хлеб, яблоневый сад, мужик с плугом, родители – дети, отцы – внуки,

человек, книга такая, словарь Ожегова, толковый словарь Даля, толковый словарь, чтение, письмо, чтение книг, перо, указка, тетрадь, ручка, карандаш, родители, распространенные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров, крестьянские избы, деревенские избы, щит и меч, дача, картошка, валенки, блины, пиво, русская водка, рубль, революция, революции, война, войны, бедность, безработица, невоспитанность, нет будущего, государственность, общность, коммунизм, преданность родине, патриотизм, президент, петровский язык, на нем говорили Пушкин и Лермонтов, язык, которым пользовался Пушкин, Ахматова, сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов, даётся не всем, требуются усилия, слишком много правил, сложен грамматически, в грамматике очень сложен, очень сложная грамматика, много исключений, объединяющий нации, лучистый, играющий цветами, художественно-тёплый, медовый, золотой, морской, зелёный, жгучий, мяукающий, находка для поэтов, льющийся, парящий, медленно текущий, сладкий, пахучий, сочный, приятный для слуха, ласкающий слух, приятные ощущения, самый матерный, отрицательная сторона – мат, мат без предела, отвратительная сторона – мат, матерно богат, льющийся мат, иногда самый нецензурный, много ругательных выражений, ругань в транспорте, с ругательствами, беспардонный, смелый в выражениях, может быть решительным и жестким, крепкий, один из самых жестоких языков мира, жестокость, обломный, разбитый, разоренный, колючий, зубастый, враждебный, сленг, жаргон, жаргонный, деградирующий, падение в никуда, портится красота, его портят люди, не все умеют пользоваться, его легко коверкать, утрачивает силу, забываются литературные нормы, упрощен без смысла, заимствованный, 70% заимствований, много заимствований из английского, много заимствований из английского, а это плохо - лучше все называть по-русски, татарское наречие испортило его, должен быть чистым, хотелось бы чистоты, чтоб не был засорен иностранными и нецензурными словами, выражает мысли в облегченной форме, простой для общения, хорошо воспринимаемый, понятный даже туркам, становится проще и проще, на нем легко разговаривать, прост в употреблении, прост

в изучении, быстро учится, легко изучается, как русский человек с широкою душою, этот язык во всем мире самый лучший!, клевый, прикольный, класс!, самый лучший на земле, самый лучший язык в мире, горжусь им!, только бы его и слушал! язык чувств, заводящий, благословенный, училка, учитель строгий, учитель Николай Иванович, учительница Светлана Николаевна, синонимы, предлог, буквы, знак, деепричастие, ударение, определения, которые не учатся, морфемы, морфемный, в нем всего 33 буквы, словосочетание, вопросительный знак, вечный, долговечный, один из древних языков, родоначальник всех языков, язык многовековой культуры, язык, на котором говорили наши предки, имеет большую историю, старина, хорошо звучит, красиво звучит, перспективный, современный, модный, стильный, неожиданный, непредсказуемый, в нем тайна, комфортный, уютный, характеризует культуру, самый грамотный, вызывает радость, хорошее настроение, миролюбие замысловатый 1, отказы 13.

Данное ассоциативное поле является частью номинативного поля концепта РУССКИЙ ЯЗЫК и подлежит когнитивной интерпретации – то есть процедуре обобщения ассоциатов и формулирования когнитивных признаков.

Так, например, когнитивная интерпретация результатов проведенного ассоциативного эксперимента будет иметь следующий вид (сначала приводится когнитивный признак, затем указывается, каким количеством ассоциатов он объективирован в эксперименте, затем приводятся языковые единицы, значение которых обобщено в ходе когнитивной интерпретации данным когнитивным признаком):

Богатый 1125

(*богатый* 560; *безграничный* 295; *разнообразный* 85; *разносторонний* 57; *разный* 56; *многообразный* 42; *содержательный* 41; *огромный* 35; *необъятный* 31; *многосторонний* 28; *бескрайний* 27; *обширный* 25; *объемный* 23; *масштабный* 18; *многоликий* 17; *многогранный* 15; *широкий* 11; *габаритный* 10; *неограниченный* 8; *много выражающий* 5; *им можно выразить все чувства, всеобъемлющий* 1);

Красивый 846;

Сложный 808

(*сложный* 753; *непостижимый* 55; *сложная грамматика* 5, *сложный для иностранцев, трудно переводится, сложен при написании слов*);

Выразительный 502

(*ласковый* 55; *нежный* 52; *мягкий* 36; *красочный* 34; *эмоциональный* 28; *выразительный* 27; *яркий* 20; *цветной, поэтический* 19; *поэтичный, колоритный* 18; *страстный; светлый, образный* 16; *насыщенный, поэзия* 15; *теплый* 12; *переливающийся, красноречивый, плавный* 10; *стихотворный* 9; *чистый* 8; *солнечный* 5; *пластичный, грациозный* 4; *лучистый, играющий цветами, художественно-теплый, медовый, золотой, морской, зеленый, жгучий, мяукающий, находка для поэтов; изящный* 3; *льющийся, парящий, медленно текущий, сладкий, пахучий, сочный, приятный для слуха, ласкающий слух, приятные ощущения* 1);

Родной 497

(*родной* 232; *наш родной* 50; *наш родимый* 43; *Родина* 41; *близкий* 30; *знакомый* 28; *мой* 20; *свой* 15; *наш* 13; *славянский* 11; *привычный* 5; *известный* 4; *свое родное, привычный с детских лет, отца и матери, выросли с ним, моя ДНК* 1);

Грубый 279

(*мат* 193; *грубый* 77; *деградирующий* 9);

Интересный 277

(*интересный* 250; *познавательный* 27);

Хороший 236

(*хороший* 115; *лучший* 98; *славный* 14; *идеальный* 9);

Доступный 225

(*простой* 181; *знакомый* 28; *прост для изучения* 10; *обычный* 7) и т.д.

Отнесение ассоциатов к определённому когнитивному признаку представляет в ряде случаев значительную трудность, поскольку многие ассоциаты по смысловому содержанию многозначны, и подчас весьма трудно определить, в каком конкретно смысле испытуемый использовал данное слово в качестве ассоциативной реакции на предъявленный стимул. В случае затруднений такого рода целесообразно опираться на следующие принципы:

1) логический критерий;

2) вероятностный критерий (выбирается наиболее вероятная интерпретация);

3) принцип аналогии (если ряд слов или выражений сходной семантики без сомнения может быть отнесён к тому или иному когнитивному признаку, то близкое к ним по смыслу слово или выражение также будет отнесено к данному признаку);

4) дополнительную верификацию ассоциативной связи стимула и реакции у информантов (в затруднительных случаях мы обращались к информантам с просьбой объяснить, например, какую связь имеет данный ассоциат со стимулом *«русский язык»). Данная методика называется методикой верификации.*

Верификационный эксперимент

Верификация есть перепроверка полученного материала на контрольной группе испытуемых.

Например, мы обращались к информантам с просьбой объяснить, какую связь имеет тот или иной интересовавший нас ассоциат со стимулом *«русский язык».* Испытуемым предъявлялись стимул и спорная реакция и ставилась задача предложить свою интерпретацию этой связи, подобрав синоним или симиляр или просто пояснив, что, по их мнению, имеется в виду.

Например: русский язык – *медленно текущий*: это какой?

Ответы: *неторопливый, неспешный, приятный*; на этом основании ассоциат интерпретировался как языковая репрезентация положительно оценочного когнитивного признака «приятный».

В интерпретационном эксперименте принимало участие небольшое количество испытуемых – 10-15, и если большинство давало сходные ответы, дальнейший опрос не проводился.

Методика верификации оказывается необходимой и в ряде других случаев.

Так, мы обратились к небольшой группе испытуемых (15 человек) с просьбой пояснить, в каком смысле используется в паремиях (предлагалось 10 паремий) и фразеологизмах

(предлагалось 10 фразеологизмов) слово *язык* – имеется ли в виду *русский язык* или *язык вообще*.

Опрос испытуемых показал, что под языком в пословицах, поговорках и фразеологизмах подавляющее большинство испытуемых понимает *язык вообще*, но при этом *язык вообще* в их сознании, по их собственному признанию, представлен *русским* языком. На этом основании соответствующий языковой материал интерпретировался как характеристика русского языка.

Верификация может также использоваться для подтверждения испытуемыми всех выделенных когнитивных признаков (генеральная или итоговая верификация). Для этого испытуемым предлагается полный список выделенных исследователем когнитивных признаков и предлагается подтвердить или отвергнуть эти признаки (в случае несогласия испытуемые должны вычеркнуть те или иные когнитивные признаки когнитивный признак).

Подобная процедура необходима, если когнитивные признаки выделялись не экспериментальными, а лексико-семантическими приемами – в опоре только на данные словарей и тексты. В таком случае когнитивные признаки, подтвержденные всеми испытуемыми в процессе верификации, составят ядро концепта, остальные отойдут к периферии.

В случае с описанием концепта *русский язык* процедура генеральной верификации не проводилась, поскольку данные о яркости отдельных признаков были получены в ходе экспериментальной процедуры – направленного ассоциативного эксперимента.

Результаты экспериментов позволяют построить полевую модель концепта.

Полевая структура концепта *русский язык* может быть представлена в следующем виде (цифры обозначают количество испытуемых, объективировавших в эксперименте данный когнитивный признак):

Ядро

богатый 1125;
красивый 846;
сложный 808;

выразительный 502;
родной 497;

Ближняя периферия

грубый 279;
интересный 277;
хороший 234;
доступный 225*;*
благородный 224;
международный 219*;*
великий 203;
народный 174;
нужный 165*;*
школьный предмет 154*;*
старый 131;
умный 123;
звучный 117*;*
могучий 101*;*

Дальняя периферия

необычный 76*;*
культурный 54*;*
удовлетворительный 51*;*
свободный 50*;*
используемый известными писателями и поэтами 44*;*
средство общения 43;
непонятный 43;
точный 40;
понятный 37;
связан с русской природой 37;
универсальный 24;
используемый известными русскими людьми 22;
живой 21;
веселый 21;
используемый рядовыми жителями России 20;
засоренный 19;
чувственный 16;
громкий 15;

на нем написаны известные произведения художественной литературы 10;
часть быта 10;
радость 10;

Крайняя периферия

используется страдающими людьми 8;
неприятный в звучании 8
выражает нравственные ценности (идеалы) 6
официальный 4
директивный 2

Единичные признаки не приводятся.

Таким образом, экспериментальные процедуры позволяют не только выявить содержание концепта в современном сознании носителей языка, но и моделировать структуру концепта.

© Стернин И.А., 2006

Т.А. Трипольская
Новосибирск

Гендерный фактор в семантике эмотивно-оценочного слова

Гендерные стереотипы – это один из видов социальных стереотипов, основанных на принятых в обществе представлениях о маскулинном и феминном. Под социальным стереотипом обычно понимается стандартизованный, устойчивый, эмоционально насыщенный, ценностно определенный образ… Синонимом стереотипа нередко выступают понятия предубеждения, предрассудка или клише [Пушкарева 1999]. Социальные стереотипы действуют в тех ситуациях, когда сложное явление упрощается до знакомого и привычного образца, взятого из арсенала исторической памяти, известного чужого примера и пр., вплоть до мифологических схем. Опознание (отнесение к известной схеме) в таких процессах, очевидно, заменяет понимание. В то же время стереотип может выступать и в качестве руководства к действию [Левада 1989].

В лингвистике гендерные исследования постепенно складываются в самостоятельное направление, в котором уже можно выделить некоторые аспекты изучения проблем, связанных с гендером: это лингвокультурологический [Телия 1996], коммуникативно-дискурсивный [Земская, Китайгородская, Розанова 1993] и социо- и психолингвистический [Горошко, Кирилина 1999 и др.]. Иными словами, активно изучаются наши представления, по данным языка, о мужчине и женщине и характерные черты мужской и женской речи.

Настоящее исследование лежит в семантико-прагматической области: это необходимый этап, с помощью которого можно выйти на решение проблем экспликации тех или иных фрагментов картины мира и лексикографической интерпретации участков словаря, связанных с отражением гендерной семантики.

Сочетание «гендерная семантика» кочует из работы в работу, причем это касается и психологических, и социолингвистических и собственно лингвистических исследований, однако место, статус и природа этого компонента лексического значения пока не осмыслены, а указанный компонент «не вписан» в существующие модели (дифференциальные и интегральные) значения слова. Очевидно, что гендерный компонент значения включается в состав денотативного и/или коннотативного (прагматического) содержания языкового знака.

Прагматический компонент в семантике слова – предмет изучения современной семасиологии и лексикографии [Апресян 1995; Скляревская, 1996, 1997; Булыгина, Трипольская 1998; Трипольская 1999; Булыгина 2001 и др.]. Состав и соотношение элементов, составляющих прагматический макрокомпонент, не определены, вопрос о них относится к числу наиболее дискуссионных (см. узкое и широкое понимание коннотации, соотношение коннотации и прагматического компонента (В.Н. Телия, Н.А. Лукьянова, Т.А. Трипольская, Е.Ю. Булыгина и др.). В прагматическом макрокомпоненте выделяют в качестве имплицитных когнитивный и идеологический, а в качестве эксплицитных – коммуникативно-ситуационный и эмотивный компоненты [Скляревская 1997]. Идеологический компонент основывается, в отличие от когнитивного, не на всеобщих и вечных представлениях о мире, а на знаниях и истинах (искаженных,

смещенных), навязанных, внушаемых, пропагандируемых в конкретном социуме [Скляревская 1997].

Представляется, что составляющие прагматической зоны значения не исчерпываются указанными элементами. К указанной зоне, так или иначе, тяготеют социальный, возрастной и гендерный факторы в смысловой структуре языкового знака. Отправной точкой в размышлениях о месте и специфике гендерного компонента является представление о том, что семная структура значения рассматривается как гетерогенная. В ней простраиваются разные типы смысловых отношений: в прагматической зоне значения как наиболее подвижной и диффузной складываются иерархические отношения, в которых вершинный компонент является переменной величиной (социальный компонент, или эмотивно-оценочный, или гендерный в разных семантических конфигурациях).

Гендерный компонент отражает, во-первых, онтологические характеристики предмета (денотативная семантика слова), во-вторых, он связан с широким кругом представлений /мнений /заблуждений социума, касающихся характеристик лица мужского и женского пола (прагматические смыслы). Этот факт неоднократно отмечался в работах И.А. Стернина о семном варьировании лексем *женщина* и *мужчина* (см., например, диспозициональные семы в лексическом значении слова) [Стернин 1985].

Гендерная семантика, о которой активно заговорили в лингвистических исследованиях (для психологии это более освоенная проблематика) последнего времени, безусловно, требует осмысления ее специфики, статуса и соотношения с другими микро- и макроэлементами в структуре лексического значения. Это проблема не только семасиологическая, но и лексикографическая: выявление и семантизация гендерных значений важно для толковых словарей и словарей активного типа. Кроме того, это интересный материал для исследования важнейших характеристик русской языковой картины мира.

Анализ словников разных толковых словарей свидетельствует о том, что гендерные характеристики в номинациях лица, признака, действия являются фрагментарными, очень скудными, а зачастую отсутствуют вовсе. Это естественное «положение дел» в

лексикографической практике – ведь чтобы стать объектом внимания лексикографа, языковой факт (гендерная семантика, например) должен быть осмыслен, исследован лексикологом.

Информация о гендерном факторе является наиболее существенной в лексикографировании эмотивно-оценочной лексики (важными также являются возрастной и социальный факторы): характеристики лица мужчины или женщины, интерпретируемые словарями как тождественные, весьма существенно отличаются коннотативной семантикой, прагматическим потенциалом слова. См., например: *модник – модница, болтун – болтунья (болтушка), трепло, рычать, трещать, ворковать, лепетать, чирикать, щебетать* и др.

Особый интерес для изучения гендерной семантики представляют такие характеристики лица, как: сугубо мужские // женские: *слон, остолоп, жулик, подкаблучник* // *фифа, пышка, лошадь, березка;* общие характеристики (среди них и существительные общего рода): *гений, талант, голова, молодец, гуляка, зевака, ломака, кривляка, кутила, злюка, замарашка* и др.; словообразовательные пары: *дурак – дура, злодей – злодейка, умник – умница*.

Совершенно не описаны в аспекте гендерной семантики существительные общего рода (*белоручка, грязнуля, неряха*, *неженка, чистюля, скряга, громила, лежебока*). Будучи формально пригодными для номинации и характеризации лиц мужского и женского пола, существительные общего рода существенно различаются а) частотностью употребления применительно к мужчине или женщине; б) семантико-прагматическими элементами; в) особенностями функционирования в речи.

Так, по данным направленного ассоциативного эксперимента, выделяются характеристики лица общего рода, называющие сугубо мужские недостатки: *кутила, гуляка, здоровяга, громила, пьяница, выпивоха, детина, лежебока* и др. Понятие недостатка человека, отраженного в эмотивно-оценочном слове, желательно пояснить: зачастую основанием оценки является вовсе не тот признак, что положен в основу номинации. *Детина, дылда* и др. отражают отрицательное отношение к объекту оценки не за очень высокий рост или

крепкое телосложение (это, скорее, положительные признаки внешности человека), но за негативные поступки, неподобающее поведение, несоответствие ожиданиям окружающих, хотя последние, будучи фактическими основаниями оценки, являются имплицитными, скрытыми. Иными словами, каузатор раздражения говорящего субъекта остается не эксплицированным.

Кроме того, имеются отрицательные оценочные единицы, связанные с «общими» недостатками, например, с жадностью и скупостью, однако соответствующие характеристики также избирательно применяются к лицам мужского и женского пола, ср., например: *скряга, сквалыга (*добавим окказиональные метафоры *Гобсек, Скупой рыцарь).* Возможно, они характеризуют наивысшее проявление признака характера, когда речь идет о всепоглощающей страсти, женская же скупость «измеряется», скорее, бытовыми мерками: *жадина, жадюга, скупердяйка /скупердяй* и др.

Второй момент связан с существенными отличиями в семантике мужских и женских характеристик общего рода. Так, эмотивно-оценочное слово *неженка*, в котором словари не отмечают никаких особенностей, связанных с гендерной семантикой (ср.: **неженка.** м. и ж. Изнеженный, чересчур чувствительный человек – ТСОШ), отличается широким вариативным потенциалом эмотивно-оценочного значения, зависимого от гендерной составляющей:

(1) Завел роту в огромную лужу и велит ротному командовать: «Ложись!». Тот помялся, однако командует: «Ложись!». Солдаты растерялись, думают, что не расслышали. А генерал при нижних чинах давай пушить командира: «Как ведете роту! ***Белоручки! Неженки****! Если здесь в лужу боятся лечь, то как в военное время вы их подымете… Не солдаты у вас, а* ***бабы****, и командир –* ***баба****!* (А.Куприн. Поединок); *(2) – Его ранило в живот. Рана глубокая. Я не знаю, довезу ли я вас к живому… – Что вы такое говорите? – у Мелитрисы вдруг все поплыло перед глазами, голова ее откинулась на подушки. – Фуй, какая чувствительная…право* ***неженка****! Выпейте вот это… оно взбодрит* (Н.Соротокина. Канцлер).

Если в первом контексте мужские характеристики (*белоручки, неженки, бабы*) несут сугубо отрицательные коннотативные смыслы (уподобление бравых солдат *бабам*), то во втором – *неженка* передает вполне терпимое отношение к женским слабостям.

Нельзя не учесть и словообразовательные пары, прагматические значения которых не являются идентичными. Ср.: **Трус**. Человек, легко поддающийся чувству страха.‖ж. **трусиха** (разг.). ‖уменьш. **трусишка** (разг.); **модник**. (разг.) Франт, во всем следующий моде.‖ ж. **модница**; **Болтун.** Болтливый человек ‖ ж. **болтунья** ‖уменьш. **болтушка** (ТСО, ТСОШ).

Отсутствие специальных толкований для женских и детских характеристик особо остро ставит проблему специального исследования гендерной, возрастной и эмотивно-оценочной семантики в их соотнесении. Простейший тест на сочетаемость с местоимением «я» (см. понятие иллокутивного самоубийства Вендлера) демонстрирует существенные отличия в прагматической зоне значения слов: – *Я, знаете, такая трусиха! Ужасно боюсь темноты* и – *Я такой трус!* (р.р.). Если первое высказывание представляется совершенно естественным в большом количестве коммуникативных ситуаций, то второе возможно, например, в шутливо-жалобном высказывании: *Я такой трус! Страшно боюсь стоматолога* или в вариантах: *Я вел себя как трус*, соотносимых с планом прошедшего (сейчас ситуация иная). Подобным образом функционируют и словообразовательные пары *модница* (скорее, положительное или шутливое / мягко ироничное отношение) и *модник* (насмешливое, ироническое, негативное отношение к мужчине, чрезмерно увлекающемуся модой).

Сходная картина наблюдается и в области глагольной лексики, в частности в глаголах говорения (*ворковать, чирикать, щебетать, пищать, рычать, рявкнуть, пропеть, ойкать, ахать, прошелестеть, лепетать, восклицать, брюзжать, басить, визжать* и др.), которые были проанализированы с точки зрения соотношения гендерной и эмотивно-оценочной семантики. Вполне логично соотнести эти

прагматические элементы и с социальным компонентом в структуре лексического значения [Крысин 1989].

Ср., например: **щебетать**.1. О птицах: петь. 2. перен. Говорить быстро, без умолку (**обычно** о детях, **молодых женщинах**) (разг.) [ТСОШ].

Данная словарная статья относится, скорее, к исключениям, так как содержит информацию о гендерной семантике слова. Обычно глаголы говорения не дифференцируются словарем с точки зрения принадлежности речи мужчине или женщине (*рычать, рявкать, болтать, ворковать, визжать* и др.). Указанные глаголы в реальной коммуникации могут (с разной долей вероятности!) характеризовать и мужскую, и женскую речь, однако при этом существенным образом меняется коннотативное содержание слова:

*(1)– Не сержусь, не сержусь, мой ангельчик! – **защебетал**а Марья Александровна, мигом оживляясь* (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон); (2) *Наденька о чем-то радостно **щебетала** в кругу подруг* (А.П. Чехов); (3) *– О чем это вы **щебечете**, пташки мои? Булавки-заколки сравниваете?* (разг. речь); (4) *– Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! Шинель моего лучшего друга! – **защебетал** развратный человек, вырывая из рук одного человека шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагоприятной насмешки, прямо на голову господину Голядкину; (5) – Яков Петрович, Яков Петрович! – **защебетали** оба регистратора, – вы здесь? По какому… поводу?* (Ф.М. Достоевский. Двойник).

В примерах (1) и (2) глагол *щебетать*, обозначая женскую речь, актуализирует семантико-прагматические признаки «говорить легко, весело, оживленно, звонко + положительное коннотативное содержание»; в контексте (3) реализуется значение «говорить о чем-то мало существенном, о ерунде + насмешливо-ироническое отношение к говорящим»; в примере (5) *защебетать* характеризует мужскую речь – «говорить бойко, быстро, подобострастно, желая понравиться собеседнику + социальный компонент "речь, направленная снизу вверх" + резко отрицательная оценка». В контексте (4) актуальный смысл глагола говорения осложняется компонентом «нагло». Таким образом, мужские и женские речевые характеристики (как и

прочие свойства человека), обозначаемые одним и тем же словом, отличаются неодинаковым объемом и качеством денотативной и коннотативной информации.

Для эмотивно-оценочного фрагмента словаря изучение гендерного фактора очень актуально, так как от гендерной семантики в существенной мере зависит содержание соответствующих коннотаций («эмотивность», «оценочность», «интенсивность/чрезмерность»). Гендерный фактор определяет знак, качество и интенсивность (категоричность) эмотивно-оценочного содержания слова. Подобное исследование дает возможность уточнить семантику эмотивно-оценочного слова, наметив широкий спектр денотативного и коннотативного варьирования, а также выявить особенности функционирования слова в дискурсе. Кроме того, это необходимый шаг в разработке лексикографических схем для лексики, содержащей гендерный семантический элемент. Выявленные семантико-прагматические отличия, связанные с гендерным и эмотивно-оценочными факторами, конечно, должны быть отражены в семантизации слова (в толковании, пометах, иллюстративном материале).

И, наконец, эмотивно-оценочный словарь, как видим, воплощает тонкие, уникальные элементы русской аксиологической картины мира и позволяет описать существующие гендерные стереотипы современного социума.

Литература

Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря (1988) // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. – М., 1995. Т.2.

Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова (лексикографический аспект) (1992) // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. – М., 1995. Т.2.

Булыгина Е.Ю. Идеологический прагматический компонент в семантике слова и его лексикографическая интерпретация // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор – текст – адресат. – Новосибирск, 2001.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Способы отражения прагматической информации экспрессивного слова в словарях (опыт исследования и материалы к словарю) // Языковые единицы в

семантическом и лексикографическом аспектах. – Новосибирск. 1998. Вып. 2.

Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня. – Харьков. 1999.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект.– М., 1993.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989.

Левада Ю.А. Интеллигенция // 50/50: Опыт словаря нового мышления. – М., 1989.

Пушкарева Н. Гендерные исследования: рождение, становление и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999.

Скляревская Г.Н. Реальный и ирреальный мир в толковом словаре (к вопросу о прагматическом компоненте слова) // Семантика и коммуникация. – СПб., 1996.

Скляревская Г.Н. К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? – СПб, 1997.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Трипольская Т.А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск, 1999.

© Трипольская Т.А., 2006

Р.О. Туксаитова
Астана, Казахстан

Когнитивная специфика билингвистического художественного текста (на материале русскоязычной казахской прозы)

Восприятие мира отдельным этносом, народом обладает определенной национальной спецификой. Картина мира, складывающаяся в сознании человека, интерпретируется в соответствии с особыми ментальными установками, получая художественное воплощение в билингвистическом тексте. С позиций психолингвистики художественный билингвизм

рассматривался в целом ряде работ [см.: Боржаков 1972; Жлуктенко 1979; Имедадзе 1960 и др.].

Билингвистический художественный текст создается на основе взаимодействия двух культур и двух языков, в нашем случае – русского и казахского. В данной ситуации можно говорить о взаимодействии двух языковых сознаний, как при порождении, так и при восприятии текста. В связи с этим Е.Ф. Тарасов выделяет два основных положения: а) общение образов разных сознаний; б) первоначально общение разных сознаний происходит в сознании общекультурного билингва, который, владея образами сознания двух культур, рефлексирует над различием этих образов, а затем учитывает их в процессе общения [Тарасов 1996: 9]. Билингвистический текст опирается на общий когнитивный фундамент картин мира двух народов. Когнитивный уровень текста обнаруживает то общее, что объединяет две культуры, два языка. С другой стороны, мир вещей, особый уклад жизни кочевников, особенности традиций, обычаев, стереотипов поведения выступают сигналами особого мировосприятия, мироощущения казахов.

Можно говорить о специфике категории читателя билингвистического художественного текста. Это читатель русский, для которого многое в билингвистическом тексте будет незнакомым, новым, и читатель казахский, знающий (но не всегда глубоко) быт, культуру, уклад жизни своего народа. Билингвистический текст вводит новые для читателей знания. Автор оценивает вводимые им же новые знания, степень их новизны. Другой этап ввода знаний основан на том, что автор предлагает известные знания как типовые, имеющиеся в сознании читателя. Писатель вводит конкретные образные представления, которые смещают имеющиеся знания и позволяют по-новому осмыслить уже известное. Автор билингвистического текста вводит разные участки знаний, заставляя по-другому посмотреть на *чужое* как на *другое*, как на частично *свое*, через незнакомые детали осмыслить и принять *чужое*.

Писатель-билингв А. Алимжанов обращается к исторической тематике. Он вскрывает такие страницы истории казахского народа, которые ранее были неизвестны. Исторический

материал дает возможность читателям по-разному взглянуть на один и тот же объект. Осмысление действительности, восприятие мира вещей, событий обеспечивает диалог культур.

Русский язык, являясь средством существования художественного произведения, не может быть лишь формальной стороной текста. Русская языковая основа с необходимостью вносит в текст содержание, соответствующее русской картине мира, русскому взгляду на действительность. Так формируется категориально значимый для билингвистического художественного текста фундамент диалога культур.

Тема текста – необходимый и существенный для межкультурного диалога категориальный признак текста. С помощью темы «осмысливается связь текста не только с его денотатом (отражаемой реальностью), но и с его субъектом (автором)» [Матвеева 1990: 21]. Тема текста поддерживается группами лексики, составляющими «тематическое поле целостности» [там же: 21]. Тематически связанные объединения национальной лексики выполняют текстообразующую функцию [Купина 1983]. Анализ текстов показывает, что национальное проявляется не в пунктирном расположении лингвоспецифических слов, а в системной организации единиц: концентрация тематически объединенной национальной лексики, маркирующей концептуально значимые участки художественной картины мира, обусловливает целостную структуру билингвистического текста.

Предлагаемая нами классификация номинативных единиц осуществляется поступенчато. Все рассматриваемые лексические единицы, обладающие национальной спецификой, были разделены на три множества, соответствующие определенным сферам [Скляревская 1988].

Первая сфера располагается в центре системы и связана непосредственно с человеческой деятельностью. Это сфера «Человек». Во вторую сферу входят наименования предметов, связанных с условиями жизни и быта людей – «Вещный мир». В третью сферу объединяются наименования реалий живой и неживой природы – сфера «Природа». Следующая ступень классификации – выделение субсфер [Чудинов 2001] – лексики,

наполняющей отдельные участки определенной сферы. Следует отметить, что в субсферы входят имена концептов, наполняющих определенные участки сферы. Последняя ступень классификации предполагает вычленение подгрупп внутри субсфер. Заметим, что в каждой сфере, субсфере есть общее, что объединяет две культуры, наблюдается пересечение мировоззренческих основ. Национальная специфика мировосприятия не только оттеняется, но и принимается читателями – инофоном, на фоне общих категорий. На примере анализа лексики сферы «Человек» продемонстрируем действие механизма межкультурного диалога.

Картина мира изначально антропоцентрична. Человек в центре мира со своим отношением к жизни, отношением к другим, ощущением собственного положения.

1. Субсфера **«Наименования административных институтов».**

Предки казахов некогда составляли часть основного населения Золотоордынского феодального ханства, а после его распада они входили в узбекские и казахские ханства. Однако в условиях кочевого скотоводства сохранялись пережитки родоплеменных отношений, которые переплетались с развитыми формами классовой дифференциации. Родовая структура казахов представляется довольно сложной: казахи делились на три жуза – старший, средний, младший. Условия для образования жузов и сами жузы складывались исторически, их появление – не единовременный акт. При этом, очевидно, сказывалось длительное существование на территории Казахстана еще в предмонгольское время разных крупных этнополитических государственных образований. Жузы делились на так называемые «поколения». Поколения делились на роды, племена [см. Бабаев 1979; Зиманов 1958; История Казахской ССР; Токарев 1958; Шоинбаев 1982; Сейдимбек 2001]. Писатели-билингвы часто используют казахизм *жуз*. При этом эксплицируются культурно-фоновые смыслы, заложенные в этой лексической единице: *Предки казахов отразили и Кира, и Дару, и Надиршаха, прогнали упрямых джунгар. Но началась вражда меж родами, брат пошел на брата. Степь распалась натрое.* ***Великий жуз, Средний жуз, Младший жуз. Жуз - это лик. Трехликим стал народ***. ***Несчастным*** (Алимжанов. Стрела

Махамбета); *А между тем, подхватив призыв батыров, мелкие отряды сарбазов-мстителей* **из Младшего, Среднего и Великого жузов**, *объединяя свои ряды, на совете воинов выбирали себе вожаков и, очищая родные земли от карательных отрядов джунгар, начинали свое победное шествие* (Алимжанов. Гонец). Писатель для наименования Старшего жуза часто использует определение *великий* и тем самым подчеркивает более высокий статус этого жуза в системе родоплеменных отношений: ***Аулы Великого жуза*** *бегут на запад, на северо-запад и на юг Казахии с Алтая, с берегов Тентека и Аксу, Алтынколя, Зайсана, Аккуйгаша и Чарына к границам Хивы, в Туркестан, где стоит священный пантеон великих ханов, батыров и биев, где покоится поэт Ахмед Яссави* (Алимжанов. Гонец). В русском языковом сознании имеется значение «могущественный, мощный», а идея могущества / мощи принимается и одобряется. Через идею могущества осуществляется механизм понимания осознания этноспецифической информации. Таким образом, в диалоге культур устанавливается механизм восприятия когнитивного участка новых для русского читателя этноспецифических знаний.

А. Сейдимбек замечает: «В жизни кочевников всегда существовали этнодифференцирующие признаки, придававшие каждому роду, племени специфическую неповторимость. Одновременно в каждом роду – племени наличествовали и этноинтегрирующие черты, которые позволяли относить их к единой общности, целостному миру кочевников. Например, в каждом родоплеменном коллективе потомки семи колен выделяются в самостоятельное отдельное ответвление со своим родовым знаком, родовым кличем, но при этом, хотя они и получают статус обособленного клана, сохраняют общую родовую принадлежность, помнят об одних предках. О своем родном племени [Сейдимбек 2001: 53]. Контекст реализует актуальный как для русского, так и для казахского читателя смысл «единение». Например: *А между тем, подхватив призыв батыров, мелкие отряды сарбазов-мстителей из* ***Младшего, Среднего и Великого жузов***, ***объединяя свои ряды***, *на совете воинов выбирали себе вожаков и, очищая родные земли от*

карательных отрядов джунгар, начинали свое победное шествие (Алимжанов. Гонец); *Прибыли почетные гонцы* ***от хана Среднего жуза Самеке и хана Великого жуза Жолбарса, вместе*** *с которыми великие бии Казыбек и Толеби* ***приняли присягу от имени племен и родов Среднего и Великого жузов*** (Алимжанов. Гонец.); *Старец поднял посох. Подождем, пока утихнут голоса:*

- *Нас сюда привело одно желание: подтвердить свое братство!* ***Сила народа всегда была в согласии и единстве****. Но разве мы не клялись в своем* ***единстве*** *двенадцать лет назад на горе Улытау? Разве мы не скрепляли кровью свою клятву?* (Алимжанов. Гонец). Концепт ***единения*** относится к числу руководящих идей как русского, так и казахского языкового и культурного сознания. Идея единения, внедряемая человеком, и, прежде всего, властителем, близка обоим народам.

В контекстах романов А. Алимжанова широко представлены этнонимы, используемые для обозначения родов и племен: *Обозленные* ***старшины родов тама, шеркты, шекты****, обездоленные* ***аулы маскаров и кетинцев, беглецы из шести родов: кердери****,* ***толеу, тагалбайлы, табын, тама и керей потянулись к нему (к Махамбету)*** (Алимжанов. Стрела Махамбета). Контекст может воспроизводить национальную действительность: неоднородность родоплеменных отношений в социальном плане: - *Зачем вам нужен этот бродяга?* ***Ведь он из рода кзылкурт****. А вы, аксакал,* ***из почтенного рода байул*** (Алимжанов. Стрела Махамбета). В тексте нет смысловых пояснений этнонимов, но сам факт родового различия русскому читателю понятен. Понятна и категория «своего круга», хотя принцип конкретного родоплеменного деления воспринимается как этноспецифический. Социоцентричность (ср. в русском фольклоре *Какого ты роду-племени?*) как принцип этнической идентичности близок и русским, и казахам. Вот почему социально-этнические мотивы поведения воспринимаются с одобрением:

- *Мое имя Каражал****, я из рода садыров****. В верховьях реки Боралдай, близ Каратау, есть урочище Уш-ши. Два месяца назад джунгары окружили мой род и перерезали весь. С тех пор то проклятое урочище называют «Садыр-мурде» – могила*

Садыра. Я самозваный глашатай, зовущий всех казахов к единству и мести, я одинокий мститель, аксакал (Алимжанов. Гонец);

- *Правда твоя, незнакомец. Султанам нет дела до нас. Они спасают свои стада. Мы казахи из Тентекских гор**, из рода болатшы**. Нас было десять аулов. Не осталось ни одного. Джут и джунгары доконали нас* (Алимжанов. Гонец).

Внутриродовые отношения подчинялись строгим нормам. Тщательно регламентировались все нюансы: уровень притязаний на верховенство, почет, подарки, границы почитания и дозволенности/ недозволенности, система табу и т.д.; определялись взаимные права и обязанности каждого субъекта. Определялся взаимообязывающий стиль поведения, тональность и атмосфера общения. Внешне это проявлялось в распределении по пространственному расположению юрты и в выделении места за дастарханом, очередности в подаче блюд, возрастной иерархии [см. Сейдимбек 2001: 13]. Ритуал выступает как форма поддержки институциональности.

Контекст воспроизводит особенности национального этикетного ритуала [Стернин 2003; Формановская 2003], выделяющего статусно-ролевые модели поведения: ***На почетном месте сидели владыки трех жузов Казахии – ханы Болат, Самеке и Абулхаир. А Абулхаир восседал в центре. Среди батыров Кенже впервые увидел Кабанбая, прославившегося в степи не менее чем Богенбай, своей храбростью и бесстрашием во многих схватках с джунгарами. Кабанбай сидел рядом с Кенже у выхода из шатра. Тут же находились Саныpак и Таймаз. Так по традиции полагалось занимать место на приеме у ханов батырам – выходцам из низших сословий. Остальные сели в соответствии со знатностью своего рода. Богенбай был выходцем из обедневшего, но знатного рода канжыгалы, что принадлежит к племени аргынов. Абулхаир пригласил его сесть рядом. – Это верно, что так поступил Абулхаир. Богенбай достоин этой чести, – спокойно проговорил Кабанбай*** (Алимжанов. Гонец). Контекст снимает оппозицию «свой – чужой». В данном случае батыр Богенбай оказался не в своем кругу, однако достоинства воина, проявленные в борьбе с

внешним врагом, были отмечены ханом, что и приближает его к кругу «своих» – ханов, султанов, занимающих высокое положение в иерархической системе родоплеменных отношений. Образ врага мотивирует возможности в сдвигах ритуалов. Воинская доблесть, служение отечеству, как и в России, ценится выше традиционных ритуализированных обычаев. Беспощадное отношение к внешнему врагу свойственно для обеих культур.

2. Субсфера «**Наименования лиц по социальной принадлежности**». Единицы данной группы, выступающие как сигналы социальной идентичности, выстраиваются в оппозицию «свой – чужой», основанную на социально-иерархической системе. Так, казахизм **ак-суек** имеет значение «привилегированные круги казахских родов». В данном случае писателем использовано описательное обозначение людей знатного происхождения, что в прямом переводе обозначает «белая кость». Хотя некоторые исследователи [см.: Зиманов 1958; Токарев 1958] проводят аналогию с выражением *голубая кровь*, последнее не является эквивалентом слова *ак-суек*, так как в значение последнего входят компоненты «по отношению к родоплеменному делению казахов». В контексте реализуется узкоспециализированная семантика, характеризующая чисто национальные родовые отношения: *Жангир* ***разделил казахов на чернь и ак-суек****. Ты тоже давно принадлежишь к* ***ак-суеку****, хотя и являешься сыном Отемиса* (Алимжанов. Стрела Махамбета). Использование автором русского историзма *чернь* сближает взгляд разноязычных читателей на исторически актуальную оппозицию *чернь* – ***привилегированные социальные группы*** / ***ак-суек***. Контекст создает образ социально разобщенного общества, состоящего из двух противоположных слоев общества: **богатых и бедных.** По одну сторону оппозиции находятся *ханы, султаны, баи, бии*, которые владеют несметными богатствами, лучшими пастбищами и живут за счет труда бедных людей. Контекст актуализирует смысл *«хозяева положения»*:

- *По Дарханным грамотам Жангира* ***баи, султаны, бии и ходжи*** *отняли пастбища бедных. Разорены аулы, люди лишены земли и крова. Пастбища по берегу Каспия от устья Едиля до*

устья Жаика отданы ***канцлеру Безбородко и графу Юсупову. Войсковые атаманы делят нашу землю, как тушу убитой овцы, жирные куски – для генералов, офицеров, султанов, ходжей и ханов, а народу – обглоданные кости*** (Алимжанов. Стрела Махамбета);

Сегодня в битве примут участие джигиты всех трех жузов, всех враждовавших раньше меж собой племен. Собственно ***враждовали не племена, а ханы, султаны, как говорят в аулах, «отпрыски белокостных господ*** (Алимжанов. Гонец).

В тексте формируется динамическая оппозиция, в которой присутствуют разные виды обобщения. Так, субстантивированное прилагательное ***бедные***, существительные ***народ, люди*** (о людях, которым по праву принадлежит земля), прилагательное ***наша*** (о земле) с притяжательным значением передает авторский взгляд на справедливость: ***народ – хозяин*** своей земли. ***Ханы, султаны*** характеризуются общим предикатом ***отпрыски белокостных господ.*** Хозяева жизни оцениваются автором как алчные расхитители народного богатства. К этой же группе богатых расхитителей примыкают ***канцлер, генералы, офицеры, войсковые атаманы.*** Союз ***и*** соединяет эти неказахские номинации с казахизмами ***султан, ходжа*** – или группой номинаций богатых расхитителей, власть имущих.

Лексика, направленная на обозначение социальных этнодифференцирующих признаков, используется в качестве знаков социальной ***идентичности***. Русский читатель, который не владеет специальными знаниями, позволяющими отличить ***бия от ходжи***, безошибочно отнесет и того, и другого ***к богатым***, а народ – ***к бедным***; то же касается казахского читателя, который лучше представляет себе собственную историю, но не знает ее в деталях. Основой диалогического межкультурного взаимодействия становится, как видно из анализа, универсальная дихотомия ***богатый – бедный***, воздейственность которой усиливается сравнением и метафорой. Образное представление беззастенчивого грабежа обездоленного народа устанавливает равнооценочное восприятие читателями антигуманного разбоя.

Желание хана как представителя высшего эшелона власти приблизить к себе бесстрашного воина, защитника интересов простого народа Исатая не встречает взаимопонимания. Контекст не снимает напряжения в оппозиции *«свои – чужие»*, а проводит границу между ними: *Хан решил выдать ему /Исатаю/ Дарханную грамоту, но Исатай не принял ее.* ***– Я из рода бершей, хан Жангир, и не хочу, чтоб твоя грамота стала щитом между мной и моим родом, причисленным тобой к черни*** (Алимжанов. Стрела Махамбета).

Для ханов, баев простые люди – это смутьяны, нарушающие их покой, посягающие на их земли, скот, богатства. Посеять внутреннюю вражду между родами и племенами, направить их на выяснение межродовых отношений – замысел баев: *Баеке, береги свой скот, чтоб он не попал в их руки. Подбрось милостыню своим верным слугам,* ***чабанам, пастухам, жатакам,*** *успокой их ненасытные утробы, и все они тебе верно послужат. А тут еще в нужный момент* ***надо упомянуть обиду аргынов на бершцев****, – так говорил мулла* (Алимжанов. Стрела Махамбета). Национальная лексика с семантической долей «бедняк-простак», создает узнаваемый образ обманутого народа, а соединение в одном ряду русских и казахских наименований **пастух, чабан, жатак** сближает взгляд на проблему угнетения и обмана бедных.

В текстах А. Алимжанова лексические единицы **хан, султан, бай** обладают высокой частотностью. Данные единицы имеют следующие словарные дефиниции**: Хан** «титул феодального правителя у тюркских и монгольских народов»**; султан** «титул верховного правителя»**; бай** «богач, крупный землевладелец или скотовод в дореволюционной Средней Азии» [МАС]. Следует отметить, что в казахском языке эти слова используются в более узком значении: у казахов ***хан*** «лицо, стоящее во главе жуза, орды (несколько племен)»***; султан*** «глава рода»**.** С.А. Токарев отмечает: «У казахов издавна сложилась резко выраженная классовая дифференциация феодального типа. Казахи делились на два обособленных сословия: «белую кость» и «черную кость» – «ак суек» и «кара суек». К черной кости принадлежала масса населения, к белой кости принадлежала господствующая верхушка: ханы и султаны, ведшие свое происхождение от

Чингисхана и его сыновей. Ханы стояли во главе жузов. Султаны составляли вторую ступень феодальной лестницы. Они стояли во главе отдельных поколений и родов [Токарев 1958: 383].

С.З. Зиманов считает, что в истории Казахстана султаны играли исключительную роль в общественной жизни и принадлежали к наиболее богатой и влиятельной феодальной верхушке. Ханские должности замещались только султанами [Зиманов 1958: 184]. А. Алимжанов употребляет эти лексические единицы в соответствии с теми значениями, какие они имеют в казахском языке: *Сын Есима* ***султан Каипгали*** *объявил себя спасителем и защитником тех, кто обижен Жангиром, Он обещал увести народ на восток, за Жаик, и там, на бескрайних просторах Сарыарки, с согласия ханов Младшего и Среднего жузов, создать новое ханство, где не будет преград для кочевий*. (Алимжанов. Стрела Махамбета); ***Наши ханы и султаны*** *забыли о семи заповедях предков, забыл о них и сам народ, вот почему на нас разгневан аллах, – вздыхал табунщик Оракбай*» (Алимжанов. Гонец).

Обратимся к лексеме **бай,** входящей в группу наименований лиц по социальной принадлежности. Эта единица в переводе на русский язык обозначает «богач», но значения слов ***бай и богач*** совпадают не полностью. Русская лексема **богач** является более общей по отношению к лексеме **бай**. Богатство само по себе может проявиться большим количеством недвижимого имущества, золота, земли и т.д. Богатство же ***бая*** выражается в основном в обладании большим количеством скота. С. Зиманов указывает на специфику семантической структуры этой лексической единицы: «Надо различать два значения слова **бай**. В одном случае оно употребляется для обозначения богатого человека вообще: **бай** – богач. Достаточно было хозяйству располагать скотом и пастбищем в размерах, обеспечивающих потребление и расширенное воспроизводство, как оно уже могло быть названо **байским**. Ханы, султаны, бии, тарханы – все это **баи**, поскольку владели лучшими пастбищными угодьями и многочисленными стадами. В другом значении слово **бай** обозначало не всех богачей-феодалов, а только определенную социальную прослойку этого класса, не

имеющую наследственных пожалованных титулов. **Баями** назывались выходцы из зажиточных слоев населения, которые не занимали определенных должностей, дающих им право носить титулы, и не пользовались наследственными званиями [Зиманов 1958: 214]. В текстах слово **бай** используется в значении «определенная прослойка класса феодалов»: *Овладев собой и выпрямившись, Узак степенно попрощался* ***с баем,*** *подошел к осунувшемуся от бессонницы Курмашу, отдал ему свою домбру* (Алимжанов. Стрела Махамбета); *По Дарханным грамотам Жангира* ***баи, султаны, бии и султаны*** *отняли пастбища бедных. Разорены аулы, люди лишены земли и крова, – слова Исатая звучали как удары хлыста* (Алимжанов. Стрела Махамбета); *Курмаш знал, что Дулат уже ищет своего белого коня***…** ***Бай Дулат*** *пойдет к матери и будет кричать, грозить, требуя, чтобы она сказала, куда девался ее сын. Что-то будет там. И все же он не мог представить того, что творилось в это время в родном ауле* (Алимжанов. Стрела Махамбета). В данных контекстах узнаваемы ролевые функции, в данном случае – действия, поведенческие стандарты, которые в общественном сознании приписываются баю как феодалу.

Особо следует сказать о казахизме ***бий.*** С.З. Зиманов указывает на особое положение биев. **Биями** назывались крупные представители родовой знати, занимавшие в обществе ступенькой ниже правящего сословия султанов. Если могущество султанов было обусловлено их богатством и происхождением от ак-суек, то сила и влияние бийской группы, кроме ее экономически господствующего положения в обществе, объяснялись и личными качествами ее членов, как-то: знанием адата (дедовских обычаев), традиций, умением защищать, отстаивать интересы общин и т.д. в условиях, когда общественные отношения регулировались нормами дедовских обычаев, нигде не зафиксированными, знатоки и хранители этих норм и обычаев, их истолкователи в глазах народа были окружены ореолом всевидения и мудрости [см.: Зиманов 1958: 193].

А. Сейдимбек пишет о существовании Совета биев, который был законодательным органом в государстве. Хан обязан был неукоснительно проводить в жизнь принятые Советом законы и

решения. Власть хана, следовательно, была властью исполнительной. Система демократического управления в лице Совета биев ориентировалась, прежде всего, на компетентность и работоспособность при обсуждении принимаемых решений. С другой стороны, такие люди не ханского происхождения, как Толе бий, Казбек бий, Айтеке бий, Бухар жырау, Махамбет акын, Суюнбай акын и другие акыны, жырау, поэты-сказители, не имеющие ни войска, ни могущества, смело и прямо глядя в лицо грозному хану, открыто говорили о существующих недостатках и пороках [см.: Сейдимбек 2001: 83].

В билингвистическом художественном тексте образ ***справедливого, мудрого бия*** сопровождается нейтрализацией оппозиции «богатые – бедные»: *Кенжебатыр знал, что они (*о биях***), эти трое старцев, жизнью и делами своими доказали свое бескорыстие и справедливость. Они служили одному богу – Истине***. Перед их судом всегда были равны все – богач и бедный, хан и пастух. Неподкупность давала им силу перед владыками степи и власть над умами людей приносила им любовь народа* (Алимжанов. Гонец); *Вот, наконец, раскрылись двери. Один за другим на зеленое поле перед шатром степенно вышли* ***три убеленных сединами старца, три великих бия, чьи имена были известны каждому степняку: три человека, о мудрости и справедливости которых уже давно слагались легенды и песни в степи*** (Алимжанов. Гонец). Нейтрализация оппозиции происходит на фоне интенсификации гуманистических универсальных ценностей – истинности и справедливости. Бии – голос народа. В ответственные для судьбы страны моменты они принимали единственно верные решения, от которых зависела судьба всего народа: ***Айтеке-бий*** *провел ладонью по бороде, выпрямился, будто сбрасывая с плеч груз годов, шагнул вперед и без всяких вступлений объявил: - Волею старейшин и вождей племен казахских и с согласия старейшин ханов – хана Великого жуза Болата – главой над сарбазами в великой битве с джунгарами станет самый молодой из ханов храбрый Абулхаир. – Пусть великий имам степи благословит его* (Алимжанов. Гонец).

О.В. Рябов считает, что «коллективная идентичность содержит элемент ситуативности, подвижности. Стратегии

социального творчества определяют изменчивость приписываемых Своим и Чужим черт, неизменными остаются лишь ее функции» [Рябов 2004: 167]. Фактор интолерантности реализуется в оппозиции «свой – чужой», когда бии оказываются на одной стороне с баями, султанами, ханами – иначе говоря, с классом имущих. Контекст разрушает образ мудрого бия и актуализирует смысл «чужой человек»: - *А ты не знаешь Маная? Тогда кто ты сам?! Дай глоток сорпы, а потом делай со мной что хочешь! Только джигита не трогай! Он последний из пятерых сыновей Маная.* ***- Я тебя спрашиваю: кто твой Манай? Султан или бий? Впрочем, вы все одна свора – свора волков, предавших свое племя, свой народ*** (Алимжанов. Гонец).

Ролевая позиция бия как носителя общечеловеческих ценностей, мудрого справедливого народного защитника исчезает. Бий, перешедший в стан султанов, примкнувший к «своре волков», становится алчным хищником, презираемым врагом. Безусловность оценки социально-ролевых действий бия-предателя создается с помощью русской языковой метафоры ***свора волков***, передающей образ враждебности, алчности, одинаково воспринимаемый как в русской, так и в казахской культурах.

В группу наименований, обозначающих лиц по социальной принадлежности, следует отнести лингвоспецифические единицы типа ***кара, кедей, жатак, бишара, тулегут***. Данные лексические единицы используются для обозначения лиц неимущих, занимающих самое низкое положение в социальной иерархии. Эти казахизмы не отмечены в толковых словарях русского языка. Русский синоним казахизма ***кара*** – ***чернь.*** Это слово антонимично ***ак-суек.*** В толковом словаре казахского языка слово ***кедей*** имеет значение ***«бедняк»***. Наблюдается лексическая дифференциация в значении данных единиц. Слово ***жатак*** еще уже по отношению к словам ***кара и кедей.*** В толковом словаре казахского языка фиксируется узкоспециализированное значение: ***жатак*** *«казах-бедняк, который не кочует из-за отсутствия скота»***.** Семантика данной лексической единицы сугубо специфична: она эксплицирует иерархию социальных отношений, свойственных

только казахам-кочевникам, в ней заложена определенная культурно-фоновая информация, которая реализуется в контекстах. Казахизм **жатак** буквально означает «оставшийся лежать; лежащий». С.З. Зиманов отмечает, что «первоначально жатаками называли членов кочевых коллективов, которые, не имея средств кочевания, оставались на зимовках, не переходили на джайляу. В первой половине 19 века жатаками уже называли не вообще более или менее оседлых бедняков, а определенную прослойку крестьян, осевших в основном в районе населенных пунктов и оторвавшихся от кочевых коллективов» [Зиманов 1958: 25]. В текстах А. Алимжанова реализуется оппозиция «свой – чужой», когда для класса имущих бедняки формируют образ чужого. Писатель обращает внимание на социальный контраст, который проявляется на различных уровнях:– *Дат, Алдиярхан! Мудрость живет в словах твоих, мой владыка; Вдруг оживился Караул-ходжа. – Одолеть их вместе сейчас трудно.* ***Чернь взбесилась, она в ярости и может легко проглотить иных краснобаев, похожих на того пастуха, который гнал двух козлов, а свистом оглушал целую долину, словно все сокровища земли были у него в руках*** (Алимжанов. Стрела Махамбета).

Воспроизводится ситуация неповиновения бедных, обездоленных людей. Лексическая единица **чернь** отражает пренебрежительное отношение лиц имущих к беднякам. Следующий контекст воспроизводит ситуацию исключения из своего круга человека, выбравшего другой путь – защитника интересов народа: *Все мы помним, как сам Алдияр-хан поручал этому (Исатаю) неблагодарному глупцу сопровождать сначала хивинского посла к царю в Петербург, потом – генерала Генса в его поездке по орде. Простому старшине,* ***выходцу из черни****, была оказана неслыханная честь. Но, как говорят, от ленивого жеребца не родится быстрый рысак, а кляча никогда не станет тулпаром. Он сам сапогом раздавил свое счастье, возомнив себя батыром – вождем* (Алимжанов. Стрела Махамбета).

В текстах А. Алимжанова казахизм ***жатак*** представлен в различных значениях: в одних случаях актуальным является значение «*бедняки, малоимущие»*: ***Тысячи жатаков*** *были*

согнаны в урочище. Караваны верблюдов, конные обозы доставляли в Жаскус лес и мрамор. Пятьсот туленгутов неусыпно следили за строителями (Алимжанов. Стрела Махамбета); ***У жатаков*** *отбирали коней, верблюдов, последнюю овцу* (Алимжанов. Стрела Махамбета). В других случаях наблюдается актуализация определенных культурно-фоновых участков общеязыкового значения казахизма: *...На Махамбета навалились ночью, когда он, будучи уверенным, что нет погони, решил на время распустить джигитов по домам и отдохнуть* ***в маленьком бедном ауле жатаков*** (Алимжанов. Стрела Махамбета); *В старом ауле Дулата остались лишь сторожа* ***и самые бедные жатаки, не способные даже перевезти свой скарб на новое место*** (Алимжанов. Стрела Махамбета). В данных контекстах ощущается первичное значение казахизма *«казах-бедняк, который не кочует из-за отсутствия скота»*. Для достоверного восприятия исторической ситуации миграции казахского населения важным является значение «определенная прослойка крестьян, осевших в определенном районе»: *На стыке ковыльной равнины и песков, огражденные саксаулом и зарослями песчаной акации, зеленели обильные луга. Посреди этих лугов стояли землянки, и в них жили* ***жатаки – самые бедные люди в степи*** (Алимжанов. Стрела Махамбета). Сема «*бедный»* объединяет все значения в текстовую и сверхтекстовую парадигму [Купина 1994], поддерживающую на глубинном уровне смысла социально значимую дихотомию ***богатый – бедный***, мотивирующую наличие общесоциальной природы формирования мировоззренческой категории «своего круга». Бедность (участь бедных, их судьба и зависимость от богатых) интерпретируется автором как надэтнический, надконфессиональный феномен: - *Эх, дочка, что и говорить* ***… Бедный русский мужик еще хуже вашего жатака живет. Поэтому и издеваются над ним… Степан зло стегнул коня****. Двуколка затарахтела по кочкам»* (Алимжанов. Стрела Махамбета); - ***Сказать можно так, хоть и наш Христос, и ваш Аллах, и Будда зюнгарский – разные боги, а мужики-то, считай, все одно схоже живут – один у барина землю пашет, другой у бая коней пасет, а третий у хунтайджи и нойонов***

под плетью пляшет. *Вот выходит, что воля-то у тебя тогда, когда под тобой конь хороший и сабля острая в руках* (Алимжанов. Стрела Махамбета).

Анализ субсфер «Наименования административных институтов» и «Лица по социальной принадлежности» позволяет сделать вывод о том, что в каждом сегменте, участке картины мира, есть общие для обеих культур «уголки». Можно говорить об общем когнитивном фундаменте в картине мира двух народов. Участки картины мира, отражающие национальную специфику уклада жизни, мировосприятия, мироощущения, воспринимаются как «иное», «другое», воспринимаемое и осознаваемое носителями другой культуры как специфическое. Коммуникативным результатом действия когнитивных механизмов художественного билингвистического текста является толерантность, лежащая в основе межкультурного диалога.

Литература

Бабаев К.Р. Семантическое изменение тюркизмов при их заимствовании // Советская тюркология. 1979. №5.

Боржаков А.О. О некоторых вопросах двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.

Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины 19 века. – Алма-Ата, 1958.

Имедадзе Н.В. К психологической природе раннего двуязычия // Вопр. психологии. – 1960. - №1.

История Казахской ССР в 5 т. – Алма-Ата, 1957. Т.1.

Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. – Красноярск, 1983.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск, 1990.

Рябов О.В. Межкультурная интолерантность: гендерный аспект // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург, 2004.

Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление. – Алматы, 2001.

Скляревская Г.Н. Опыт системного описания языковой метафоры в словаре // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988.

Стернин И.А. Толерантность и коммуникация// Философские лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая этнология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996.

Токарев С.А. Этнография народов СССР. – М., 1958.

Формановская Н.И. Ритуалы вежливости и толерантность// Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). – Екатеринбург, 2001.

Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. – Алма-Ата, 1982.

© Туксаитова Р.О., 2006

Т.А. Шадрина
Екатеринбург

О переоценивающем сознании постсоветского человека: изменение значения лексемы *идеология*

Психолингвистическому подходу к анализу языкового сознания присуще стремление интерпретировать язык как динамическую, «работающую» систему, обеспечивающую речевую деятельность человека. Внимание психолингвистов направлено не на языковые единицы сами по себе, а на их психологическую реальность для говорящего человека, на их использование в актах порождения и в актах понимания высказываний, а также в усвоении языка.

Психолингвистическая теория знаний включает в себя рассмотрение проблем языковой личности и языкового сознания. Языковая личность является носителем языкового сознания [Выготский 2001, Гальперин 1977, Горелов 1998, Стеценко 1993 и др.]. Компонентом языкового сознания является метаязыковое сознание. Процессы, протекающие в метаязыковом сознании в ходе коммуникативной деятельности, находят отражение в языковой рефлексии. «Рефлексия – особый речемыслительный механизм, вербальной формой которого является рефлексив» [Вепрева 2002:5]. Под рефлексивом мы понимаем относительно законченное высказывание, содержащее комментарий к употребляемому слову или

выражению. Термин *рефлексив* находится в одном ряду с такими терминами, как «метаязыковое высказывание» [Булыгина, Шмелев 1999:181], «контекст-мнение» [Лукьянова 1986], «словесное самомоделирование» [Ляпон 1989], «оценка речи» [Шварцкопф 1971], «folk linguistics» [Булыгина, Шмелев 1998].

Метаязыковая деятельность является обязательным компонентом языковой способности носителя языка и отражает обыденное сознание индивида. Метаязыковой комментарий ярче всего проявляется в условиях кардинальных изменений в жизни общества. В метаязыковом обыденном сознании осмыслению подвергаются наиболее значимые для данного синхронного среза ключевые концепты эпохи. В связи с происходящими изменениями в политической и экономической жизни общества пересматриваются и сложившиеся представления человека о мире. «Обновление концептуального мира носителя языка, концептуализация знаний о преобразующемся мире при представлении их в языковой форме сопровождается оценочной интерпретацией языкового знака, которая проявляется в феномене метаязыкового комментирования, в обостренной рефлексии носителя языка» [Вепрева 2002:23].

Объектом исследования в данной статье являются метаязыковые высказывания, в результате анализа которых выявляется особый тип переоценивающего сознания языковой личности. Цель статьи – показать амбивалентность современного языкового сознания постсоветского человека на основе наблюдений за метаязыковым комментированием говорящих по поводу лексемы *идеология.* Материалом исследования послужили рефлексивы, выбранные методом сплошной выборки из средств массовой информации с 1996 по 2006 г. при помощи поисковой системы Интегрум и информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка». Проанализировано около 1500 метаязыковых высказываний.

Любая политика так или иначе связана с отражением государственной идеологии. Понятие идеологии является одним из ключевых понятий мировоззрения личности, поэтому

переоценка самого концепта *идеология* отражает, как существенно изменяется языковая картина мира современного постсоветского человека, как личность избавляется от жесткой запрограммированности тоталитарного мышления. Определимся в понимании термина *идеология* в современной науке.

Существует широкое и узкое понимание идеологии. **В широком смысле** идеология представляет собой совокупность (политических, правовых, философских, нравственных, религиозных, эстетических и др.) идей, концепций, программ и взглядов, определяющих облик жизни общества [Ерасов 1994; Коваленко, Костин 1997; Нестеренко 1964; Романенко, Санджи-Гаряева 2004; Слышкин 2004; Яковлев 2001 и др.]. Идеология исходит из «сконструированной» реальности, ориентирована на человеческие практические интересы. Цель идеологии − управление людьми путем воздействия на их сознание, психику, волю, чувства. Результатом идеологического воздействия является снижение критичности при восприятии внушаемой информации. В состав идеологии входят идеи, возникшие на основе исторического опыта и условий жизни определенной социальной общности, которые особым образом отображают и оценивают действительность. Подобная концептуализированная совокупность идей роднит идеологию с наукой. Но если наука дает знание о предметах и явлениях действительности, их закономерностях, то идеология не только несет знание, но и выражает отношение к предмету знания. Это отношение обусловливается социальными интересами той социальной группы, с позиции которой осуществляется в идеологии отражение действительности. И поскольку к знанию прибавляется еще и отношение, то оно «обретает иное качество – качество сознания, или осознания, действительности» [Уледов 1985: 100]. Поэтому идеологию относят к сфере общественного сознания.

Определение идеологии как оценочного явления считается ее сущностным определением. Идеологическая оценка является одной из разновидностей интеллектуальной оценки и характеризуется двумя основными чертами. Во-первых, она оценивает предметы и явления, рассматривая их всесторонне,

глубже проникая в их сущность, чем это происходит в рамках обыденного сознания. Во-вторых, оценка производится с позиций интересов той или иной социальной группы. При научном подходе оценка опирается на критерий истинности или ложности, а при идеологическом рассмотрении основной критерий – «выгодно» / «невыгодно» данной социальной группе. Идеология «конструирует социальное воображаемое, производит иллюзии, которые позволяют человеку строить свою жизнь, получая запланированный результат, оправдывающий ожидания» [Круглова 2005: 82]. Люди, принимающие предложенную идеологией иллюзорную картину реальности, знают о том, что происходит на самом деле и насколько реальность противоречит идеологической конструкции. «Но это знание парадоксально сплетается с незнанием: они прекрасно осознают действительное положение дел, но продолжают действовать так, как если бы они не отдавали себе в этом отчета» [Жижек 1999: 43].

Идеологический компонент, обладающий, по мнению Г.А. Заварзиной [1998], социальной оценочностью и яркой однонаправленностью, основан на истинах, которые навязаны обществу, и предстает в силу социальной конвенции как привычный. Привычность постепенно начинает восприниматься как нормальность, нормальность – как естественность, естественность – как природность и, следовательно, как истинность. Функция подмены узуальности истинностью состоит в том, «чтобы отбить у идеологических “консервов” их идеологический вкус, заставив потребителя думать, будто он потребляет “натуральный“ продукт» [Косиков 2001: 15].

В узком смысле под идеологией понимается система политических взглядов и идей, связанных с вопросом захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики [Барботько, Войтова, Мирский 2001; Дилигенский 1994; Ильин 1995; Кириллова 2005; Маннгейм 1994 и др.]. Наиболее ярко выраженным видом идеологии в узком смысле слова была советская, или тоталитарная, идеология, способствующая усиленному навязыванию советскому обществу определенных идеологических взглядов и стереотипов. Важными представляются следующие

характеристики тоталитарной идеологии:

1. В структуре тоталитарной идеологии заложен жесткий принцип системности, который заключается в подчинении всех второстепенных аспектов мировоззрения одному центральному положению;

2. Основой тоталитарной идеологии является классовая теория, из которой выводится философия, история, политика и даже своеобразная теология. Все остальное, выходящее за рамки этой теории, уничтожается силовым путем;

3. Тоталитарная идеология пытается навязать новую “действительность” всему миру под видом объективно действующих законов;

4. Ядро тоталитарной идеологии образует одна "великая идея", которая внедрялась в массовое сознание людей при помощи пропагандистского аппарата, который программировал их мысли и поведение. При этом формировался новый тоталитарный тип сознания личности, для которого характерными чертами являются дихотомизм мышления, ориентация на «светлое будущее», игнорирование ценностей сегодняшнего дня. Порождаемый тип тоталитарного сознания «стремится к реализации простой схемы взаимодействия вождей и массы» [Круглова 2005: 65]. Происходит формирование такого типа сознания масс, в котором репрессивность воспринимается как норма, как естественный и очевидный уклад жизни, становится возможным осуществлять и террор, и идеологическое давление.

На современном этапе развития постсоветского общества сложилось неоднозначное восприятие слова *идеология.* Собранный метаязыковой материал, отражающий обыденное сознание в течение последних десяти лет, позволяет увидеть смысловую и коннотативную разнонаправленность лексемы *идеология,* изменение ее значения. Проследим, во-первых, динамику развития оценочных смыслов: отрицательная коннотация → нейтрализация оценочного компонента → положительная коннотация концепта; во-вторых, отметим расширение значения лексемы *идеология.*

В России традиционно сложилось негативное отношение к идеологии, поскольку в сознании человека идеология связана с

определенными временными рамками – советским периодом. Тоталитарная идеология советского времени усиленно навязывала обществу идеологические стереотипы, оказывала жесткое давление, пытаясь сформировать новый тоталитарный тип сознания личности. Поэтому большинство метаязыковых высказываний по поводу слова *идеология* имеют негативный характер: *В свое время нам привита была* ***аллергия*** *к самому слову* ***«идеология»*** (Влад. Ведомости, 1999, окт.); *Слово* ***«идеология»*** *вызывает у интеллектуалов бесконечную* ***изжогу*** (Тайный советник, 2005, февр.). Говорящий, комментируя свое отношение к лексеме, использует медицинские термины *аллергия и изжога*, в толковании которых содержится негативная семантика: аллергия – «измененная реактивность организма, вызываемая какими-нибудь *чуждыми организму веществами* и выражающаяся различными *болезненными состояниями*»; изжога – «*ощущение жжения в пищеводе*» [Ожегов, Шведова 2001: 22, 240]. В следующих высказываниях для характеристики *идеологии* выбраны глаголы ***тошнить, ломать, шарахаться,*** которые в данных контекстах имеют разговорный оттенок, а также стилистически сниженная форма ***обрыдло***, находящаяся за пределами литературного языка: *От слова* ***«идеология»*** *по-прежнему* ***ломает*** (Волжская правда, 2005, нояб.)*; От слова* ***«идеология»*** *меня вообще* ***тошнит*** (Звезда, 2001, июль)*; Мы до сих пор* ***шарахаемся*** *от слова* ***«идеология»****, потому что в свое время нас ей «перекормили»* (Монитор, 2001, апр.)*; Одна из проблем Бориса Николаевича в том, что ему настолько со старого времени* ***обрыдло*** *слово* ***«идеология»,*** *что как раз вот этой идеологии очень мало* (Коммуна, 1997, авг.). В метаязыковых высказываниях *идеология* получает широкий спектр отрицательных характеристик*: Не от хорошей жизни в послание включено* <u>*страшное*</u> *для партии власти* <u>*слово*</u> ***«идеология»*** (Патриот Кубани, 2005, май); *Замечательно, что в сознании современных пионеров понятие пионерия не связано с* <u>*холодным словом*</u> ***«идеология»*** (Вольная Кубань, 2004, май); *Слово* ***«идеология»*** **–** <u>*на грани ругательного*</u>*…*(Краснодарские известия, 2000, июнь); *Есть в нашем лексиконе ставшее почти* <u>*бранным, неприличным слово*</u> ***«идеология»****. И главное обвинение пионерии и комсомолу*

так и звучало: это идеологические организации (Липецкая газета, 2002, апр.)*; Организация без цели не имеет смысла, а цель вытекает из системы идей, взглядов, что и называется столь ненавистным многим словом* ***«идеология»*** (Областная газета, 1999, янв.); *Дурное слово – **«идеология»,** в идеологии всегда есть нечто догматическое, не органичное..* (Вечерний клуб, 1996, нояб.); *Заклейменное у нас слово **«идеология»** вовсе не является исключительно методом политического господства той или иной страны* (Московская правда, 2005, апр.). Отмечены метавысказывания с частотными операторами – глаголами *не люблю / не нравится*. Эти операторы относятся к предикатам сенсорно-вкусовой оценки, являющейся наиболее индивидуализированной. Сенсорная оценка всегда истинна, так как она искренна. Она «имеет статус неопровержимой субъективной истины» [Арутюнова 1988: 191]. Оценочная субъективность является дополнительным аргументом в рефлексивном высказывании. Сенсорные оценочные операторы информативно недостаточны, поэтому они всегда нуждаются в экспликации и конкретизации. Обычно в рефлексиве после общей сенсорной оценки идет комментарий, объясняющий оценку слова**:** *Только **я не люблю** этого слова – **«идеология»**. Мне 45 лет, и у меня это понятие будет всегда ассоциироваться с чем-то похожим на марксизм-ленинизм* (Коммерсант–daily, 1999, нояб.); *Мне **не нравится** слово **«идеология»** – от него попахивает старой марксистско-ленинской лексикой, что несет отрицательный заряд энергии* (Бюллетень. Москва, 2000, нояб). Данные рефлексивы представляют собой аксиологические высказывания с преобладанием эмоциональной реакции отрицательного типа. Появление негативной оценочной семантики у лексем, называющих советские реалии, закономерно. За годы советской власти коннотация приобрела устойчивый характер. Средством выражения оценки в вышеприведенных высказываниях являются как глаголы, так и прилагательные, содержащие в себе отрицательную коннотацию.

Не все метаязыковые высказывания нагружены отрицательным смыслом. Отмечен ряд рефлексивов, в которых говорящий не дает комментария относительно эмоциональной

окраски, а размышляет о временных параметрах лексической единицы. Корпус рефлексивных высказываний отражает непопулярность слова *идеология* и постепенный уход его из словаря: *Как бы мы ни говорили, что идеологии нет, она существует. Нужно только отстраниться от слова* ***«идеология»*** *и прибегнуть к более популярному термину. Каким был мессижд зрителям* (Красный север, 2000, авг.); *Слово* ***«идеология»*** *не слишком популярно в последнее время и в отношении финансового документа звучит несколько странно* (Курская правда, 2003, март); *Человек обязан быть зрелым идеологически. Вроде как сейчас слово* ***«идеология»*** *не в моде* (Маяк Балтики, 2004, апр.); *Основой личности, основой общества считается то, что называют немодным словом* ***«идеология»,*** *– веру, патриотизм, моральные ценности* (Невское время, 2002, янв.); *Кажется, слово* ***«идеология»*** *давно кануло в лету, так как мы ею пресытились* (Регион-Информ, 2000, март); *слово* ***«идеология»*** *является заплесневевшим архаизмом* (Сибирский курьер, 1997, май).

С разрушением тоталитарной системы индивид стремится избавиться от слов, относящихся к реалиям советской действительности. Большинство таких слов представляют собой идеологемы. Особенность идеологемы в том, что ее значение связано с денотатом (обозначаемым) политического характера. Естественные изменения в российской жизни, разрыв замкнутого пространства, а также контакты с европейской, мировой культурной средой обусловили процесс превращения идеологемы в культурему путем «освобождения семантики от идеологических наслоений». [Купина 2000: 183]. Освободившись от идеологических наращений, лексическая единица может продолжать функционировать в языке. Но нередко говорящий в условиях современной действительности пытается заменить старую лексему на новую или близкое по значению сочетание слов. Современные рефлексивы по отношению к слову *идеология* отражают этот процесс: *Мы ополчились на слово «идеология». Давайте заменим его словами «культурная политика». Но ее-то и нет.* (Липецкая газета, 2002, апр.); *Я предпочитаю идеологии слова «мирочувствование» и «мировоззрение»* (Вечерний клуб, 1996,

нояб.); *Теперь слово «идеология» заменено на слово «деньги»* (Вечерняя Москва, 2002, сент.); *Я предлагал собрать людей независимых, уважаемых, чтобы они выработали национальную идеологию или, если кому-то не нравится слово «идеология», план будущего Российского государства* (Литературная газета, 1996, окт.); *Избегая политически окрашенного слова «идеология», Алексей Венедиктов использует другой термин – «направленность»* (Вечерняя Москва, 2003, окт.). При попытке заменить слово *идеология* другим словом или словосочетанием встречаются рефлексивы, в которых говорящий сообщает, что замена невозможна: *Давно исчезло слово «идеология», но суть этого понятия не может исчезнуть* (Челябинский рабочий, 1997, окт.)*; я никогда не относился плохо к слову «идеология». Нельзя заменить это слово. Без идеи жить нельзя. Это будет или прозябание, или растительная жизнь…* (Тайный советник, 2005, янв)*; Слово «идеология» ушло из нашей жизни, а взамен ничего не дали. В результате много потеряно, хребта как такового, стержня не оказалось* ... (Куранты, 2003, дек.).

Под влиянием реформаторских преобразований в жизни общества в концептосфере языковой личности происходит изменение системы ценностных ориентаций. Постепенно концепт *идеология* переосмысляется, и в конечном итоге – деидеологизируется. Деидеологизация – преобразование смысловой структуры, связанное с переориентацией идеологической составляющей концепта политической сферы. Мена аксиологических оценок в смысловой структуре идеологических концептов может быть представлена в виде оценочной нейтрализации, поляризации и оценочного размывания [Купина 1997: 138]. Говорящий в условиях современной действительности пытается дать определение лексической единицы, нейтрализуя при этом отрицательную коннотативную семантику лексической единицы. Рефлексивы фиксируют ментальную трансформацию мировоззренческих установок. Определение идеологии в процессе порождения речи может быть как традиционным (соответствующим определению толкового словаря): *Я часто думаю: почему мы должны бояться слова* ***«идеология»?*** *Вот его определение из словаря:*

«Идеология – система идей и взглядов: политических, правовых, философских, нравственных религиозных, эстетических, отражающих общественное бытие в сознании людей» (Кабардино-Балкарская правда, 2002, окт.); *Любая идеология – это прежде всего система идей.* (Солидарность, 2002, июнь), так и индивидуальной интерпретацией термина*: Слово* ***«идеология»*** *я бы трактовал как «понимание гуманитарных проблем»* (Регион-Информ, 2001, апр.)*;* ***Идеология*** *– это прежде всего средство, которое сплачивает людей и цементирует их объединения* (Солидарность, 2002, июнь); *Геннадий Иванович, какое содержание вы вкладываете в слово* ***«идеология»*** *сейчас? – Я считаю так: идеология должна быть у внутренних органов одна – служение Закону* (Милиция. Законность. Правопорядок, 2000, сент.).

В некоторых случаях говорящий, употребляя слово *идеология*, обращается к его этимологии, тем самым нейтрализуя негативную семантику: *Кино немыслимо без идеологии, как любая культура. Слово* ***«идеология»*** *происходит от слова «идея». Не могут быть культура и искусство без идеи* (Камчатское время, 2006, янв.). В отношении данной лексической единицы появляются высказывания, несущие в себе положительный заряд. Говорящий передает эмоциональную положительную окраску, употребляя метаоператоры *люблю / нравится*: *Мне* ***нравится*** *это слово* ***«идеология»****, которое вы сейчас сказали* (Обл. газета, 2004, июнь); *Директор* ***любит*** *слово* ***«идеология».*** *Последнее время часто это слово употребляет* (Регион-Информ, 2001, апр.).

Слово *идеология*, приобретя нейтральный смысл, начинает жить новой жизнью. Общество осознало потребность в необходимости системы идей, которая давала бы мировоззренческую основу и открывала перспективы развития новой государственности. Общественное сознание утверждает необходимость возвращения в активный оборот старой лексемы: *К началу перестройки слово* ***«идеология»*** *попало в разряд табуированной лексики. В наши дни именно региональному начальству удалось «сиять заставить заново» это величественное слово* (Московские новости, 1998, дек.); *Нас в свое время словом* ***«идеология»*** *перекормили. Но идеология*

существует, она должна существовать в каждом нормальном государстве (Монитор, 2004, апр.); *Слово **«идеология»** в последние годы как-то исчезло из нашего обихода, затравленное как «позорное наследие коммунистического режима». Вот и выбросили слово из обихода, а вместе с ним и само явление* (Парламентская газета, 1999, янв.); *Пора прекратить с отвращением отворачиваться от слова «**идеология**». Пора признать, что без этого понятия нет государства* (Республика Саха, 1996, сент.); *Отсутствие в России яркой **идеологии**, привлекательной для широких масс и устраивающей власти, – одна из очевидных причин топтания на месте не только в политическом, но и экономическом отношении* (Новая биржевая газета, 2002, март).

В современном русском языке лексема *идеология* начинает активно употребляться как в узком, так и в широком значении. В узком, политическом, смысле слова лексема употребляется в связи со становлением демократического государства, которое также нуждается в определенной системе взглядов, в единой мировоззренческой концепции. Общество обсуждает смысловое наполнение новой позитивной идеологии: *Основной элемент **идеологии**, главный для нашей страны – это простые семейные ценности* (Время новостей, 2005, май.); *И последний, в высшей степени закономерный вопрос: что еще, если не семейные ценности, должно лежать в основе нашей новой **идеологии**?* (Гудок, 2004, июнь); *Сердцевина новой позитивной **идеологии** – «национальная идея», главная цель которой, - наше лучшее будущее, то есть наши дети и мы* (Гудок, 2004, янв.).

Идеологический вакуум, возникший в современной России, напрямую связывается с отсутствием внятной идеологии, с порождением негативных явлений, с безнравственностью, аморальностью, насилием, ерничаньем над властью.

Кроме того, собранный материал показывает активизацию лексемы *идеология* в новом, расширительном значении. Слово *идеология* теряет политизированную часть своей семантики, осваивается в современном русском языке как совокупность идей и взглядов не только в политике, но и в других сферах жизни общества. Формируется свободная лексическая сочетаемость существительного *идеология*. Взятые из

рефлексивов словосочетания с лексемой *идеология* можно распределить на следующие сферы: экономическую – *идеология бизнеса, идеология банков*, *идеология легких денег;* юридическую – *идеология Жилищного кодекса*, *идеология Земельного кодекса, идеология нового законодательства;* медицинскую – *идеология клиники нового поколения, идеология лечения наркомании, идеология здоровья;* промышленную – *идеология импортных систем, идеология строения автомобиля*, *идеология развития промышленности, градостроительная идеология;* культурную – *идеология персональной выставки, идеология оформления города, идеология театра, идеология школы дизайна;* духовную – *идеология терпимости, идеология взаимоотношений.* Говорящий свободно употребляет слово *идеология* с широким кругом лексических единиц. Такие словосочетания позволяют нам говорить о новых идеологиях, предполагающих решение проблем не столько посредством государственной власти, сколько методами гражданской инициативы и общественной самодеятельности. Выражая интересы отдельных слоев и групп общества, они уже не претендуют на идейную монополию в общественном сознании и, как правило, не выходят за рамки гражданского общества в сферу большой политики.

Динамическое развитие современного сознания спровоцировано экономическими, политическими, социальными преобразованиями в России. Анализ рефлексивных высказываний по поводу лексемы *идеология* позволяет сделать вывод о том, что происходит обновление концептуальной картины мира русской языковой личности. Кардинальная смысловая перестройка таких базовых концептов, как *идеология,* позволяет общественное сознание современной России отнести к сознанию переоценивающего типа.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Барботько Л. М., Войтов В.А., Мирский Э. М. Тотальная идеология против тоталитарного государства. http:// aermolin. Ru /library/1629, 2001.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Folk linguistics // Русский язык в его функционировании. – М., 1998.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Человек о языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Психика, сознание, бессознательное. – М., 2001. – 367 с.

Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления // Вопросы философии, 1977, №4.

Горелов И.Н. Языковое сознание как система актуализированных декларативных и процедурных знаний // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1998.

Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. – М., 1994.

Ерасов Б. С. Социальная культурология. Ч. I. – М., 1994.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., 1999.

Заварзина Г.А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80-90-е годы XX века (По материалам словарей и газетной публицистики): Автореф. дис…канд. филол. наук. – Воронеж, 1998.

Ильин М. Приключения демократии в Старом и Новом Свете // Общественные науки и современность. 1995. № 3.

Кириллова Н. Медиакультура. От модерна к постмодерну. – М., 2005.

Коваленко В. И., Костин А. И. Политические идеологии: история и современность // Вест. Московск. университета. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 2.

Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Ролан Барт. S/Z. – М., 2001.

Круглова Т. Советская художественность, или нескромное обаяние соцреализма. – Екатеринбург, 2005.

Купина Н.А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997.

Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. – М., 2000.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск, 1986.

Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. – М., 1989.

Маннгейм К. Консервативная мысль // Диагноз нашего времени. – М., 1994.

Нестеренко Г.Я. Идеология, ее особенности и формы. – М., 1964.

Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2001.

Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С. Проблемы составления словаря советизмов // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. – М., 2004

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград, 2004.

Стеценко А.П. О специфике психолингвистического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993

Уледов А.К. Общественная психология и идеология. – М., 1985

Шварцкопф Б.С. Оценки говорящим фактов речи // Автореф. дис…канд. филол. наук. – М., 1971

Яковлев А. Государственная идеология // Диалог. 2001, № 6.

© Шадрина Т.А., 2006

Д. Р. Шарафутдинов
Екатеринбург

Грамматика языковой системы и грамматика речевой деятельности: специфика взаимоотношений

Выработанная структурализмом дихотомия **язык – речь** предусматривает понимание собственно языка (кода) как абстрактной и пассивной «системы человеческого общения при помощи слов» [Широков 1985: 4]. Речь же в сложившейся лингвистической традиции трактуется как реализация, применение, «конкретизация» и «активизация» абстрактной пассивной языковой системы в коммуникативных целях. В соответствии с этим язык и речь соотносятся между собой как пассивное и активное, стабильное и подвижное, потенциальное и актуальное, обобщенное и частное, абстрактное и конкретное (ср. в лингвистической терминологии: *абстрактно-языковой* и *конкретно-речевой уровни*) начала соответственно. Так – узко – понимаемый язык («языковая система») в самом общем виде, как известно, состоит из двух генеральных компонентов, из двух модулей: словаря и грамматики. Под словарем в данном случае принято понимать полный набор, инвентарь (индекс) языковых единиц – полный состав фонетических единиц (фонов и фонем), значимых частей слов (морфов и морфем), самих слов (лекс и лексем), синтаксических единиц (синтаксических соединений и их структурных схем). Грамматика понимается как полный набор принципов организации и функционирования этих единиц – полный состав правил образования (деривации) одних единиц от других, видоизменения единиц по тем или иным (морфологическим) категориям, соединения единиц между собой на основе строевых моделей при помощи синтаксических связей. Иными словами, языковая система формируется совокупностями **языковых единиц** и **языковых правил** оперирования данными единицами. В условиях реальной коммуникации, оперируя языковыми единицами в соответствии с принципами устройства языковой системы, участники этой коммуникации – как носители языка, так и иноговорящие – тем самым осуществляют речевую деятельность, результатом (продуктом) которой является текст или его семантизация («языковой материал», по Л.В. Щербе), в зависимости от характера речевой деятельности. Таким образом, речевая деятельность и текст в рассматриваемой системе соотносятся между собой как процесс, с одной стороны, и результат, продукт этого процесса, с другой стороны.

Очевидно, что в настоящее время наука о современном русском языке – синхронная русистика – является одним из наиболее развитых «представителей» синхронного частного языкознания вообще. Синхронной русистикой накоплен гигантский опыт разнообразных теоретических и прикладных исследований и описаний русской языковой системы, русской речи и русских текстов. Обобщению этого опыта в первую очередь способствует замечательная традиция создания академических словарей и академических грамматик современного русского языка. Значение существующих академических грамматик русского языка для развития русистики в целом и каждой из ее отраслей (включая фонетику и лексикологию) в частности невозможно переоценить. Академические грамматики современного русского языка, в частности, двухтомная «Русская грамматика» 1980 г. изд., содержат несомненно блестящие, весьма подробные, глубокие и тонкие описания языковых фактов. Не будет преувеличением утверждать, что академические грамматики представляют собой мощное достижение не только отечественной лингвистической школы, но и – шире – отечественной культуры в целом.

Вместе с тем, важно иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Обсуждаемые грамматики являются грамматиками именно абстрактной и пассивной **языковой системы**, а не «конкретной и активной» **речевой деятельности**.

2. Как следствие, это грамматики именно **описаний** единиц и явлений, а не **предписаний** – инструкций для действий и алгоритмов для деятельности. Иначе говоря, это грамматики **характеристики** объектов, а не **оперирования** объектами.

3. Рассматриваемые грамматики воплощают преимущественно **классификационный** подход к объекту; по своим логическим основаниям это классификационные описания. «Надо ясно осознать, что существующее в школьной и академической традиции описание русской грамматики представляет собою *классификацию* явлений и фактов, принадлежащих грамматике. Причем все эти факты как таковые читателю этого описания известны и задача состоит лишь в том, чтобы эти известные факты упорядочить, разложить по соответствующим полочкам, каталогизировать. <...> Какую бы

грамматическую характеристику мы ни взяли, она представляет собою результат именно классификации. Не важно, будет ли это род существительного или наклонение глагола, способ словообразования или тип предложения по цели высказывания, член предложения или аффикс. Везде мы имеем дело с классификацией. Меняются объекты, лексемы, словоформы, морфы, предложения, меняются основания для деления на группы и подгруппы, семантические, сочетаемостные, чисто формальные, но суть процедуры и характер результата остаются неизменными – классификация» [Милославский 2002: 9-10].

Таким образом, в существующей академической традиции в качестве основного типа грамматики выступает (3) **классификационное** (2) **описание** (1) **языковой системы**. Совершенно очевидно и закономерно, что такое грамматическое описание принципиально не ориентировано на технологическое обеспечение речевой деятельности, не нацелено на решение задач производства или восприятия текста и его компонентов. Для решения этих задач требуются грамматики принципиально иного типа – не классификационно-описательные, а алгоритмически-предписывающие; не типологизирующие, а инструктивные; не каталогизирующие языковую систему, а проектирующие речевую деятельность.

В соответствии с этим противопоставление грамматик рассматриваемых типов основывается на серии дифференциальных признаков. Наиболее важными из них представляются следующие:

а) признак «объект»: языковая система – речевая деятельность; факты языковой системы – процедуры речевой деятельности; языковые единицы – речевые действия;

б) признак «предмет»: системно-структурная организация объекта как относительно статичного феномена – процессуальная, «поэтапная» организация объекта как динамичного феномена;

в) признак «цель»: создание типологии системы – создание технологии деятельности;

г) признак «методика»: описание системы на основе классификации единиц – планирование деятельности на основе алгоритмизации операций;

д) признак «основной операциональный элемент»: класс, тип языковых явлений – алгоритмическое предписание, инструкция для осуществления речевого действия.

Грамматика речевой деятельности принципиально вторична по отношению к грамматике языковой системы – как «грамматика реализации системы» по отношению к «грамматике устройства системы» соответственно. Технологическая грамматика выстраивается на фундаменте классификационной грамматики, опирается на результаты классификационно-грамматических описаний.

Методологические различия между рассматриваемыми грамматиками убедительно продемонстрированы в теоретических исследованиях, нацеленных на формирование научной идеологии грамматики речевой деятельности (точнее, грамматик речевой деятельности – продуктивной и рецептивной) как особого, самостоятельного способа интерпретации грамматических объектов и содержащих в связи с этим акцентированное противопоставление обсуждаемых подходов (см. прежде всего работы И. Г. Милославского и представителей его научной школы). Однако нетрадиционность, специфичность и самостоятельность «деятельностно-грамматического» синтетического («синтезирующего») подхода отнюдь не означают его изолированности, автономности и абсолютной самодостаточности, что также отмечают авторы данных исследований.

Подчеркнутое разъединение и жесткое противопоставление этих, хотя и сильно различающихся, но все же системно связанных и имеющих равные права на существование, концепций в настоящее время представляется нецелесообразным. Необходимым видится, напротив, определение контактных зон этих грамматик, выявление компонентов классификационной грамматики, принципиально «работающих» на решение тех или иных задач грамматик речевой деятельности, и, далее, использование соответствующей – необходимой и достаточной (!) – классификационно-грамматической информации при построении продуктивно-грамматических и рецептивно-грамматичес-ких моделей.

Так, создание грамматики продуктивной речевой деятельности (продуктивной грамматики) предполагает апелляцию к различным достижениям классификационной грамматики (например, к сведениям о сочетаемостных возможностях языковых единиц или об инструментарии словопроизводства, в частности о семантических и структурных характеристиках дериваторов); соответствующую реинтерпретацию полученных в рамках классификационного подхода данных о грамматических единицах и их свойствах. В соответствии с этим создание продуктивной грамматики в общем виде представляет собой комплексный проект, в составе которого классификационно-грамматический модуль принципиально предшествует собственно продуктивно-грамматическому. Содержание классификационно-грамматического модуля заключается в определении состава данных классификационной грамматики, необходимых и достаточных для планирования и решения задач продуктивной речевой деятельности; в отборе (разработке) типологий, релевантных и принципиально «подходящих» для построения продуктивной грамматики; в модификации типологий, обусловленной спецификой их использования в продуктивно-грамматическом модуле.

Следует констатировать тот факт, что в настоящее время русистика не располагает полными системными грамматическими описаниями, ориентированными на речевую деятельность. Существующие классификационно-грамматические описания направлены на решение преимущественно теоретико-лингвис-тических или некоторых лингвометодических задач, прямо не связанных с проблематикой технологического обеспечения речевой деятельности как таковой. Полноценные исчерпывающие грамматики, которые способствовали бы решению «деятельностно-грамматических» проблем различного рода – возникающих и перед учеными в ходе соответствующих теоретических исследований, и перед учащимися в рамках учебного процесса, и, что чрезвычайно важно, перед участниками практической коммуникации (продуцентом и реципиентом речи) в

условиях реального коммуникативного акта, – в науке о русском языке пока не созданы.

Продуктивно-грамматический проект характеризуется особой значимостью на фоне того факта, что идеографический, ономасиологический подход к изучению и описанию языковых знаков уже длительное время весьма успешно применяется в русской лексикологии и лексикографии. Наукой накоплен серьезный опыт составления идеографических словарей. Это создает дополнительный стимул для идеографических исследований в области грамматики, не имеющих столь давней традиции, но не менее важных – ведущих в конечном счете к созданию идеографической (=продуктивной) грамматики как системы технологического лингвистического обеспечения продуктивной речевой деятельности прежде всего на основе деривационного синтеза единиц (слова, предложения, текста) с заданными семантическими свойствами.

Литература

Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М., 1980.
Милославский И. Г. Культура речи и русская грамматика. – М., 2002.
Широков О. С. Введение в языкознание. – М., 1985.
Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

© Шарафутдинов Д.Р., 2006

К истории развития психолингвистики

ПЕРЕВОДЫ

Вниманию читателей предлагается перевод фрагмента книги немецкого исследователя Герхарда Гилбига, посвященной истории возникновения и развития психолингвистики.

Герхард Гилбиг

Противопоставление модели бихевиоризм – ментализм*

В 60 годы в США уже говорят не об одной только психолингвистике. Существуют – принятые во внимание традиционной психологией языка – два самостоятельных направления психолингвистики: с одной стороны, психолингвистика, базирующаяся на классическом структурализме и необихевиоризме (прежде всего Ч. Осгуд), которая исследует язык как вербальные отношения; с другой стороны, – психолингвистика, вырастающая из идей генеративной грамматики Н. Хомского (прежде всего, Миллера и его школы), которая трактует язык и языковую деятельность как врождённую языковую способность [ср.: Леонтьев 1975: 7]. За этим различием стоит противопоставление модели между бихевиоризмом и ментализмом как для лингвистики, так и для психологии [Хельбиг 1970: 297]. Проще говоря, речь идёт о следующем различии: психолингвистика до 1957 года занималась, прежде всего, словами, была ориентирована на ассоциативные и детерминированные объекты (установление связи между стимулом и реакцией), и языкознанием занималась только в узком смысле; психолингвистика же после 1957 года занимается, прежде всего, предложением, направлена на систему правил и характеризуется очень сильным влиянием со стороны лингвистики [Енгелькамп 1975] .

---

* Modellgegensatz Behaviorismus // Mentalismus Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1970/ Gerhard Helbig –Leipzig, 1986, 323 s. – S.274-278.

Более ранняя фаза американской психолингвистики находилась под существенным влиянием Ч. Осгуда, который пытался оформить психолингвистику в общую коммуникативную теорию. Хотя классический структурализм дистрибутивной разновидности был последовательно антипсихологической направленности (языковое описание должно было быть свободным от «психологизма»), в информационно-теоретическом смысле связанная с ней психолингвистика имела дело с «процессами кодирования и декодирования» (процессами передачи сообщений партнерами по коммуникации) [Осгуд, Себеок 1965: 4; Леонтьев 1969: 107; Гаугер 1973: 299; Хартунг и др.]. А.А. Леонтьев в этом случае правомерно заметил, что таким образом незнакомые величины дефинируются с помощью ещё более незнакомых. Однако здесь уже встречаются два существенных различия [Леонтьев 1975]. Появляется дифференциация между единицами языка и единицами, употребляемыми говорящим, если он говорит на своём языке, то есть единицами, которые говорящим узнаются интуитивно. Далее дифференциация появляется между лингвистическими и психологическими единицами, с одной стороны, и собственно психолингвистическими единицами языка – с другой. Эти психолингвистические единицы есть «такие сегменты сообщений, которые, встречаясь в целом в процессах кодирования и декодирования, подчиняются межплоскостному анализу.

Одновременно всё же ставится вопрос о «психологической реальности лингвистических единиц», вопрос, который позднее – при ориентировании психолингвистики на генеративную грамматику – должен был стать центральной проблемой и, по меньшей мере, может быть заключен в представлении о том, что структура языка сама частично и непосредственно может быть воспроизведена в вербальном поведении.

Более поздняя фаза американской психолингвистики характеризуется через генеративную грамматику Н. Хомского, из которой, прежде всего, Миллер, вывел новые проблемные установки для психолингвистики. Одним из существенных исходных пунктов для переориентации психолингвистики является осознание несоответствия между «входом» и

«выходом» в онтогенезе речевого развития. Это проявляется в частности в том факте, что дети, которые учат язык, знают значительно больше, чем они могут получить из предложенных первичных языковых данных своего непосредственного опыта, что они владеют врождённой теорией потенциальных структурных описаний. «Ребёнок, который таким образом познал язык, знает, конечно, количественно больше, чем он заучил. Его знание языка, как оно детерминируется с помощью его внутренней грамматики, выходит за пределы через первичные предложенные языковые данные и ни в коем случае не является индуктивной генерализацией из этих данных. Эта модель непосредственно для изучения языка может быть парафразирована в качестве описания того, как лингвист…оправдал бы грамматику, которую он сконструировал для языка на основе первичных языковых данных» [Хомский 1969: 49].

Между тем для психолингвистики становится существенной высказанная Н. Хомским мысль о «коренном различии между языковой компетенцией (знание говорящим/слушающим своего языка) и применением языка, вернее сказать функционированием (актуальным употреблением языка в конкретной ситуации). «Для лингвиста так же, как и для ребёнка, изучающего язык, возникает проблема: как из данных использования языка определить заложенную в его основу систему правил, которую говорящий имеет в своём распоряжении и которой он начинает пользоваться при актуальном применении языка. Поэтому языковая теория является скрытой в определённом сознании, так как она заботится об обнаружении скрытой действительности, которая лежит в основе актуального поведения» [Хомский 1969: 14]. Несмотря на это, генеративная грамматика (как описание имманентной языковой компетенции идеального докладчика/ слушателя) не является моделью говорящего и слушающего, она ничего не говорит о том, как слушающий или говорящий практически могли бы находить выход (это относится к теории применения языка). Всё же «благоразумная модель применения языка будет интегрировать генеративную грамматику как базовые компоненты, которые выражают языковое знание

говорящего/слушающего; но эта генеративная грамматика не представляет никаких указаний для характера функционирования одной модели для воспринимающего речь или порождающего ее» [Хомский 1969: 20].

В то время как среди других аспектов задача лингвистики состоит в том, чтобы описать идеализированную компетенцию, для психолингвистики главными задачами становятся:

а) исследовать применение компетенции при фактическом процессе говорения, то есть установить психические факторы, которые (дополнительно к компетенции) определяют применение языка, то есть в конце концов развить и проверить модель применения языка;

б) разработать модель для усвоения языка (онтогенез).

Неоднократно Н. Хомским делался акцент на том, что эти психолингвистические модели могут быть сконструированы только на основе лингвистической модели компетенции. Он внёс конкретный вклад лишь в психолингвистическую «интеграцию» своей лингвистической модели – кроме указаний на условия памяти, других психических факторов (таких, как рассеянность, внимание, интерес), на различия между «грамматичностью» и «приемлемостью» [Хомский 1969: 13; Хельбиг 1970: 300]. Против этого имелись многочисленные эксперименты и заключения Миллера и его школы, которые предпринимают попытку обосновать правила компетенции в применении языка, например, установить отношение между имеющимися грамматическими трансформациями и необходимым временем для операций в вербальном поведении по принципу – «больше трансформаций – больше операций».

С точки зрения генеративной грамматики отношения между лингвистикой и психологией исчерпываются всё же не тем, что лингвистика должна была разработать, в первую очередь, модель компетенции, и психолингвистика, во вторую очередь, модель языкового применения. Многократно подчёркивалось мнение о самой компетенции, как «одной ментальной реальности, которая лежит в основе актуального поведения», вхождение лингвистики в психологию, восприятие языковой теории как части психологии (и психологии как части биологии) [Хомский 1976]. Выдвигается требование относительно того,

чтобы психологическое толкование стало необходимой основой для теории грамматики. В этом смысле Хомский говорит о «необходимости генеративной грамматики», сначала исходя из внешних причин (на уровне дескриптивной адекватности), то есть из обоснования соответствия языковым фактам, потом – из внутренних причин (на уровне толкования адекватности), то есть по причине их отношения к лингвистической теории, которая допускает выбор из возможных грамматик. Это, в сущности, является вопросом построения теории обучения языку, «объяснения специфически врождённых особенностей, которые делают возможным достижение результата». Вместе с тем как внутреннее, так и внешнее оправдание грамматики, в конечном счёте, исследуется со стороны психологов. Грамматика должна быть выстроена с самого начала таким образом, чтобы она охватывала генерализацию, которая содержится в языковых знаниях и которая предоставлена в распоряжение организму в качестве основной базы вербального поведения, чтобы она так охарактеризовала структуру языка, как будто она представляет собой результат в организме. Из этого следует логичная основная идея для начатых психолингвистических исследований, базирующихся на этой теоретической основе, целью которых было доказать психологическую реальность лингвистической грамматики (то есть релевантность её единиц и правил для вербального поведения). Основная идея, которая была центральной для действующей психолингвистики, базирующейся на генеративной грамматике, в то же время впоследствии привела к большому количеству альтернативных решений.

Уже из этой двойственности отношений между лингвистикой и психологией теоретически вытекает множество возражений, изложенных противоположной стороной:

1. Так как языковая компетенция не является самостоятельной вне психики, ставится вопрос о проблеме разграничения компетенции и применения языка, вопрос, возможна ли выработка правильного механизма компетенции на основе наблюдаемых данных применения языка (если языковая компетенция заложена в основе психолингвистического механизма применения языка и владения им).

2. С другой стороны, вопрос ставится таким образом: как может быть сконструирована модель для языкового поведения, когда содержание компетенции психологически не является значимым, не смешивается ли таким образом в теории «языкового поведения» концепция обычного говорящего и лингвиста?

3. Понятие «компетенция» [Хомский 1969: 40] применяется «систематически» многозначно, в одном случае во внутреннем представлении теории языка, в другом – как лингвистический допуск к ней; фактически смешиваются два понятия, которые не являются идентичными: правила в языке и правила говорящего в языковом поведении. Язык, таким образом, становится языковой способностью: «Всё, что содержит грамматика одного языка, должно находиться в голове говорящего на этом языке, каждое слово языка имеет своего «близнеца» в субъективном лексиконе. Правила оперирования при производстве и восприятии языка идентифицируются с правилами оперирования языком, как «мёртвым телом».

©Бурмистрова Т.Н., перевод, 2006

Сведения об авторах

Бурмистрова Татьяна Николаевна – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Ватутина Екатерина Валерьевна – соискатель кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Гуц Елена Николаевна **–** кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Омского государственного университета (Омск)

Зырянова Елена Вячеславовна – ассистент кафедры речевой коммуникации Пермского государственного университета (Пермь).

Иванилов Василий Михайлович – кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кибанова Анна Владимировна – ассистент кафедры методики начального обучения Пермского государственного педагогического университета (Пермь).

Коновалова Надежда Ильинична – кандидат филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, декан факультета русского языка и литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Кусова Маргарита Львовна – доктор филологических наук, профессор завкафедрой русского языка и методики его преподавания в начальных классах Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Минюрова Светлана Алигарьевна – кандидат психологических наук, профессор, завкафедрой психологии развития, декан факультета психологии Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Овчинникова Ирина Германовна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой речевой коммуникации Пермского государственного университета (Пермь).

Рут Мария Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

Стексова Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск).

Стернин Иосиф Абрамович – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, завкафедрой теории и практики коммуникации Воронежского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, президент Воронежской психолингвистической ассоциации (Воронеж).

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современно русского языка Новосибирского государственного университета (Новосибирск).

Туксаитова Райхан Омерзаковна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Астана, Казахстан).

Шадрина Татьяна Александровна – аспирант кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского

языка Уральского государственного университета им. А.М.Горького (Екатеринбург).

Оглавление

Ватутина Е.В., Рут М.Э. Номинации событий: классификация номинативных признаков …….... 3

Гридина Т.А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры ……... 11

Гуц Е.Н. К проблеме интерпретации результатов ассоциативного эксперимента: методика анализа индивидуальных анкет респондентов …….. 24

Зырянова Е.В. Вариативность стратегий коммуникативного и речевого поведения (по материалам повествований пятилетних детей) ……..... 33

Иванилов В.М. Принципы толкования сновидений …… 42

Кибанова А.В. Актуальные концепты в сознании молодых россиян (по данным ассоциативного эксперимента) 50

Коновалова Н.И. Мифологическое сознание и его отражение в сакральном тексте ……..... 56

Кусова М.Л. Особенности отражения межсловной парадигматики в речи младших школьников ……..... 64

Минюрова С.А. Креативность как ресурс саморазвития человека в профессии ……..... 72

Овчинникова И.Г. Структура ментального лексикона: возрастная динамика ассоциативных связей ……..... 82

Стексова Т.И. «Политик» в представлении россиян …….. 90

Стернин И.А. Экспериментальные методы в лингвистической концептологии ……. 102

Трипольская Т.А. Гендерный фактор в семантике эмотивно-оценочного слова …….. 113

Туксаитова Р.О. Когнитивная специфика билингвистического художественного текста (на

материале русскоязычной казахской прозы) ……..... 121
Шадрина Т.А. О переоценивающем сознании постсоветского человека: изменение значения лексемы *идеология* … 137
Шарафутдинов Д.Р. Грамматика языковой системы и грамматика речевой деятельности: специфика взаимоотношений ……..... 149
Гильбиг Г. Противопоставление модели бихевиоризм-ментализм (перевод с немецкого ***Т.Н.Бурмистровой***) .....